

Протоиерей Димитрий Смирнов

Проповеди

Книга 3

Сестричество во имя Преподобномученицы Великой княгини Елизаветы; Москва; 2003

Сретение Господне

Праздник Сретения Господня не только символически показывает завершение Ветхого Завета и начало рождения Нового Завета, но в нем еще сокрыт некий глубокий смысл. Во-первых, он учит нас послушанию.

"Когда исполнились дни очищения их по закону Моисееву, принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа". Мать Божия не нуждалась в днях очищения, потому что рождение Ее Дитяти произошло чудесным образом, но несмотря на это Она за послушание исполнила закон, который был в то время в Ее народе.

Закон повелевал, чтобы каждый рожденный младенец-первенец был посвящен Господу. И Сретение Господне – это день, когда Младенца Христа на сороковой день после Его рождения приносят в храм, чтобы поставить Его перед Богом. "Как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложесна, был посвящен Господу, и чтобы принести в жертву... две горлицы или двух птенцов голубиных".

Жертва приносилась в знак очищения и в знак благодарности Богу. Когда человек благодарит, обычно это выражается в том, что он нечто от себя отрывает и дает другому. И при принесении младенца во храм приносили с собой и жертву. Тогда у немногих людей были деньги, и жертва была установлена в форме приношения птиц, которые отдавали на храм, и они шли в пищу священнослужителям или обслуживающим храм людям.

Но смысл духовный того, что Матерь Божия пришла в храм, не в этих жертвах и не в очищении, в котором Она не нуждалась, потому что была Приснодевой, а в поставлении перед Богом. Этот обычай перешел и в Церковь Господню: крестить ребенка на сороковой день после рождения в память о Сретении Господнем, чтобы с самого младенчества своего человек посвящался Богу. Хотя дитя еще не имеет веры, и не может отличить правду от лжи, и не знает грамоты, но родители, принося его в храм, как бы ручаются Богу за него, что он будет воспитан в богопочитании, в любви к Богу и к закону Божию. Сейчас, правда, крещение редко приходится на сороковой день, обычно его совершают позже, но само стремление во что бы то ни стало крестить ребенка, хотя родители часто и не понимают, зачем они это делают, идет как раз от этого обычая, который укоренился очень прочно.

В наше время суть поставления человека перед Богом выхолостилась. Родители, принося ребенка крестить, часто даже и не думают о том, что они посвящают его Богу, у них на этот счет бывают какие-то другие соображения, а иногда и никаких соображений, а просто: вот так принято, и мы так будем делать. На деле же, когда родители приносят в храм младенца, они тем самым свидетельствуют перед Богом: то, что Ты нам дал, Господи, мы отдаем Тебе. Ведь действительно младенец – это дар Божий, потому что не от родителей зависит его рождение, они не могут повлиять даже на цвет волос будущего ребенка. Как Богу угодно, такой младенец и будет. Родится ли Суворов, или чемпион мира по шахматам, или родится человек болящий с детства, или музыкант, или художник, или хороший токарь – это закладывается Богом. Господь является Отцом и Создателем человека. И то, что Бог дал, Богу и должно вернуть. Принося ребенка в храм, родители этим как бы говорят: Господи, Ты нам дал этого младенца, и вот мы обещаем: мы будем воспитывать его в послушании, в любви к Тебе, в страхе Божиим, в исполнении Твоего закона. В этом и есть глубокий смысл посвящения человека Богу.

И каждый из нас, здесь собравшихся, некогда был крещен, то есть освящен и посвящен Богу; каждому из нас дана благодать, каждый получил сыновство от Бога. Хотя мы рождены по плоти от грешных родителей, но крещение наше есть знак избрания, знак принадлежности к новому народу Божию, к сынам Божиим. Каждый человек в крещении усыновляется Богу. И как не подобает сыну великого царя или высокопоставленного или талантливого человека вести себя неподобающе, так же и христианину. Никто не удивляется, если дед пил, отец пьет, а сын в тюрьме сидит – это закономерно. Но когда говорят: отец писатель, хорошие книжки пишет, а сын его наркоман, или пьет, или в тюрьме сидит – здесь уже какой-то диссонанс: как же так, сам папа такой, а детки-то у него вот какие. К несчастью, мы, будучи чадами великого Царя Небесного, часто в жизни своей ведем себя совершенно неподобающе, как будто не Он Отец наш Небесный, как будто не Ему мы были посвящены в крещении, как будто наши родители или мы сами не поставили себя перед Господом, чтобы всю жизнь отдать Ему.

Господь говорит: "Да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного" – потому что добрые дети прославляют своих родителей, и те радуются, глядя на послушных и воспитанных в нравственных правилах детей. Тем паче Отец наш Небесный радуется, когда мы исполняем повеления Его. И часто люди благодарят родителей за то, что они воспитали хороших детей, – тем более важно, чтобы, зная, что мы христиане, что мы дети Отца Небесного, они прославляли Бога.

Посвящение нас Богу имеет огромное значение, и нам о нем никак нельзя забывать. Мы не просто какие-то люди, мы крещены во имя Отца и Сына и Святаго Духа, на нас лежит печать избрания, мы царское священство, каждый из нас по благодати является царем и священником. Царем – по наследству, потому что мы должны наследовать Царствие Небесное, если Господь не лишит нас его за то, что мы отказались от своего сыновства. Когда ребенок отрекается от отца, он перестает быть наследником. Поэтому если мы откажемся от сыновства, то и мы не наследуем Царство Небесное, как лишившиеся своего царского достоинства.

И независимо от пола и возраста каждый крещеный человек является также священником Господа Вседержителя, призванным приносить жертву, благоугодную Богу. А если мы не чтим Бога, не приносим Ему жертву, то мы отказываемся и от своего священства. Что должен человек приносить в жертву Богу? Всё, всю свою жизнь. Каждое наше слово, каждая мысль, каждое действие, что бы мы ни делали: трудимся ли мы на работе, делаем ли что-то по дому, воспитываем ли свое дитя, – должны быть для Бога: смотри, Господи, мы для Тебя трудимся.

Совершенно неважно, что мы делаем, а главное – как; чтобы Господь радовался, глядя на нас.

Любой матери не так уж важно, химик ее сын или плотник, лишь бы хороший человек был. Конечно, ей по тщеславию хочется иногда, чтобы сын стал академиком или премьер-министром – помыслы иногда у некоторых так высоко залетают. Но если у нее два сына: один дворник и не пьет, а другой министр и пьет, – то какой сыночек больше огорчения доставляет? Конечно, тот, который пьет. Отцу с матерью всегда приносит радость именно нравственное устройство сына или дочери. Поэтому и Богу неважно, какое место мы занимаем в человеческом обществе и как мы выглядим, какую одежду носим, какой формы у нас нос или уши или какого цвета волосы. Для Бога важно, что представляет из себя наша душа.

Господь вездесущий, и где бы мы ни были, мы всегда находимся пред очами Господними, хотя по немощи нашей забываем об этом – забываем, что Бог и в универсаме, Бог и на автобусной остановке, Бог и на работе нашей присутствует. Однако когда мы собираемся в храм, мы знаем, что идем молиться Богу, идем непосредственно общаться с Ним, встать перед Ним. Правда, некоторые доходят до такого безумия, что даже в храме забывают, зачем они здесь. Они могут и толкаться, и разговаривать, и думать о чем-то своем. Человек, ты к Кому пришел? Ты пришел в Дом Отца своего Небесного, и Отец Небесный смотрит на тебя и хочет увидеть тебя таким, каким Он тебя задумал. Он хочет, чтобы ты был святым, Он хочет дать тебе Царство. Но как Он может дать нам Царство, коли видит, что мы не знаем, как с ним обращаться, мы промотаем это наследство. Это все равно что на свинью повесить бриллиантовое кольцо – она не понимает; ей что янтарь, что простые камни, что ржавые гвозди.

Поэтому нам нужно постоянно и постоянно возвращаться мыслью к Богу, постоянно стараться иметь память о Боге, постоянно помнить, что мы дети Небесного Царя и посвящены Богу. И эта память Господня удержит нас от множества грехов, потому что нас будет охранять чувство глубокой ответственности, сознание, что мы не просто люди, а люди, взятые в удел, что за каждого из нас пролита Святая Кровь Господня. Поэтому мы не имеем права грешить, не имеем права искать своего, искать своей славы, исполнения своих желаний, а должны искать только воли Божией и того, как бы Господу угодить и как бы Его порадовать. Для этого каждое свое дело, каждое слово нам надо проверять. Вот ты собираешься нечто сделать, а задумайся на минутку, задай себе вопрос: на тебя смотрит Господь Иисус Христос, Который пролил за тебя Святую Кровь на Голгофе, – как Ему, понравится ли то, что ты сейчас делаешь? Понравится ли Ему то, что ты сейчас говоришь? Понравится ли Ему та мысль, которую ты смакуешь в своей голове? Нет, ответит совесть, и станет стыдно и противно, и скажешь: прости меня, Господи, я увлекся не туда; я согрешил, я отошел от Тебя, я хотел сделать то, что неуместно Твоему величию.

Если мы всегда будем держать память о Господе – а память о Господе есть непрестанная молитва (как апостол Павел заповедал нам: "Непрестанно молитесь"), – то мы вовек не согрешим. Такой молитве очень легко научиться в храме Господнем, потому что богослужение и есть непрестанная молитва. Мы так и молимся: то один молится, потом отвлекся, а в это время другой включился в молитву – и идет непрестанный ее поток. А "где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них", – сказал Господь. Господь присутствует среди нас и каждому из нас желает спасения. Поэтому Сретение Господне научает нас постоянному предстоянию перед Господом, чтобы не отвлекался наш ум. И если мы всякий раз, когда только опомнимся, будем мысленно ставить себя перед Богом, то удержимся от многих грехов.

Пусть этот праздник так и запечатлется в нашем сознании: не исполнение каких-то внешних законов спасает нас, а только перековывание собственного существа с греховного на святое. На это дело мы Богом посвящены и освящены, и на это дело Божие мы получаем помощь от Господа. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
15 февраля 1986 года*

Неделя о мытаре и фарисее

Со вчерашнего вечера святая Церковь начинает нас приуготовлять и телесно, и духовно к святой Четыредесятнице, Великому посту – начинает издалече, с Недели мытаря и фарисея.

Это воскресенье называется так потому, что на литургии читается Евангелие от Луки, притча о фарисее и мытаре. А грядущая седмица будет сплошная, поскольку ради посрамления фарисеев пост в среду и пятницу отлагается. И начнут совершаться покаянные песнопения из Триоди постной, которая открывается словами: "Не помолимся фарисейски, братие".

Церковь призывает нас не молиться по-фарисейски, потому что нет на свете вещи более мерзопакостной, чем фарисейская молитва, и нет более омерзительного состояния человеческой души, чем гордость. Лучше быть каким угодно злодеем, но не гордецом. С точки зрения мира сего наоборот: гордость превозносят, каждый человек любит говорить о себе хорошее, каждый стремится людям угождать, чтобы его все вокруг хвалили. Но нам надо навеки запомнить: то, что хорошо у людей, мерзость перед Богом, а что перед Богом высоко, то у людей находится в унижении и презрении. Поэтому каждый должен выбрать, чему и кому он служит, Богу или себе. Ну а если не Богу – значит, дьяволу, потому что дьявол оторвал человека от Бога и прилепил к самому себе.

Человеческая душа, созданная Богом, способна на любовь, но дьявол, соблазнив человека, ввел его в грех, и человек исказил данную ему возможность любви, стал любить не Бога, а самого себя. Человек отпал от Бога по гордости, поэтому нет страшнее греха. Гордость – мать всех пороков. Возьмем любой грех: зависть ли, воровство ли, тщеславие, блуд, многословие. Если мы проследим источник, откуда он истекает, увидим, что в начале всегда лежит гордость, любовь к себе, желание властвовать над другим, желание своего.

Почему вдруг на земле ни с того ни с сего появились неверующие люди? Сколько человечество существует, и вдруг объявились люди, которые нагло утверждают, что Бога нет. Откуда этот феномен двадцатого века? Началось это, конечно, несколько раньше и произошло от гордости, потому что человек возомнил о себе, что он что-то из себя представляет. А на самом деле достаточно маленького микроба, чтобы он уже свалился в постель; достаточно маленькой жизненной неурядицы – и вот он уже слезы проливает; достаточно маленькой ссоры – и вот уже семья распалась. Настолько в силу своей греховности человек немощен и ничтожен. Но почему он не видит этого? Потому что гордость имеет такое свойство, она ослепляет. Этим она и опасна. Почему Господь всех грешников прощал, увещевал, жалел, исцелял, а о фарисеях говорил: "Горе вам, фарисеи и лицемеры"? Потому что фарисей имеет эту страсть – гордость.

В сегодняшней притче мы слышали, как два человека вошли в церковь, фарисей и мытарь. Вошел праведник, который не прелюбодействовал, не присваивал себе ничего чужого, никогда ничем не нарушил закон, десятую часть того, что имел, отдавал на храм, постился, назубок знал Священное Писание, целые часы посвящал молитве. И вдруг Господь говорит, что он ушел из храма менее оправданный, чем всеми презираемый мытарь, который был и жаден к деньгам, и окрадывал свой народ. Можно предположить, что мытарь этот был великий грешник, недаром фарисей сказал: благодарю Тебя, Господи, что я не как прочие, вот эти человеки, которые воруют, прелюбодействуют. Спасибо Тебе, Господи, что я такой замечательный человек, что я человек с большой буквы, я гораздо лучше, чем этот презренный мытарь. А Господь говорит, что мытарь, который бил себя в грудь и не мог от стыда даже на небо глаза возвести, но смотрел в землю и говорил: "Боже, милостив буди мне, грешному", – этот мытарь, несмотря на все его тяжкие грехи, ушел в свой дом более оправданный, чем фарисей.

Что же, может быть, надо ругаться, грабить, блудить, потом стукнуть себя в грудь и сказать: "Боже, милостив буди мне, грешному"? Нет, Господь не к этому призывает, и заповеди Божии охраняют от греха. Господь однажды сказал: "Даже если когда все исполните, говорите про себя, что вы рабы есть негодные, потому что сделали только то, что требуется от вас". Поэтому тот, кто постился, вкушая только раз в неделю, спит на голой земле, наизусть знает Священное Писание, ежедневно ходит в храм, еженедельно причащается Святых Христовых Таинств, – что он, собственно, такого особенного делает? Да ничего – только то, что должен делать каждый православный христианин. Каждый христианин должен в храм ходить, каждый должен причащаться Святых Христовых Таинств и наизусть знать Священное Писание!

Что же от нас требуется? Надо, чтобы мы не только исправили свой внешний вид, хотя это тоже необходимо, потому что очень важно, куда человек ходит, что он делает своими руками, что он говорит своим языком. Безусловно, важно очистить внешнюю часть своей жизни, но еще более – очистить "внутреннее сткляницы" своей души. Потому что можно научиться не

воровать, не прелюбодействовать, молчать и вообще себя прилично в обществе вести – хотя это трудно, но можно, – но это не значит еще стать христианином, это не значит еще быть оправданным от Бога, потому что Богу не нужно только внешнее, Богу важно то, что у нас внутри, какие мы по своей сути.

Что толку, если человек не пьянствует, не проигрывает в карты деньги и живет мирно в своей семье, имеет двоих детей, автомобиль и шапку за двести пятьдесят рублей? Хотя Отцу Небесному, конечно, такой раб Божий более приятен, чем грешник, который забыл Бога и сквернит себя всякими грехами. Но это не значит, что человек, внешне добропорядочный, угоден Богу. Не всякий праведник Богу угоден, а тот, который смиряет себя, потому что гордость хуже воровства, хуже всякой ненависти. Когда человек превозносит сам себя, тем самым он отрывает себя от Бога. Только изжив гордыню, можно начать путь ко спасению. И все, чему Церковь нас учит: богослужение, посты, Священное Писание, заповеди Божии – это путь освобождения от гордости, от своеволия, от наглости, от собственных предвзятых и ложных мнений, которые противоречат воле Божией.

Господь говорит: "Если хочешь быть Моим учеником, отвергнись себя и следуй за Мной". Почему необходимо, чтобы достичь Царствия Божия, отвергнуться себя? Потому что в нас ничего хорошего нет, и все, что есть у нас своего, – это грех и мерзость, и, не отвергнув это, невозможно ни увидеть Бога, ни познать Его. Это совершенно исключено, потому что гордость человека ослепляет, оглушает, так что он не понимает самых простых вещей. Он не видит Бога в мире, а придумал себе нечто, чему поклоняется, причем даже не рассматривает это, потому что если он внимательно на это нечто посмотрит, то увидит в нем не Бога.

Человек только думает, что Богу поклоняется, а на деле поклоняется самому себе, своим желаниям, своим страстям, привычкам, привязанностям. Он служит себе, у него все для себя: и дом для себя, и муж для себя, и дети, и работа, и книжки – все только себе, только возвеличивание самого себя. То есть человек вместо Бога в своем сердце поставил на пьедестал самого себя. Человек любит себя – это есть самый страшный духовный разврат, страшный блуд, именно потому для Бога омерзительный, что это искажение богосозданной человеческой природы: способность человеческого сердца на любовь должна быть направлена вовне, а не на себя.

В человеке есть печать Божества, в нем есть образ Божий – и если бы он поклонялся образу Божию, который начертан в нем перстом Господним! Но нет, человек пристрастен к своим греховным привычкам, к вкусенькому, к красивенькому, ко всему спокойненькому, чтобы его все ласкало, утешало. Он ищет себе комфорта, покоя, душевного благополучия, хочет, как страус, под собственное крыло или в песок голову зарыть и там пребывать, чтобы ему было сыто, сухо, спокойно, богато и тепло. И каждый из нас в меру своей испорченности вот в этом живет и тратит драгоценные годы, драгоценные месяцы, дни, часы на эту пустоту, на служение самому себе. А это бесплодно, потому что всегда придет крах, причем часто и в этой еще жизни.

Господь сказал: "Всяк возносяйся смирится" – и слова Господни непреложны. Для каждого превозносящегося, для каждого, кто о себе шибко высоко думает, обязательно придет такой час, когда все, что он нагородил, рухнет и он останется ни с чем. И тогда уныние, отчаяние. Многие от этого даже с собой кончают, а некоторые пытаются начать все сначала. А что сначала? То же самое городят, только в другом месте: здесь не получилось, попробуем там – забывая, что десять-пятнадцать лет прошли впустую. И так всю жизнь, пока не придет смерть, которая для человека, живущего во Христе, является радостным событием, потому что он идет к Богу, душа его радуется, окрыляется, он ждет с вожделением этого момента. Вся его жизнь была подготовкой к этой полной встрече с Богом, Которого он постоянно искал и на молитве, и в богослужении, и причащаясь, и в общении через Священное Писание. И вот наконец эта долгожданная встреча лицом к лицу с Богом.

А для человека, который всю жизнь делал кумиром самого себя, смерть ужасна. Недаром в Писании сказано: "Смерть грешников люта". Лютая смерть, страшная, неумолимая, потому что спрятаться некуда. Со всем, что удалось тут выстроить, приходится расставаться. Хочется ногтями уцепиться за эту землю, но ничего не получается. Организм отказывает служить человеку, он в ужасе, в панике, кидается к врачам, к знахарям, лишь бы спасти свою... что?

душу? Нет, спасти свою шкуру – это очень верное слово. Человек не о душе заботится, а именно о шкуре, об оболочке души, ему нужно продлить жизнь своего тела. Для чего? Ну продлили еще на десять, ну на сто лет. Многие ученые мужи, целые коллективы ученых во всем мире бьются над этой проблемой: как продлить. Продлить что? Вот это безобразие, которое почему-то называется жизнью, когда человек служит самому себе. Разве это жизнь? Ну даже если двести, триста, тысячу лет проживешь, все равно придет момент, когда все, что ты строил без Бога, рухнет. Потому что человек, ставя в своем сердце вместо Бога самого себя, превращается в фарисея.

Почему Христа распяли? Почему вдруг такие грамотные, умные, постящиеся и знающие закон люди не увидели во Христе Сына Божия, а кричали: "Распни, распни Его"? Как же так? Ведь вы же знаете закон, знаете книги пророков, почему же вы не увидели, что все пророчества на Нем исполнились? А потому, что гордость ослепляет полностью. Любому человеку скажи: "Ты горд" – и вот первое движение его души, он скажет: "Нет". Лучшее доказательство гордости эти слова. Потому что, если человек имеет гордость, она его ослепляет. Почему нам часто на исповеди не в чем каяться? Почему мы не умираем под тяжестью собственных грехов? Почему мы не седем от ужаса из-за того, как проводим свою жизнь? Почему мы беспечны? Почему рвемся вперед? Да потому, что не видим, как лезем на эти острые шипы грехов. Гордость делает нас полностью слепыми, мы совершенно не понимаем, что мы делаем, что творим, куда идем.

И только тогда, когда в человеке начнется процесс истинного покаяния, когда он увидит, как мытарь, море своего безумия, море своих грехов, своей бесполезности поедания кислорода на этой земле, никчемного, ненужного, гнусного существования, когда человек ужаснется – он поймет, что не может сам выйти из этого состояния. И он сразу будет нуждаться в Спасителе, сразу обратится к Нему, будет бить себя в грудь и говорить: "Боже, милостив буди мне, грешному". И вот это и есть начало выздоровления. С этой молитвы мытаря: "Боже, милостив буди мне, грешному" – начинаются утренние молитвы православного христианина, чтобы ввести нас в чувство покаяния, потому что покаяние есть оживление души, это есть начало видения истины.

А истина эта очень неприглядна. Она заключается в том, что вдруг мы видим, что мы гораздо хуже каждого из тех, кто нас окружает. И это истинное видение дает нам возможность сразу и Бога видеть, и понять Его заповеди, и познать, что в нас противится спасению, почему нам не хочется молиться и в храм ходить, почему мы не читаем Священное Писание, почему не знаем заповеди Божии, не можем обуздать свой язык. Мы сами себе прощаем, сами себе позволяем делать маленькие гнусности, которые постепенно в процессе нашей жизни превращаются в большие. Мы сами постепенно, час от часа, усыпляем собственную совесть и в результате превращаемся в фарисеев. И приходим в храм, как к себе домой, с наглым видом, покупаем здесь все, что нам нужно: хочу это куплю, хочу это, это я закажу, здесь я поставлю. Но это пустая трата времени, денег и сил. Все это бесполезно до тех пор, пока не начнется в нас процесс выздоровления души. А он начинается со слов: "Боже, милостив буди мне, грешному".

Но нас ужасает не груз грехов, нас ужасают болезни тела. Нас больше всего беспокоит этот дискомфорт, что где-то что-то болит. И нам не страшно, что у нас душа не только болит, а может быть, она давно уже умерла и мы духовно гнием заживо. Жизнь есть общение с Богом, и если этого общения не происходит, то человек не живет. Жизнь человека отличается от жизни животных тем, что он способен познать Бога. Потому что человек носит отпечаток Божества, человеку дан Божественный разум, человек носит образ Божий, чтобы через этот образ, который в нем заложен, познать Создавшего его. А мы, будучи в грехе, забыв Бога, превратились в муравьев, которые все тащат себе, рассматривая все окружающее только для себя. И так мы и детей воспитываем, и так мы относимся к родственникам. Это во всем проявляется. Нам неважно, как человек себя ведет, нам неважно, что у него в душе, а важно только одно: как он к нам относится. Если он к нам относится хорошо, он хороший; если плохо, значит, он плох, мы его осуждаем независимо от того, каков он на самом деле. Так у нас полностью искажается восприятие мира. А причина – в нашей гордыне, в превозношении, в том, что мы поставили на пьедестал в своем сердце вместо Бога самих себя.

Поэтому святая Церковь заранее начинает нас приуготовлять к Великому посту, который завершается Пасхой. «Пасха» в переводе на русский язык означает «переход» – переход в новую жизнь, духовную, где между разумными существами совершенно иные отношения, где все построено не на себялюбии, а на любви к другому. Потому что любовь, повторяю, всегда должна быть направлена от себя. Поэтому Господь и дал заповедь: люби Бога – Существо, Которое выше тебя, и люби ближнего – опять же не себя, но люби его хотя бы как самого себя: все то, что ты желаешь себе, ты должен от всей души желать ему, не на словах, а на деле.

Церковь дает нам образ. "Не помолимся фарисейски, братие", – взывает она. Господь сказал нам эту притчу о мытаре и фарисее – как в храме стоят и молятся два человека, праведный гордец фарисей и отчаянный, но кающийся грешник мытарь. Эта притча должна отпечататься в нашей памяти, если мы хотим грядущий пост провести так, как подобает православному христианину, если хотим еще на один шаг приблизиться к Богу, Которого мы не чувствуем, не понимаем, не знаем, каков Он. Для нас это неведомо, нам кажется, что Бог где-то далеко, а Бог к нам гораздо ближе, чем родная мать, которая нас часто не понимает. И очень трудно нам бывает договориться со своими ближайшими родственниками. А Бог все понимает, все чувствует, Бог ближе самого близкого нам существа. Он знает нас лучше даже, чем мы знаем себя сами. Бог рядом, Он только и ждет, когда мы скажем: "Боже, милостив буди мне, грешному", когда мы наконец поймем, во что мы превратились.

И если этот процесс в нас начнется, постепенно, "как бы сквозь тусклое стекло", мы начнем видеть в нашей жизни Бога. Мы поймем, что все, вплоть до погоды, имеет огромный смысл и в мире не происходит ни одной случайности, а все закономерно; что каждый день, каждый час, каждая минута для нас выстроены Богом с таким расчетом, чтобы нас к Нему привести. А мы по гордости уваливаем от этого, потому что Бог от нас требует саморазоблачения. Нам надо прийти на исповедь и признаться: я грешный, я окаянный, я вот это делал, я вот это делал, а вот это я делаю сейчас, а вот от этого даже не знаю, как избавиться. А это трудно, надо гордыньку переломить; это очень сложно, это целый подвиг – вот так вот открыться перед Богом. Но это сделать необходимо, потому что Бог – наш врач, а Церковь есть духовная лечебница.

А так как мы в своей гордыне замыкаемся, как в скорлупе, и отгораживаемся ото всего мира, нам становится на всех наплевать – и на всю страну, и на тех, кто живет в соседнем подъезде, на нашей лестничной клетке, а потом и на родственников, а потом уже и на мужа или на жену, а потом на своих детей. Остается одно собственное нежно любимое "я", которому мы служим, которое утешаем, которое ублажаем. Человек извращает собственную природу и из существа, способного понять и познать Божество и соединиться с Ним, превращается в жалкое самовлюбленное чудовище, которое отравляет жизнь всем вокруг, так как он всех использует себе в мнимое благо. И поэтому разоряются семьи, уродуются неправильным воспитанием дети, поэтому такое ужасное отношение к своим обязанностям на работе. Все приходит в упадок, в развал, гибель и хаос, и жизнь постепенно превращается в ад.

А начало порядка – Господь Бог. Как Господь гармонично и прекрасно устроил мир! И если мы соединимся с Богом вновь – потому что мы являемся людьми, отпавшими от Бога, – то в нашем мире, в нашей душе, в нашей голове, в нашей семье воцарится радость, гармония, покой и любовь. Церковь – это школа любви, и учиться ей надо с этой притчи о смиренном грешнике и гордом праведнике. Если мы хотим достичь Царствия Божия, если мы хотим быть не только по крещению, а и по сути, и по своей жизни православными христианами, если мы хотим познать Христа, Сына Божия, а через Него Пресвятую Троицу, то мы должны учиться быть в состоянии мытаря, а всякие гордые, тщеславные, глупые мысли, которые постоянно осаждают и превозносят нас, отвергать, потому что это есть фарисейская мерзость перед Богом.

Хорошо, когда человек не грешит, хорошо, когда человек праведен от детства, но этого еще мало, он должен приобрести те качества, которые присущи Богу, давшему наше спасение. Основное, отличительное свойство Божества – смирение, а гордость – это свойство сатанинское. Поэтому когда мы видим в своей душе проявление гордости, в каком бы виде оно ни происходило, надо бежать от этого, надо стараться смиряться, надо всегда учиться поступать против своей гордыни. Надо изо всех сил стараться делать вопреки своему хотению. И мы сразу почувствуем, что этого-то не можем. Человек не может поступить себе наперекор. Что же тогда

делать? А очень просто: "Боже, милостив буди мне, грешному!" И мы увидим, как легко нам это будет сделать. Господь поможет нам Своим смирением, Своей кротостью, Своей любовью. Приблизится Своей благодатью и поможет.

И если каждый раз мы будем определять в своей душе движение бесовской гордыни и бежать от нее в гавань смирения, то у нас и скорбей совсем не будет. Авва Дорофей так и пишет: смиренный вообще не скорбит, потому что у него за все – слава Богу! Жизнь станет прекрасной, наполненной, в каждом ее проявлении человек начнет видеть Бога, удивительную заботу Божию о себе. И эта забота наполнит маленького, забытого во вселенной человека радостью, что он Богу-то, оказывается, нужен; что он хотя и маленькое, и очень незащищенное существо, ничего, кроме грехов, в своей душе не имеющее, а Сам Бог – Творец вселенной заботится о нем, любит его, этого заблудшего человечка, хочет его спасти, хочет его обнять, пригреть, более того, ввести в Свой чертог, хочет жить с ним в любви, в покое, в согласии, в красоте и в гармонии.

Так вот, "не помолимся фарисейски, братие"! Аминь.

Крестовоздвиженский храм,

23 февраля 1986 года

Неделя 4-я Великого поста. Память преподобного Иоанна Лествичника

Сегодняшнее воскресное Евангелие от Марка повествует нам об исцелении бесноватого отрока. Однажды один человек от народа подошел к Господу Иисусу Христу и говорит: "Учитель! я привел к Тебе сына моего, одержимого духом немым: где ни схватывает его, повергает его на землю, и он выпускает пену, и скрежещет зубами своими, и цепенеет. Говорил я ученикам Твоим, чтобы изгнали его, и они не могли".

Воистину несчастье – бесноватый ребенок. Само слово «беснование» указывает на природу этого явления. Отрок был одержим бесом, который его даже на землю повергал, и он скрежетал зубами, пену выпускал – такое страшное овладение нечистым духом душою мальчика. Но вообще-то и каждый человек в той или иной мере является бесноватым. В связи с тем что человек отпал от Бога, его природа повредила, и земля его сердца, на которой должны произрастать добродетели: радость, мир, долготерпение, кротость, воздержание, любовь к Богу, молитва, – стала производить другое – страсти. Наше сердце более склонно ко греху, в нем скрывается зависть, блуд, сребролюбие, всякая нечистота, немолитвенность, забвение Бога, уныние, гордость, тщеславие, восхваление себя, искание своего, желание покоя, объедение, пьянство – бесчисленное множество грехов. Они сами растут в сердце человека, тем более если его с самого рождения не воспитывать и не давать возможности действовать в нем благодати Божией.

Многие родители рассуждают так: вырастет, сам все поймет. Но это все равно что не обрабатывать землю и говорить: зерно само вырастет. Нет, вырастет репей, крапива, бурьян, полынь, вырастет что угодно, но не зерно. Ничего доброго не будет, если над этим не трудиться. Известно, что сорняк растет и размножается сам, а доброе семя нужно поливать, удобрять, полоть, окапывать, чтобы произросло что-то доброе. Чтобы воспитать в дитяти, допустим, молитвенность или любовь к храму, нужно потратить десятилетия, а чтобы научить матершинничать, достаточно одного вечера. И так во всем. Поэтому издревле детей крестили сразу после рождения, на сороковой день или даже на восьмой, чтобы с самого младенчества ребенок имел возможность причащаться Святых Христовых Таин, чтобы мать могла его носить постоянно в храм, чтобы он постоянно слышал слово Божие, видел святые иконы, слышал церковное пение, чтобы пребывание его в церкви создавало противовес тому злу, которое существует в мире, и злу, которое существует в нем самом.

С самого младенчества начинается эта борьба за душу. И те родители, которые упустили время – например, крестили ребеночка не сразу или даже и крестили рано, а потом в церковь его не носят, не причащают, не воспитывают по-христиански, потому что сами ничего не знают, – они дают спокойно возрасть в ребенке злу. А когда человеку уже

пятнадцать-семнадцать лет, зло, которое в нем было в зачатке, распускается пышным цветом, так что родители, небрегающие о своих детях, потом пожинают то, что они сеют, вернее, то, что посеяно грехом. И они обычно ужасаются: откуда в нем это? он был маленький такой хорошенький. Да, конечно, любое маленькое дерево очень нежное на вид, а когда ему лет триста, то это уже огромный корявый кряж, в нем и дупла, и сухие сучья, и черви, и гниль.

Многие отцы и матери потом ругают детей, проклинают, хулят их: вы такие-сякие, непослушные, – не задумываясь, кто в этом виноват. Конечно, само дитя тоже имеет часть вины на себе, но во многом виновато и его окружение. Тот родитель, который к Господу Иисусу пришел, сказал, что сын его беснуется. Но беснование – это же следствие порабощения грехами. И в наших детях тоже бесы сидят: бес гордости, зависти, непослушания, непочтения, хулы, ругательства и всякие другие. Многих бесов мы передаем детям сами, по наследству и через воспитание, потому что они в нас кипят и, естественно, переходят на наших детей; мы заражаем их этими дурными, греховными болезнями. Что есть в нас, то есть и в детях наших.

Беснование бывает разной степени. Вот в этом отроке бес был настолько силен, что даже святые апостолы, которым Господь дал власть на духов нечистых, не могли его изгнать. И когда несчастный отец пришел к Господу, то Он сказал, обращаясь к бесам, обдержавшим этого мальчика: "О, род неверный! доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас?" Господь возмутился духом, потому что для Него ненавистно, когда человек, будучи сыном Божиим, носящим в себе отпечаток Божества Пресвятой Троицы, отдан собственной глупой волею на поругание каким-то вредным существам, которые руководят им через страсти.

"И привели его к Нему. Как скоро бесноватый увидел Его, дух сотряс его". Бесенок почувствовал, что благодать Божия приближается, сейчас ему плохо будет, и отрока стало трясти. "Он упал на землю и валялся, испуская пену". Часто можно наблюдать такую картину, когда ребенок бросается на спину, дрыгает ногами и орет. Это то же самое беснование, и причина часто в порочном воспитании: несчастная душа ребенка не может противостоять злу, которое в нем кипит. Он падает на пол, закатывает истерики: я не буду, не хочу, хочу белого пуделя.

"И спросил Иисус отца его: как давно это сделалось с ним? Он сказал: с детства; и многократно дух бросал его и в огонь и в воду, чтобы погубить его; но, если что можешь, сжался над нами и помоги нам. Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему. И тотчас отец отрока воскликнул со слезами: верую, Господи! помоги моему неверию". Замечательные слова он произнес – сказал со слезами, что уверовал в Спасителя. Слезы есть свидетельство того, что его молитва, это обращение к Богу, шла от самого сердца. И тут же он испугался своих слов, тут же его осенило: какая же это моя вера, какое же мое состояние души, если у меня таков отрок? Но сразу раскаялся в своем маловерии: "Господи! помоги моему неверию". Покаяние и обращение к Богу.

"Иисус, видя, что сбегается народ, запретил духу нечистому, сказав ему: дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него. И, вскрикнув и сильно сотрясши его, вышел; и он сделался, как мертвый, так что многие говорили, что он умер. Но Иисус, взяв его за руку, поднял его; и он встал. И как вошел Иисус в дом, ученики Его спрашивали Его наедине: почему мы не могли изгнать его? И сказал им: сей род не может выйти иначе, как от молитвы и поста". Не хватило у учеников Христовых этих христианских добродетелей для того, чтобы беса связать и изгнать. Чему это Евангелие нас учит? Что всякое беснование изгоняется молитвой и постом, то есть воздержанием. Речь не о том, что мяса не есть, молока не пить – этим не изгонишь беса. Имеется в виду воздержание от всего греховного, труд души и молитва.

Каждый из нас одержим бесами в большей или меньшей степени, а некоторые полностью связаны. Вот жалуется человек: у меня язык как овечий хвост, мелет и мелет, я не могу остановиться. То есть в нем сидит бес многоглаголания, не может человек молчать, а только и ищет повода, с кем бы поговорить. Другой не может с деньгами расстаться: жалко. Это бес жадности. В третьем бес блуда. Ты понимаешь, что это смертный грех? Понимаю. А почему делаешь? Я не могу. То есть связан уже накрепко. Так же бес пьянства, бес злобы, гнева, зависти, осуждения, хулы, бес ослепления, когда человек не видит в себе грехов. Грешен с ног до головы, но не видит ни одного греха, чуть не святой. И как их изгнать? Только молитва и

воздержание от греха может помочь. Сам человек победить грех не в состоянии, один Господь избавляет от этого беса, когда человек всю волю свою, все силы употребляет на то, чтобы не грешить, и обращается к Богу от всего сердца со слезами: "Господи, избавь меня от этого". Если человек сам все силы тратит на то, чтобы избавиться от греха, и просит Бога, чтобы Господь его исцелил, тогда бес выходит. Потом он еще долго будет смущать его душу, показываясь на горизонте, соблазняя его, но человек всегда устоит, если возненавидит грех.

А у нас часто как бывает? Приходит человек на исповедь и говорит: редко хожу в церковь. Каким бесом он обладаем? может быть, бесом маловерия – не верует в то, что необходимо каждое воскресенье в храм ходить. Как же этого беса можно победить? Только одним способом: настало воскресенье – и все силы души направить на то, чтобы идти в храм. А если возникнут какие-то обстоятельства, которые этому мешают, со слезами возопить к Богу: "Господи, помоги мне преодолеть". И все равно идти. Ну только если болезнь серьезная или трамвай тебя переехал, тогда уж никак не получится, а во всех остальных случаях почему не пойти? Если у тебя дел много, сходи на раннюю, и в девять часов уже свободен, пожалуйста, весь день у тебя: стирай, шей, салаты режь, что угодно можешь делать. Но нужно себя понудить обязательно, нужно нести подвиг, нужно обязательно противостоять греху – только тогда этот бес тебя покинет.

А если подвига нет, то человек так бесноватым и умрет. И когда его душа выйдет из тела и он будет проходить мытарства, бесы его схватят и увлекут в преисподнюю, хотя он, может быть, сорок лет в храм ходил каждый день. Ходить-то можно, но нужна борьба с грехом. А то меня толкнули – и я толкнул; мне сказали – и я сказал; захотел – пошел, не захотел – не пошел. Бес шепчет: посплетничай – и человек сплетничает; бес шепчет: осуди – и он осуждает; бес говорит: ругайся – и он ругается. Человек на поводу, бес его водит и смеется над ним, потому что он свой образ Божий втаптывает в грязь.

А если есть воздержание, то, когда бес ему шепчет: осуди, – человек говорит: "Не судите, да не судимы будете. Ближний мой сегодня так согрешил, а я завтра еще хуже согрешу. Прости меня, Господи, дай мне видеть мои согрешения и не осуждать брата моего". Бес говорит: посмотри туда – а человек, наоборот, отвращает взор: не моего ума дело, не хочу туда смотреть. Бес шепчет: поспи – а благочестие говорит: вставай. Бес внушает: ну, ты устал, хватит молиться – а человек решает: нет, я буду молиться, потому что молиться надо непрестанно. И так всегда надо понуждать себя. Но если человек просто понуждает себя и не обращается к Богу, это тоже бесполезно. Никто ни один грех победить сам не может. Можно только, увидев его в себе, из всех сил своей души возненавидеть и обратиться к Богу: "Господи, вот Ты видишь, я такой окаянный, жадный, злобный, греховный, ругательный, избавь меня от этого". Возопить к Богу от всей души: "Господи, помоги моему маловерию, избавь меня от этого". И Господь поможет избавиться.

Некоторые просят: Господи, помоги, избавь меня от этого, избавь меня от того – и в утренних молитвах, и в вечерних, и еще в каких, а сами палец о палец не ударяют. Избавь меня от пьянства, а сам бежит за бутылкой. Это смешно просто. Вот если уже кто-то пришел с бутылкой, и уже налил, уже искушение прямо на столе, и страстно хочется – тут возопить: "Господи, помоги удержаться. Господи, сделай что угодно, только спаси". И Господь найдет способ: или бутылка вывернется у него из руки и разобьется вдребезги, или кран протечет и вода фонтаном начнет бить. Господь как-то устроит, чтобы обязательно помешать этому греху, но только если молитва идет от сердца, а не лукавая. Потому что часто человек вроде говорит: ой, Господи, помоги, – а сам жаждет греха: ну все, не могу. Это уже лукавство, потому что никогда искушение не бывает сильнее человека. Искушение бывает ровно настолько, насколько человек может его победить. И если он обратится к Богу, то Господь ему тут же поможет, тут же пройдет всякое желание греха, тут же человек избавится. Вот в тебе все кипит, прямо не можешь терпеть – помолись Богу: "Господи, меня гнев душит, раздирает на части, помоги, видишь, Господи, в каком я сатанинском состоянии нахожусь". И Господь сразу поможет, гнев утихнет, успокоишься сразу, согласишься на себя со стороны и облегченно вздохнешь: слава Богу, бес вышел.

Надо нам стараться идти не на поводу у своих страстей, которые возбуждаются от геенны, а, наоборот, стараться в себе христианские добродетели воспитывать. Сегодня память

преподобного Иоанна Лествичника, который учит нас, как восходить от греха к добродетели, и читалось Евангелие о заповедях блаженства. "Блаженны нищие духом". То есть когда ты приобретешь смирение, тогда будешь блажен; у смиренного нет скорбей, у него за все слава Богу, он рад всему, потому что с ним Бог. "Блаженны алчущие и жаждущие правды" – праведной жизни, праведности. Некоторые говорят: во всем грешен; а завтра опять: во всем грешен. И спят спокойно, не ворочаются, их не беспокоит, что их бесы дерут, наплевать на то, что они в геенну огненную пойдут. Во всем грешен, и ладно. А человек должен с грехом бороться. Поэтому надо плакать оттого, что мы во всем грешны, нужно стараться прилагать все силы души, ума, тела для того, чтобы победить грех, нужно вопить к Богу день и ночь о помиловании, о прощении, о том, чтобы Он нас избавил от греха. А у нас этого нет. Хорошо еще человек хоть в праздник придет в церковь, но и то стоит, как будто он всех тут облагодетельствовал: ты меня не толкай, здесь у вас душно, да у вас тут что-то не так происходит – считает, что он милость оказал, пришел, хотя по нашим грехам нас и близко-то подпускать нельзя к такой святыне, которой мы пользуемся.

Поэтому нам нужно жаждать праведной жизни, жаждать чистоты; все силы употребить, чтобы освободить душу от греха, возненавидеть свою зависть, раздражительность, гневливость, злобу, блудность, немолитвенность. Всю эту нечистоту, помойку, в которой мы пребываем, надо от всей души возненавидеть – тогда можно очиститься от греха. А то мы с ним сжились, срослись, и многие дошли до того, что так и говорят: на мне нет ни одного греха. Это значит, что человек просто мертв душой. Так покойника коли иглой – он ничего не чувствует. То есть душа настолько осатанела уже, что не видит и не слышит. И это в большей или меньшей степени с каждым из нас происходит. Нам присуща тяга к сладости греховной. А это бессмысленно, это только дьявол манит: согреши – и получишь блаженство. На деле от греха никакого блаженства нет, наоборот, самые страшные последствия. Допустим, гнев обуял человека, и он хочет сорвать свою злобу. Ну, сорвал. Хорошо тебе от этого? Нет, не хорошо, на душе тошно, и человека оскорбил или в собственной семье скандал затеял, живи теперь в этом скандале. Не лучше ли было потерпеть? Уйти в ванную, задвижку задвинуть, упасть на пол: "Господи, помоги мне, утешь меня, успокой". Все, отошел бес – слава Богу, личико умыл, полотенчиком вытер, вышел, глазки ясные, все спокойно.

Надо обязательно грех преодолевать, не давать ему действовать в себе. И надо искать блаженства – добродетелей христианских. Искать мира для души, праведности, чистоты сердечной. Тогда действительно мы станем православными христианами, действительно мы мытарства пройдем, наследуем Царство Небесное, сподобимся видеть Святую Троицу. А в противном случае, если нет у нас подвига, если нет у нас постоянной молитвы, обращения к Богу, чтобы Он нас очистил от греха, мы живем напрасно, и в храм ходим напрасно, и причащаемся напрасно, и все напрасно, все бессмысленно. Только подвиг христианский и молитва к Богу – вот два орудия нашего спасения, которые нас могут упредить в Царствие Небесное. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
13 апреля 1986 года*

Великий четверг

Если бы мы узнали, что завтра нам придется умереть, то каждый из нас позаботился бы о том, чтобы на этой земле завершить что-то главное. Все мелкие дела мы бы, скорей всего, оставили: забыли о том, что обои остались недоклеены, никто бы, конечно, в прачечную не пошел и телевизор не стал смотреть, новости слушать.

Вот так и Господь, зная, что Ему надлежит умереть, совершил это самое важное – то, ради чего Он и на землю пришел. Он собрал Своих учеников в горнице, которая заранее была приготовлена, чтобы им, по обычаю иудейскому, вкусить пасху. И на этом собрании Он совершил Великую службу: благословил хлеб, преломил, дал Своим ученикам и сказал: "Сие есть Тело Мое". Благословил чашу с вином и сказал: "Сия есть Кровь Моя, Нового Завета, яже за многия изливаема во оставление грехов". А перед этим Он взял таз с водой, полотенце и умыл ноги ученикам, хотя Петр и сопротивлялся, потому что он не мог вместить того, что

Учитель, Которого они так почитают, любят, благоговеют перед Ним, – и вдруг Он будет им ноги умывать.

Вот такие два великие дела совершил Господь: умыл ноги ученикам и совершил Евхаристию. Тем самым Он, во-первых, дал образ, как ученики Христовы должны поступать. Почему Господь ноги именно умыл, а не руки, не голову, не шею? Потому что это знак смирения. Попробуем пойти на улицу, первого встречного остановить и сказать: помой мне ноги. Ничего, кроме брани, мы в ответ не услышим, поскольку, чтобы этот акт совершить, надо отложить в сторону свое так называемое человеческое достоинство, нужно иметь большое смирение и любовь. И Господь нам в этом поступке, который Он совершил перед Своей кончиной, показал, как мы должны жить, как мы друг к другу должны относиться. Тогда это будет истинно христианская жизнь.

Любая добродетель, как и грех, выражается во внешней жизни. Например, если человек грешник, то у него и слова грешные, и мысли грешные, и поступки грешные. Когда человек праведен, то у него и слова праведные, и мысли праведные, и поступки праведные. Что значит, если человек умывает другому ноги? Не обязательно буквально, потому что редко так случается, что нам действительно нужно кому-то ноги умыть – во-первых, детям своим, когда они маленькие, или пожилому родственнику иногда, но и то не каждому. Человек может жизнь прожить, а так никому ноги и не умыть – не в этом дело, не в самом действии, а в отношении к другому, в смирении перед ним и в чувстве любви к нему, в желании послужить. Не использовать его для себя, в своих каких-то целях, а, наоборот, послужить ему, чем-то ему помочь, что-то для него сделать. А для этого всегда нужно отвергнуться себя. Что значит ноги умыть? Надо согнуться обязательно, надо на колени встать, чистыми руками касаться грязных ног. Это довольно неприятная процедура, и только смирение дает возможность это сделать.

А второе дело, которое Господь совершил, – это Божественная Евхаристия. Он сказал: "Сие творите в Мое воспоминание". Господь для того и пришел, чтобы нас напитать Своим Телом и напоить Своей Кровью и тем самым соединить с Собой. Когда мы причащаемся Святых Христовых Таин, мы соединяемся с Богом не только духовно, но и телесно, потому что в этом Божественном Хлебе сочетается естество телесное, хлебное и Сам Господь. Человеческому уму невозможно познать, как во Иисусе Христе одновременно соединился и Бог, и человек, и так же нам невозможно понять, как с хлебом сочетается Тело Христово – таинственно, духовно, непостижимо, даже ангелы не могут постичь это чудо.

И Господь это чудо творит каждый раз для того, чтобы разрушить стену между Богом и человеком. Когда человек вкушает от этого Хлеба и пьет от этой Чаши, он соединяется с Самим Господом Иисусом Христом, с Царствием Небесным. Поэтому участие в этой службе есть участие в жизни Небесного Царствия, есть самое важное дело христианина. Участвовать – это значит быть частью целого, то есть, когда мы соединяемся Божественной трапезе и причащаемся Святых Христовых Таин, в нас всех входит Тело Господне. В каждой частице Тела Христова есть весь Христос, и каждый из нас, соединяясь с этой частицей, растворяет в себе Пречистое Тело и Кровь Господню и сам обожается.

Бог есть "огнь поядающий", и если мы причащаемся с покаянием, с чувством собственного недостойнства, с рассуждением и с пониманием того, к чему мы приступаем, то этот огонь поедает наши грехи. И чем чаще мы причащаемся, тем больше светлеет наша душа, тем больше просветляется наш ум, тем меньше наша душа имеет свойств греха и тем больше устремляется к Богу и стремится к благодати. А если мы причащаемся без покаяния, без страха Божия или имея обиду, раздражение, злобу, недоверие или еще какой-то грех на душе, то этот огонь поедает нашу душу, сжигает ее – мы причащаемся в суд и осуждение себе и от этого часто боеем и многие внезапной смертью умирают. Причастие для нас можно сравнить с духовным лекарством, но любое лекарство, если его принимать не так, как положено, становится не полезным. Змеиный яд, допустим, используется при радикулите, но если он попадет в кровь, то человек умирает. Вот тебе и лекарство, от которого можно помереть! Конечно, Святые Тайны – это лекарство души, и там другие законы, но можно принять такой образ, потому что мы причащаемся во исцеление души и тела.

Первая Церковь была Церковью святых. Она состояла из нескольких сот человек: Матери Божией, апостолов, жен-мироносиц и некоторого числа вновь обратившихся учеников. Это

были преданные Богу люди, которые слагали к ногам апостолов все свое имение и всю свою жизнь отдавали Богу до конца. И они причащались ежедневно. Чтобы причаститься, люди шли на смерть. Хотя они совершали Божественную литургию по ночам, когда все спят, их все равно выслеживали, хватали, убивали. Но они не боялись, и те, кто оставался в живых, вновь и вновь собирались – с единственной целью причаститься. А теперь все наоборот: святых днем с огнем трудно отыскать, а причащаться нужно заставлять. Некоторые дошли до того, что причащаются раз в год или и того реже. Получается, что им Бог как бы и не нужен, у них нет никакого желания соединиться с Богом, а если они и приступают к Чаше, то как бы по обязанности: вроде надо. А чего надо, зачем, почему – нет такого понимания, нет сердечного чувства.

Вот как за две тысячи лет христианская жизнь деградировала! Исчезло понимание самого главного, самой сути, а ведь это есть основа христианской веры. Если в Церкви оставить и Евангелие, и писания святых отцов, и богослужение, а убрать только Божественную литургию, не причащать – это уже будет не Церковь, это будет ничто, это будет колокол без языка. Это как если из Церкви убрать Христа. Без Христа христианства не может быть, так и без Евхаристии не может быть Церкви. Поэтому всегда самым страшным наказанием, равносильным смерти, в Церкви было отлучение от причастия. И в древности человек, лишенный причастия за какой-то грех, проходил очень суровую покаянную дисциплину.

Например, за убийство отлучали на двадцать лет. И человек сначала пять лет стоял во дворе храма, ему не разрешалось входить внутрь, он только просил у входящих, чтоб они помолились о нем. Если он пять лет вот так смиренно просил, тогда ему разрешалось войти в притвор, и он в притворе стоял вместе с кающимися еще пять лет. Если он и эти пять лет выдерживал, тогда его впускали в храм, и он стоял там до возгласа: "Оглашении, изыдите" – и уходил со службы вместе с некрещеными. И так тоже пять лет. А потом еще пять лет он мог быть в храме до конца. И только потом ему уже разрешалось причаститься, через двадцать лет отлучения.

Какая жажда должна быть у человека причаститься, чтоб это выдержать! Какое стремление было у христиан, даже и грешников! А сейчас? А сейчас человек сам себя добровольно отлучает от Чаши Христовой – просто не ходит в церковь, да и все! И такое наше отношение к причастию – это духовная смерть. Святое причастие – камень, на котором пробуются наша вера. Как мы относимся к нему, так мы относимся ко Христу. Святые Тайны – это есть живой Христос, пришедший во плоти, а Божественная литургия – самое настоящее Царствие Небесное. Небесное Царствие – это непрестанная молитва и непрестанное общение с Богом. А что совершается на Божественной литургии? Именно это: молитва и общение с Богом во Святых Тайнах. Какое еще нужно Небесное Царствие? Никакого другого нет. Божественная литургия есть "Царствие Божие, пришедшее в силу". А человек к этому равнодушен, у него душа не трепещет, он не обливается слезами, он к этому не стремится. Ну причастился, ну не причастился, ну в этом году не сходил, ну в том схожу. Какая разница? То есть душа совершенно мертвая. Страшное такое состояние.

Если мы хотим достичь Царствия Небесного, нам нужно обязательно в этом покаяться, то есть такое наше отношение обязательно изменить. Потому что кто не любит причащаться и не стремится к этому, тот не любит Царствия Божия и не любит Господа нашего Иисуса Христа, поэтому он Царствия Божия и не наследует. И там, в глубине ада, когда душа его будет гореть в вечном огне, он будет вспоминать те пять-шесть раз, когда он был в церкви и причастился, потому что именно тогда только он побывал в Царствии Небесном. Так и говорили в народе: сколько в церковь походишь, столько в Царствии Небесном и побудеши. Господь сказал: "Аз с вами есмь во вся дни до скончания века". И во все дни, когда совершается Божественная служба, Господь здесь присутствует. Поэтому, приходя в храм, мы приходим не к батюшке и не пение послушать – мы приходим к Самому Господу нашему Иисусу Христу. Он здесь присутствует не только Духом Своим Святым, но и Телом. И мы так же, как кровоточивая, можем к Нему прикоснуться, Он так же может нас исцелить от любой болезни.

Кто из нас Евангелие читал, знает, сколько приходило к Господу людей – и все исцелялись, кто хотел. А ведь мы та же толпа, которая окружает Христа Спасителя, как и тогда, в то древнее время, две тысячи лет назад. Перед нами живой Христос, мы так же можем послушать Его слова – через святое Евангелие Господь обращается к нам. Мы находимся среди

учеников Христовых и веруем в Него. Среди нас есть люди и более крепкой веры, более любящие Христа, как Иоанн Богослов, и такие горячие, но не твердые, как апостол Петр, или, например, как Иуда-предатель, который и верует, но соблюдает свой интерес и готов в любую минуту продать Христа. Все то же самое, и так же каждый из нас может припасть к Христу Спасителю, может прикоснуться не только к одежде Его, но и принять Тело Его в себя.

После детского праздника

А почему с нами ничего не происходит? Почему не творятся такие великие чудеса? Да потому, что у нас веры такой нет. Господь, когда исцелял, всегда спрашивал: имеешь ли веру хоть сколько-нибудь? Вот если имеешь веру, Господь тогда творит. А у нас такое маловерие, вера наша слепая, она не видит Бога, поэтому ничего и не происходит. Много народу ходило вокруг Христа, и Господь спрашивал: за кого вы Меня почитаете? Одни говорили: Ты воскресший Иоанн-пророк; другие: кто-то из пророков; третьи просто за учителя принимали. И только единицы исповедали Его Богом: слепой Вартимей назвал Его Сыном Давидовым, то есть признал в Нем Христа, или Петр увидел в Этом Человеке Божество, назвал Его Христом. Так и каждый из нас: вот мы пришли в храм, а не каждый здесь Бога видит; забывает как-то, к Кому пришел. Вроде толпа какая-то существует, вот и потолкусь здесь, постою, послушаю, интересно все-таки, да и потом в храм сходил – на душе легче. Вроде такая психотерапия – чтобы мне полегчало, чтобы на душе было весело.

И так же в те времена вокруг Христа много людей ходило, всяких зевак: постоят, потолкаются, послушают, потом к себе домой возвращаются, опять к своим грехам. Некоторых Господь и накормил, и напоил, некоторых исцелил от страшных болезней. Десять прокаженных было, Он их исцелил – и только один из десяти пришел поблагодарить, а остальные сразу забыли. Вот так и мы получаем от Бога всякие милости, а сразу забываем, Кто нам это подал. Так вот в слепоте и живем, не чувствуем Бога, потому что душа полна греха, душа не омывается Кровью Христовой. Потому что мы не жаждем этого. Господь научил Своих учеников молитве "Отче наш", и в ней просится о Хлебе небесном: "Хлеб наш насущный даждь нам днесь". Это на все времена сказано: ежедневно нужно жаждать участия в Божественной трапезе и участия в Божественной Евхаристии для того, чтобы с Богом соединиться. А у нас равнодушие, нам как-то все равно. Это наше равнодушие – греховное.

Что нас может отлучить от любви Христовой? Что нас может отлучить от Божественной Евхаристии? Только церковная дисциплина. Потому что мы люди немощные, грешные и каждый день не можем причащаться. Мы не сумеем достойно подготовиться, мы не сумеем так жить, как жили первые христиане, которые причащались ежедневно. Мы такой огненной жизни не в силах теперь выдержать, мы все стали разрозненны. Раньше в древней Церкви так было: вот собрались на Божественную литургию; кто не причащается, должен уходить, ему нечего здесь делать, и двери даже закрывали, потому что это собрание тайное, здесь никакой

посторонний не может быть – а тот, кто не причащается, он просто чужой. Потом эта практика изменилась, потому что приходил новый народ, все больше и больше, и стадо стало как бы распадаться.

Раньше христиане все были как одна семья. Мы сейчас говорим: братья и сестры! Но это только слова, потому что никакие мы не братья и никакие мы не сестры. Нам какой-нибудь безбожник брат наш или племянник гораздо дороже, чем родная сестра во Христе, которая здесь стоит, хотя должно быть наоборот. Когда Господь сидел с учениками и Ему сказали, что пришли Мать и братья Его, Господь ответил: кто Мати Моя? кто братья Мои? кто слушает слова Божии, тот Мне и сестра, и брат, и Мать. Хотя неужели Он Мать Свою не любил, Богородицу, Которую вознес превыше ангелов и серафимов?

А мы все за плоть цепляемся, а братьев и сестер во Христе побоку. Поэтому мы и не представляем единой семьи. Поэтому у нас так: один причащается, другой кается; один в храм пошел, а другой сейчас к первому мая салаты режет; один Евангелие читает, другой не читает; один молится, другой не молится; один постится, другой нет, а третий сам себе выбирает, когда ему поститься, когда не поститься: вот эту неделю попохусь, вот ту пропущу, а вот эту опять попохусь. То есть каждый сам по себе, кто во что горазд. Но чтобы не отвергать никого, Церковь пошла таким путем: во время литургии священник читает тайные молитвы – не в том смысле, что они должны быть скрыты от христиан, нет, текст их известен, и каждый может их знать, – а тайные в смысле таинственные (по-гречески "мистикос"). Эти молитвы стали читать не вслух, а про себя, потому что тот, кто не причащается, не может в них участвовать: в них говорится только о том, чтобы нам достойно причаститься. А как же человек будет молиться об этом и потом не причащаться? Это бессмыслица. Поэтому молитвы читаются тайно, и тот, кто готовился к святому причастию, тот внутренне, духовно переживает эту встречу с Богом, а тот, кто просто пришел постоять, помолиться, остается за неким духовным порогом, хотя телесно он в храме.

Церковь вынуждена так делать, зная наши немощи, но положение это все равно неестественное, потому что Церковь есть семья Христова, мы все должны друг друга любить, знать, почитать, друг другу ноги должны мыть, а у нас этого ничего нет. Мы не исполняем то завещание, которое дал нам Христос Спаситель перед Своей смертью – а ведь это воистину завещание, потому что Господь, когда совершил Божественную литургию, на горе Елеонской, в Гефсиманском саду, молился до кровавого пота, принимал на Себя грехи всего мира. Потом предан был, и Его схватили, и Он пошел на страдания и на смерть. То есть это было Его предсмертное завещание Своим ученикам: мойте друг другу ноги и причащайтесь.

Вот заповедь всей нашей жизни: мыть друг другу ноги – то есть относиться друг к другу с любовью, почтением, благоговением и смирением – и причащаться Святых Христовых Таин. Люби ближнего своего и люби Бога – в этих двух действиях все завещание Христово. Как просто! Не надо никакого ума иметь, чтоб это постигнуть. Господь дал нам образ, Он говорит: вы называете Меня Господом и Учителем, и Я вот вам ноги мою, и вы так должны поступать. И Чашу показал им и говорит: "Сия есть Кровь Моя, Новаго Завета".

Когда мы причащаемся, мы вступаем в завет с Богом, в договор, мы принимаем в себя благодать Божию, чтобы она попалила терния наших грехов. Вот где наше спасение. Многие думают: что нам делать? кому молебен надо служить? куда съездить где-то отчитаться за что-то пред кем-то? Вот Христос живой. Чего нам еще искать? Что может быть выше? Какие могут быть еще поездки, поиски, книги? Здесь живой Христос пребывает Телом и Духом. Нет, еще какие-то надежды на что-то. В нашей голове сместились все понятия. Отчего такое нечувствие? У нас нет духовного зрения, потому что наши уши закрыты грехом, наши очи смежились грехом, все им залеплено. Поэтому, чтобы нам узреть свое спасение, увидеть, почувствовать, надо нам покаяться, то есть изменить свою жизнь.

Преподобный Серафим Саровский, когда у него спрашивали, как нужно причащаться, говорил: чем чаще, тем лучше. А в его время сказать такие слова – это было прямо революцией, потому что как так? Больше, чем раз в год, редко кто причащался; монахи там четыре раза в году, каждым постом, и то считалось часто. Но считалось совершенно неверно, и что сейчас из двухсот шестидесяти миллионов людей осталась только маленькая горстка православных – результат того, что наши предки, наши дедушки и бабушки, причащались раз в году. Вот

поэтому и иссякла благодать. И дети наши почему в Бога не веруют, почему мы воспитали безбожников? Потому что если мы их и причащали, то, может быть, раз или два раза в году, а не ежедневно. Поэтому-то мир их и съел, и смял, и воспитал по-своему, что не было в их сердечке благодати, они не напитаны были Кровью Христовой.

Почему Церковь нам заповедала с детства крестить человека? Лучше бы подождать, воспитать его, научить, потом крестить? А нет, именно с детства, чтобы он с малого младенчества имел возможность причащаться. Для чего? Чтобы противостоять злу, которое в мире. А мы так: родили, крестили, некоторые причастили, а некоторые и не причастили, и вот ребеночек растет, растет. А потом: ой, он у меня пьет, он в тюрьме, он меня бьет, он меня из дома выгоняет. Но кто же виноват-то, кроме тебя? Что сеяли, то и жнем. Сеяли в них только скандалы, драки, ругань, злобу, а не сеяли благодать Божию. Что ж теперь, чему удивляться? Нужно теперь только терпеть.

Вот такое отношение к Чаше Христовой надо нам обязательно изменить, надо усердствовать, стараться причащаться почаще. Отвержение причащения есть грех очень тяжелый. Для христианина это хуже всякого убийства, воровства, блуда, хуже всякого колдовства. Одно дело, если священник отлучил от причастия – смирил человека или еще по какой-то причине считает, что он не может часто причащаться. Человек стремится, а его останавливают, охлаждают его пыл, чтоб он излишне скоро на небо не улетел и оттуда не упал. Это одно дело, а другое, когда человек сам.

Это не значит совсем, что нужно непременно каждый день причащаться. Было бы идеально, если бы мы все каждый день причащались, но это невозможно, мы не в состоянии такую жизнь выдержать, мы можем в уме повредиться, потому что не справимся с этим. Каждый должен обязательно подвиг нести в свою меру, а причастие – это подвиг. Но уж раз в месяц, два в месяц каждый может и поговорить, и в храм прийти, и душу свою подготовить. А у нас такое нерадение. Поэтому нам надо в этом обязательно исправиться.

Мы являемся наследниками Царствия Небесного, но если не исполним завещание, которое дал нам Отец Небесный через Господа нашего Иисуса Христа, то как же тогда наследуем Царствие? Поэтому мы должны помнить этот Христов завет о том, что надо ноги друг другу мыть, любить друг друга, относиться со смирением, с почитанием, обязательно смиряться перед людьми и обязательно причащаться Святых Христовых Таин чем чаще, тем лучше. Аминь.

Крестовоздвиженский храм,

1 мая 1986 года

Всенощное бдение под Иоанна Богослова и Арсения Великого

Христос воскрес!

Сегодня святая Церковь празднует память любимого ученика Христова святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Любимого за то, что он наиболее глубоко познал, что есть спасение, что есть вечная жизнь. Что этому способствовало? Недаром во многих церковных песнопениях подчеркивается его девственность, не только телесная, но и духовная. Это был не вкусивший греха человек, поэтому он и оказался таким бесстрашным, поэтому и не убежал, как другие ученики. Он имел совершенную любовь ко Христу, а совершенная любовь изгоняет страх. Человек становится отважным, он пренебрегает всем, он ничего не боится, кроме одного: обидеть любимого. А этим любимым был Христос. Поэтому Господь, видя в апостоле любовь, и его возлюбил. "Бог есть любовь", – говорит Иоанн Богослов. Конечно, любовь Христова превышает всякую любовь человеческую, но апостол Иоанн весьма преуспел в этой добродетели, поэтому Спаситель перед тем, как Его душа отошла от тела, поручил ему Свою Матерь.

Иоанн Богослов написал четвертое, самое возвышенное, самое духовное Евангелие – учил о Сыне Божиим, второй ипостаси Пресвятой Троицы. И написал Соборное послание, отрывки из которого мы сегодня читали. Церковь для нашего вразумления всегда выбирает самое важное, самое глубокое, самое необходимое для нашего спасения. Святой Иоанн написал Откровение – самую прекрасную и радостную, хотя и трудную для понимания книгу Нового

Завета, в которой прикровенно говорится о судьбах Церкви. Почему Господь поручил написать эту книгу ему? Почему перед ним раскрылись картины будущего Церкви и мира? Потому что только он один по своей чистоте мог это увидеть, воспринять и остаться неповрежденным.

Многие из нас Бога не познали и далеки от Него. Но это происходит не потому, что Бог не хочет нам открыться. Господь каждого человека желает спасти и каждому, где бы он ни жил, на каком бы языке ни говорил, желает прийти в познание истины, но человек не может вместить это. Не каждый может вместить в себя любовь, поэтому Господь, который "есть огонь пожигающий", Сам уклоняется, чтобы не сжечь человека.

Иоанна Богослова называют апостолом любви. И он есть воистину учитель любви, ибо сам познал на опыте, что такое любовь к Богу. Мы тоже имеем какие-то понятия о любви, но очень часто путаем с ней наши чувства. То, что обычно принимают за любовь, – это пристрастие. Любовь есть обладание Богом по благодати. Когда человек так обладает Богом, то есть Господь находится в его сердце, тогда он любит все, он сам источает любовь. И эта любовь, которая возгорается в человеке от Духа Божия, совершенно не зависит ни от его настроения, ни от того, как к нему относится предмет его любви. Она никак не может изменяться, потому что это Божественное свойство. Любовь никогда не может охладеть, перестать, измениться; она, как говорит апостол Павел, "никогда не перестает".

Иоанн в своем послании пишет такие слова: "Возлюбленные! если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга. Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас. Что мы пребываем в Нем и Он в нас, узнаем из того, что Он дал нам от Духа Своего". То есть любовь истинна, только если она от Духа Божия. Поэтому если человек считает, что он Бога любит, а сам с кем-то в ссоре, то он заблуждается. Истинная любовь имеет такое свойство – она не разбирает. Все мы дети Божии, и Он нас всех любит: и праведных любит, и грешных милует, и дождь и солнце дает и праведным, и грешным. Недаром Господь говорит: "На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии". И грешников Бог, может быть, еще больше любит – недаром Сына Своего Единородного возлюбленного отдал на смерть, чтобы этих грешников спасти. Поэтому когда мы выбираем: того любим, этого не любим – это говорит о том, что мы далеки от Бога и не познали Его. Если мы в человеке разделяем доброе и плохое, видим в нем грех, то, значит, в нас нет любви Отчей, мы еще люди грешные, в нас самих есть разделение, в нас действует зло. А когда человек получает Духа Божия, в нем действует только любовь, а любовь не может видеть зла.

В обыденной жизни мы часто наблюдаем, что мать не замечает недостатков своего ребенка, во всем его оправдывает. Многие матери бывают настолько ослеплены любовью, что не видят умственной отсталости своих детей, им кажется, что все в порядке, хотя сын или дочь явно больны. Врачи очень часто сталкиваются с этим феноменом. И хотя эта любовь по пристрастию, но она показывает механизм истинной любви, которая покрывает все.

Случается, приходит человек на исповедь и говорит: я не имею любви к Богу и к ближнему. Иногда хочется даже засмеяться, потому что откуда может быть любовь в том, кто не имеет ни целомудрия, ни послушания, ни воздержания, ни кротости, ни смирения, ни терпения, ни молитвы. Это просто неразумно так дерзать мыслить о себе, потому что все мы грешны. То, что мы не имеем любви, – факт нашей жизни, но мы должны стремиться ее стяжать. Как же это возможно? Только стяжав Духа Божия, потому что Он научает любви.

Любовь – это совокупность всех совершенств, это чистота души, целомудрие, кротость, полное и глубокое смирение. Любовь – это абсолютное безгневие, незлобие, незлопамятность, это обязательное и немедленное прощение. Господь сказал: "Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся". И если мы будем жаждать праведной жизни: видя в себе нечистоту, постоянно вступать с ней в борьбу, постоянно противостоять ей во всяких проявлениях, все время подвизаться против своей злобы, против раздражения, гнева, зависти и остальных грехов, – то наша душа будет омываться благодатию Божией. Господь, видя наше желание, будет давать нам благодать, которая нас будет очищать, и постепенно мы начнем преображаться. Это очень долгий, трудный процесс, в котором Господь будет нам помогать.

Представим себе фантастическую картину: идет по улице человек, имеющий любовь Божию. Как эта любовь проявится во внешней жизни? Этот человек всегда с радостью будет

готов пожертвовать собой ради другого. Он не будет искать своего, потому что любовь не ищет своего, а все время будет искать, как бы кому послужить, кому бы помочь, кого бы чем-то облегчить или утешить, потому что любовь всегда творит добро. Она не может просто лежать в сундуке, а обязательно выливается вовне.

Некоторые спрашивают: почему Бог мир сотворил? Вот именно потому, что любовь не может быть втуне, она непременно совершает добро. И когда Господь творил мир, Он говорил: "добра зело" – то, что Он сотворил, было весьма хорошо и прекрасно. И все, что творится любовью, на чем есть ее отпечаток, всегда прекрасно. А так как постепенно по умножении беззакония во многих охладевает любовь, то и прекрасное в мире исчезает: исчезает прекрасная музыка, архитектура, живопись, прекрасные семьи, дети, книги, пейзажи, прекрасное воспитание, прекрасный воздух – все прекрасное исчезает, потому что оно создается только любовью.

И если мы хотим этому злу как-то противостоять в своем сердце, то должны все время совершать дела любви. Хотя мы и не имеем любви, но мы должны делать так, как делал Бог. Иоанн Богослов в Первом послании так и пишет, что если мы хотим быть Христовыми учениками, то должны поступать так, как Он поступал, хотя этого и не чувствуем. Кому-то это кажется лицемерием, но нет, лицемерие – это когда человек прикидывается хорошим, чтобы получить славу от людей, а здесь труд для Бога. Вот, допустим, жалко мне, а я все равно, насилюя себя, от себя отниму и дам другому, то есть свою жадность немножко ущемлю, пожертвую собой ради другого.

Росту любви очень способствует терпение – если человек стремится терпеть со смирением, с кротостью, не сердится на Бога за те скорби, что Господь ему посылает. Тогда он постепенно приобретает для своего сердца возможность любить. Любовь складывается из постоянного самоотречения. Вот, допустим, жизнь в браке: у меня свои привычки, свои представления, свои мысли, а я должен для другого все это откладывать; мне так кажется, а ему (или ей) кажется по-другому, и если я люблю, то моя любовь желает жертвовать для любимого. Мать любит дитя и поэтому постоянно отрекается: ей хочется спать, а она встает; ей хочется полежать, книжку почитать, а она кашку варит или на терке что-то трет; ей хочется куда-то в гости сходить, с подружкой поболтать, а надо с ребеночком гулять; хочется отдохнуть – надо стирать; хочется что-то себе купить, а надо экономить, и так постоянно. Постоянное самоотречение. И только таким образом можно достичь любви.

Любовь обычно понимают как некое чувство – вот возникло чувство, какое-то волнение, еще там что-то, томление например... Но это не есть любовь. Любовь всегда целесообразна, действенна, она ищет пользы другому, а чувство ищет пользы себе. Поэтому чувство – это любовь наоборот, то есть самолюбие. "Я без нее жить не могу" – что это такое? Это самолюбие. Я жить не могу, то есть речь идет обо мне. У человека в силу его греховности все искажено, вся жизнь наоборот: вместо того чтобы ходить на ногах, он на голове ходит; вместо того чтобы заповеди Божии исполнять, служит сатане; будучи полностью неправым, считает себя во всем правым; будучи грешнее всех, всех за все осуждает.

Благодаря греховному падению вся человеческая природа перепортилась, так и любовь у грешника наоборот. А надо человеку приобрести истинный образ Божий. Это и значит стяжать любовь, потому что стяжать любовь, или приобрести Божественную благодать, или стяжать мирный дух – это все одно и то же. Когда человек становится обителем Святой Троицы, когда Господь приходит к нему в сердце, тогда он получает сразу все свойства, которые имеет Бог: и кротость, и смирение, и терпение, и любовь, и всепрощение, и готовность на жертву. Человек становится благородным, он становится как ангел. Ему не жалко ни денег, ни здоровья, ни времени для ближнего, даже для врага своего, потому что он не различает, кто враг, кто друг: нуждается человек – пожалуйста. Как в Писании сказано: "Если враг твой голоден, накорми его". Приходит голодный – какая разница, если вчера еще он тебе гадость сделал. Сегодня он голоден – и человек не задумывается, без всякого усилия над собой, с радостью помогает ему, потому что это свойство его сердца.

У нас таких свойств пока нет, это надо признать. Ну, кого-то мы любим, может быть: детей, или некоторые люди маму свою любят – большая редкость, или кого-то еще из друзей, но и то с оговорками. В основном только себя. Себя – да: во всем себе потакаем, во всем себя

ублажаем, жалеем, стремимся себе достичь чего-то, а с остальными довольно сложные, напряженные отношения, которые выражаются формулой: ты меня не трогай – и я тебя не буду трогать. Потому и устанавливаются законы, всякие правила, этикеты, уголовный кодекс, что иначе нельзя, иначе люди будут действовать по чувствам, поубивают друг друга.

Почему любовь по пристрастию часто выражается во всяких искажениях, в ревности или еще в какой-то злобе? Бывает, что из-за ревности один человек убивает другого. Говорят: вот какая сильная любовь. Какая же это любовь? Это себялюбие. Отняли любимую игрушку, которой наслаждался, – и сразу гнев; не может человек изменить обстоятельств – значит, надо отомстить. Есть такая поговорка: от любви до ненависти – один шаг. На самом деле не от любви, а от одной страсти до другой. Дело в том, что все страсти соседствуют, и бесы часто дружат: где пьянство, к примеру, там и блуд, и так далее. Поэтому нет ничего удивительного, если человек по пристрастию вроде был в кого-то влюблен, а через две недели готов убить. Вот только что любил, розы дарил, все сверкало, блестело, пятьдесят человек на свадьбе пили, гуляли, а через несколько месяцев начинают уже телевизор пилить пополам. Куда же все делось? А не было любви, это все самообман, любовь к себе. Он мне нравится, поэтому я хочу, чтобы он был рядом, хочу на него смотреть, чтобы мне было хорошо. А когда мне чуть плохо, он уже плохой. А не дай Бог, еще чем-нибудь меня заденет. Поэтому все, естественно, рассыпается.

Любовь приобретается большим трудом. Этому способствует и пост. Вот, допустим, хочется поесть чего-то, а человек постится, отказывается добровольно. И в таком постоянном отречении от того, что хочется, человек может приобретать для своего сердца способность любить, потому что любовь выражается именно в том, что человек жертвует собой, отказывает себе, дает свободу любимому. Вот некоторые задаются вопросом: почему Бог допускает войны? почему Он человека таким создал? Создал бы человека хорошего, а не такого, который согрешил. Дело в том, что любовь не может надеть на человека какие-то оковы, она обязательно предполагает свободу, потому что свобода и любовь – две родные сестры. А где есть рабство, понуждение, там нет любви.

Любовь может быть только свободной, поэтому Господь и создал человека как существо свободное, по образу и подобию Своему, и дал ему огромную власть над всем видимым миром, до края вселенной, и сказал: хочешь, Меня люби, хочешь – нет. Но человек не захотел любить, он выбрал зло, потому что это легче. Любовь требует отдачи себя, а самолюбие ищет себе. Себя-то любить легче, поэтому человек и пал; и все мы поэтому падаем, что к себе очень неплохо относимся. А это совершенно несправедливо, потому что мы грешники; мы должны ненавидеть себя, ненавидеть свою жизнь, свои поступки, свои слова. Но мы, наоборот, лелеем себя; желаем, чтобы люди о нас хорошо говорили; ищем славы от людей; хотим, чтобы у нас и дома был порядок, чтобы и детки нас слушались. Собственно, а кто ты такой, чтобы тебя дети слушались или чтобы у тебя все дома было хорошо, чтобы к тебе все относились со вниманием? Ты же человек-грешник? Грешник. Так ты поделом и получаешь. А у нас все какие-то необоснованные претензии: нам то не так, это не так, это нам не нравится; мы все хотим на свой лад перестроить.

Основной конфликт между родителями и детьми от чего происходит? От того, что родители, часто совершенно не занимаясь своими детьми, требуют от них чего-то такого, что они считают нужным. А какую ты имеешь власть? Я понимаю, если бы ты душу действительно положил за человека, на его воспитание все отдал, все свое существо. А ты неизвестно чем занимался, а теперь требуешь: ты вот так поступай, я считаю так... А почему ты думаешь, что ты правильно считаешь? на каком основании? Все от нашего себялюбия, эгоизма и полного непонимания ситуации, от того, что мы забываем, что мы люди грешные. А нам это нельзя никак забывать, потому что, когда мы исходим из того, что мы якобы правы, мы сразу дезориентируемся, сразу идем не туда, делаем ложные поступки, всякие неправильные вещи. Поэтому отцы святые говорили: "Не будь вельми прав". Не считай себя правым, потому что ну что ты знаешь, что ты можешь, что ты понимаешь? Только Бог все знает, а Бога в тебе нет.

Почему Господь отдал весь суд Сыну и именно Иисус Христос придет мир судить, а не Отец Небесный и не Дух Святой? Потому что Господь Иисус Христос пострадал за человека. Он имел любовь, Он пришел и делом Свою любовь в мире реализовал – и поэтому имеет право

судить. Господь жизнь Свою отдал за нас, а мы за кого жизнь отдали? Ни за кого, поэтому и не имеем права ни от кого ничего требовать. Пока дети малы, родители имеют над ними царскую власть, это факт, но по совести только тот, кто все отдал, имеет право и требовать. Хотя обычно кто все отдал, тот не требует и, ничего не требуя, на самом деле получает. Вот Арсений Великий, память которого тоже сегодня празднуем, был вельможей при императоре, величайшим сановником, умнейшим, ученейшим, богатейшим – и все отдал, пошел в пещерку, стал Богу молиться, а Господь ему дал взамен молитву. Он был величайшим молитвенником.

Мы всё думаем: почему я открываю молитвослов, а ум у меня рассеивается; на богослужении я отвлекаюсь, мысли у меня плавают; читаю Священное Писание – ничего там не понимаю. Это совсем не удивительно: мы заповеди Божии не исполняем, поэтому молитва нам и не может даваться. Так и будут у нас мозги плавать туда-сюда, потому что молитва тоже от Духа Божия – когда Дух Святой Сам молится в нас. А если этого нет, то и молитва бесплодная, пустое сотрясение воздуха. Молитва может быть только тогда, когда есть благодать. Благодать – благой дар от Бога. А мы для Бога, собственно, почти ничем не жертвуем, ничего по воле Божией не совершаем – и еще желаем что-то приобрести. Некоторые даже имеют глупость и дерзость думать, что они что-то имеют. Это уж совсем беда; такой человек обычно даже в уме повреждается, потому что Господь сказал: у них отнимется и то, что они думают, что имеют. Полный развал получается, полная гибель души.

Поэтому если мы хотим достичь любви, воистину хотим быть подражателями Христа и Его ученика Иоанна Богослова, то, во-первых, нам надо настолько изучить Священное Писание, чтобы оно вошло в нашу душу, чтобы мы знали каждое его слово. Те слова, которые мы сегодня читали у евангелиста Иоанна Богослова, – они прекрасны. И они не только красивы по своей духовной высоте, они еще весьма просты, их очень легко понять, они вполне доступны для нашего понимания. "Возлюбленные! если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу". Хотим научиться молиться – вот ответ: если сердце наше не осуждает нас, то мы можем иметь дерзновение к Богу. Если мы хотим молиться, то наши сердце, совесть должны быть совершенно чисты перед Богом. Если совесть наша не чиста, то бесполезно молиться, потому что, раз сердце нас осуждает, мы уже вне Бога. И надо нам глубоко покаяться, прийти в сознание собственной ничтожности, греховности, оплакать грех. Тогда и будем уметь молиться, когда у нас будет покаяние. Вот как все связано.

Каждое слово апостольского послания – это такая премудрость! Вот, например, опять о любви: "Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире". А мы часто наши чувства, пристрастия, внешние впечатления принимаем за истину, потому что верим себе. Но мы люди греховные, поэтому нам нельзя верить ни своим чувствам, ни своему разуму, ни своему какому-то опыту – ничему своему, потому что это все глубоко испорчено, – иначе мы обязательно попадем в беду. И очень многие так прельщаются. Человек не знает, что такое любовь, и принимает за нее какие-то внешние проявления, какие-то знаки. Поэтому Иоанн Богослов говорит: "Испытывайте духов, от Бога ли они". Есть ли это дух любви? Любовь всегда проявляется в духе кротости, смирения, терпения, скромности, а если нет этого, если человек проявляет какую-то экспансию, пытается другого заставить что-то делать – значит, уже что-то не то.

Взять сектантов: придешь к пятидесятникам – такая любовь: "Брат!.." – и глазки горят, у всех одинаково. Такого человека встретишь – и сразу видно, что пятидесятник, потому что эта любовь не духовного свойства, а эйфорического. Как наркомана легко в толпе определить, так и здесь. А человек попадает к ним, не зная, что такое любовь, и говорит: "О, здесь воистину все любят друг друга: вот мне сразу и то дали, и это, все объяснили, рассказали, подарили. Это истинные христиане; а в православный храм придешь, там какая-нибудь бабка как двинет. У вас тут все мертвое, все не то. Вот у пятидесятников – любовь, а тут что?" И так многие прельщаются и погибают, потому что дух-то не тот в этой "любви".

"Не всякому духу верьте, но испытывайте духов". Но для этого нужно знать, каков этот дух, нужно иметь эталон. Вот смотришь – палка. Какой длины? Кто ее знает, вроде метр десять или метр двадцать. Чтобы точно узнать, надо взять метр и измерить. Так же и мы: пока не имеем благодати Божией, мы не можем знать, что есть истина. Поэтому, чтобы не заблудиться, нам нужно руководствоваться Священным Писанием, писаниями святых отцов,

которые имели Духа Божия. Взять Арсения Великого, Антония Великого или Иоанна Златоуста. Почему мы их прославляем как святых? Что значит святой? Святой – это тот, кто имеет Духа Божия. Православная Церковь – Церковь святых. А мы пока не святые, мы еще не православные, мы только приближаемся к тому, чтобы право славить Бога. Поэтому нам нужно верить лишь тому, кто свят, то есть в ком есть Бог, а остальным – нельзя, потому что мало ли что они напридумают. Пусть будут умные, пусть ученые, богословы, постники, аскеты – это совершенно неважно.

А многие на внешнее прельщаются: человек говорит хорошо, или внешность необыкновенная, или постится как-то особенно, или какие-то чудеса творит – и сразу: о, это, мол, святой. Вот и ходят за такими целые хороводы, а потом попадают в страшную беду, потому что в наши времена кто в прелесть попал, тот совсем пропал. Если в древности таких людей можно было спасти, было кому за них помолиться, то сейчас это вообще очень сложно. Поэтому надо нам стараться держаться Священного Писания и предания святых отцов, все ими проверять, а для этого нужно их знать досконально. Нужно постоянно исследовать, постоянно изучать Писание и, конечно, богослужение. Каждое слово нашего богослужения – это есть Божественная истина. Каждое слово книг, которые мы читаем, написано святыми людьми, Духом Божиим. Поэтому, участвуя в богослужении, читая Писание, мы просвещаем и назидаем ум. Да поможет нам в этом Господь по молитвам святого Иоанна Богослова и Арсения Великого, память которых мы сегодня празднуем. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
20 мая 1986 года, вечер*

Всенощное бдение под святителя Николая

Христос воскрес!

Сегодня святая Церковь прославляет святителя Николая. Каждый святой нас чему-то учит, поэтому Церковь с самых древних времен имеет обычай праздновать их память.

Человечество делится на две неравные части: святые и грешники, другого состояния нет. Но святым никто не рождается, все люди рождаются грешниками, от грешных родителей, и поэтому каждому человеку предстоит долгий путь и он должен иметь огромное желание, чтобы стать святым. А чтобы достичь святости, нужно знать, что это такое. Святой – это не человек, у которого нет грехов. Безгрешен один только Бог. Святой – это тот, кто имеет в себе благодать Святого Духа, кто поступает по духу, духовно живет.

Как этого достичь? Серафим Саровский говорил: примечай, что тебе дает больше благодати, тем и занимайся. Можно делать добрые дела, читать книги святых отцов, Священное Писание, в храм ходить, а самое удобное – это молитва. Где бы ты ни был, что бы ни делал, помолиться-то всегда можно. Но иной человек не может молиться – это тоже не каждому дается: лень ему, не хочется, мысли рассеиваются. Все люди разные: один побольше, другой поменьше; один потолще, другой похудей; один посильней, другой послабей; один поумней, другой поглупей. И каждому Господь свой дар дает, для того чтобы он этим даром послужил Богу, послужил своему спасению, послужил ближним своим.

Вот святитель Николай имел дар – милующее сердце. Всем, кто нуждался в помощи, он стремился помочь и за это приобрел благодать у Бога. Конечно, он наверняка и молился, и постился, и пастырь Христов был угодный Богу, но главный его подвиг – то, чем он прославился, – было милосердие. Вот чему нас учит святитель Николай. У него было такое милующее сердце, что он не мог пройти мимо, если кто-то в чем-то нуждается. Он обязательно хотел спасти, помочь, накормить. Есть такой даже термин в богословской литературе: деятельная любовь. Поэтому если у нас не получается дело молитвы, если мы не разумеем Священное Писание, если мы не в состоянии поститься, то мы можем приобретать благодать делами деятельной любви.

Видишь, человек в чем-то нуждается – помоги чем угодно: добрым ли словом, деньгами, посиди у его постели, если он болен, или с детьми его посиди, долг ему прости. На тебя кто-то прогневался – а ты ради мира, ради любви к нему смирись перед ним, пусть он тысячу раз не прав. И если мы целенаправленно каждый день, каждый час будем всем людям, которые нам

встречаются (а мы живем в большом городе, постоянно с людьми встречаемся), оказывать ту любовь, на которую в данный момент способны, то Господь, видя наше усердие, обязательно сподобит нас, что в сердце нашем поселится благодать. Милосердие – это самое главное свойство Божие, поэтому, когда человек будет усердствовать в милосердии, Господь обязательно его приблизит к Себе и даст ему благодать.

Вот кто-то тебя раздражает, ты хочешь на него накричать, а ты промолчи, потерпи ради любви к этому человеку. Конечно, так во всем поступать, постоянно ущемляя себя, очень трудно. Легко делать добро тому, кого мы любим: сыну своему, внуку. Гораздо трудней – невестке или зятю. Но надо стараться учиться делать добро не разбирая, потому что Сам Бог так делает. Несмотря на то что мы почти совсем не молимся (апостол Павел сказал: "Непрестанно молитесь", а сколько минут в сутки мы молимся? если сравнить с двадцатью четырьмя часами, то видно, что мы не молимся совсем) и за свою жизнь очень много грехов совершили – а Господь нас милует: и кормит, и питает, и вразумляет, и помогает нам во всем.

Господь Сам милостив, поэтому если человек тоже творит такую милость, то Господь, видя, что он приобретает свойства Божии, дает ему Духа Святого. Господь обязательно заметит, что хотя у нас еще и нет любви к ближним, но мы все-таки стараемся эту любовь оказывать, всячески им послужить, чем-то их порадовать, умягчить их сердце, восполнить недостаток любви в мире, – и Он поможет нам приобрести любовь и прочие христианские добродетели. Когда у человека милующее сердце, тогда от него отступают бесы, которые искушают его, и у него ум очищается, и молитва у него улучшается, и такой человек начинает и Писание понимать.

Как апостол Павел сказал? Хоть ты чудеса твори, хоть мертвых воскрешай, хоть за Христа жизнь отдай, но если ты любви не имеешь, никакой пользы тебе от этого не будет, потому что Бог есть любовь. И если нет у нас в сердце любви, а есть только зависть, раздражение, злоба, отчуждение, то мы Царствие Небесное не можем наследовать никак. Царство Божие – Царство любви. Поэтому и надо приучать свое окаянное, злобное, завистливое сердце к любви, все время заставляя его оказывать любовь, чтобы Господь про нас знал: он не только никому ничего плохого не сделал, а он двадцати тысячам человек сделал хорошее, добро оказал – и не одним своим племянничкам, а всем подряд, без разбора, не спрашивая, хороший человек или плохой. Такой любовью прославился Иоанн Кронштадтский: кто бы к нему ни приходил, он даже не спрашивал, православный это, татарин, еврей. Надо тебе – на. Вот если мы будем по такой дороге идти, то мы свою душу управим в Царство Небесное.

Конечно, кто не хочет Царство Небесное наследовать, кому нужно только попить, поесть, поспать, да здоровье чтоб было – ну тогда наслаждайся жизнью здесь. Надо нам очень твердо запомнить, что Церковь – это есть Церковь святых, поэтому необходимо употребить все силы своей души на стяжание Святого Духа. А если мы не стяжем благодать, то с нами будет как в притче о десяти девах: вроде и верующие, подойдем – а двери Царствия Небесного закроются, и Господь скажет: отойдите, Я не знаю, кто вы. Потому что нету в нас любви. Только в ком есть любовь, тот достигнет Царствия Небесного, Царства любви. Аминь.

Крестовоздвиженский храм,

21 мая 1986 года, вечер

Понедельник Седмицы 5-й по Пасхе

Христос воскрес!

В сегодняшнем Евангелии мы читали, как Господь повел Свою речь к иудеям, но слова Спасителя относятся и ко всем нам тоже. Господь сказал: "Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего". Иудеи были верующие, но во Христе не признавали Сына Божия, не хотели покоряться Его словам. Вот так и мы с вами: мы люди верующие, а словам Сына Божия покоряться не хотим. Отчего это происходит? Господь Иисус Христос поясняет: человек не хочет покоряться, потому что на самом деле он является не сыном Божиим, а сыном дьявола и поэтому хочет творить дела дьявольские; а кто от Бога, тот хочет творить дела Божии.

Человечество именно по этому признаку и разделяется. На словах вроде все верующие,

однако не каждый от Бога. У многих людей вера не христианская, а бесовская, потому что она совсем не в того Бога, а в какого-то иного. Но в воскресном песнопении поется: "Разве Тебе иного не знаем" – значит, кроме Христа нет Бога. Кто верует Христу и Его словам, тот верует и Отцу Небесному, потому что слова, которые Христос принес на землю, Он слышал от Отца. И тот, кто от Бога рожден, слушает слова Божии, а тот, кто является сыном дьявола, все равно будет делать свое – ему хоть говори, хоть не говори.

Эта речь Христова обращена к нам, чтобы нам ужаснуться, потому что многие из нас не чувствуют слов Господних, не воспринимают их в себя, живут по своим похотям, которые возбуждаются от геенны. И в результате своей жизнью мы служим не Богу, а дьяволу. Мы люди грешные, и нас тянет на излишнюю болтливость, на осуждение, на злобу, злоречие, злопамятность, зависть, клевету, блуд, многостяжание, отчуждение от людей, подозрительность, многоспание, себяжаление, эгоизм, поиски своего, желание ублажить себя всячески. И через эти наши похоти, желания мы покоряемся дьяволу. Кто чей сын, тот тому и служит. А ведь жизнь нам дана на то, чтобы все эти похоти, все греховные желания, стремления в себе угасить, чтобы нас даже не тянуло на грех.

Каждый христианин в купели крещения усыновляется Отцу Небесному, поэтому, хотя в нем и действует грех, он должен ставить ему препятствие: хочу согрешить, но говорю "нет", потому что я являюсь воином Христовым и должен грех побеждать. А тот, кто от дьявола, он, наоборот, что хочет, то и делает, независимо от того, какова заповедь Божия. Вот человека что-то раздражает, и дьявол хочет, чтобы он прогневался, а Бог хочет, чтобы он проявил мужество и удержался, остался непобедимым воином Христовым. К несчастью, человек обычно служит своему греху: когда у него чешется – он хочет почесаться, потерпеть не хочет; когда его раздражают – он хочет прогневаться, что-то злое сказать, осерчать, на своем настоять. Вот так и получается, что мы вроде бы формально крещенные, вроде верующие, Писание читаем, а в жизни нашей часто это не проявляется.

Господь говорит, что кто уверует в Сына Божия, уверует в слова Господни, примет их, будет их исполнять, тот не умрет, а наследует вечную жизнь. Хочешь Царствия Небесного? Очень просто: не служи греху, не действуй по своим похотям, а действуй по заповедям Божиим. Заповеди Божии даны в Священном Писании – читай, исполняй. А то получается, что мы даже читаем так, лишь бы прочесть – прочитал, чего-то помечтал и забыл.

Вот сегодня слышали мы из Евангелия от Луки: "Блаженны нищие духом". Хочешь Царства Небесного? хочешь блаженства не на словах, а на деле? Тогда надо стяжать нищету духовную. А что это такое? Это когда человек считает самого себя половой тряпкой и, если об него ноги вытирают, не только не выражает недовольства, что на каблуках гвозди торчат и ему больно, а говорит: мало мне еще, я по своим грехам и не того заслуживаю. А у нас как? Немножко заденешь – человек сразу недоволен: что это вы на меня облакачиваетесь, отойдите. Забывает, что он есть половая тряпка, об которую надо ноги вытирать. Или попробуй что скажи, да просто молча посмотри не так на человека – уже смертная, кровная обида. А уж если действительно сказать правду в глаза, кто он есть на самом деле, что тогда?

Пока не будет у нас состояния полного смирения, не будет и Царствия Небесного никогда, даже и близко к нему не подойдем, потому что Бог гордым противится и только смиренным дает благодать. Поэтому хотя бы это слово Господне: "Блаженны нищие духом" – надо на лбу себе записать, чтоб, каждый раз смотря в зеркало, читать. Чтобы помнить: не считай себя лучше другого, не считай себя умней, не считай себя вправе учить, на кого-то гневаться, раздражаться. Нет у нас такого права.

Каждый, если он действительно христианин, должен не только абстрактно, формально соглашаться, что он первый грешник. Потому что на словах-то одно – к исповеди подходит: "Я такой грешник", – а попробуй ему сказать: "Слушай, отойди отсюда, скотина негодная". Сразу обида. Ну ты же грешник, тебя называли скотиной, а животное, скотина – существо безгрешное, значит, тебя похвалили. Нет, недовольство: мною пренебрегли, мне не так сказали, на меня не так посмотрели, со мной недостаточно полно поговорили, мне не то, мне не это.

Мы все время требуем чего-то, и это есть проявление нашей бесовской гордыни. Поэтому благодати Божией мы, конечно, никогда не получим. Если мы не трудимся над тем, чтобы приобрести смирение, наше хождение в Церковь бесполезно, мы только ноги оттаптываем. А

вот если мы будем в храм ходить и трудиться над тем, чтобы стяжать смирение, то тогда будем благодать Божию приобретать. Потому что, во-первых, в храме трудно стоять: два часа служба идет, да еще батюшка на полчаса проповедь закатит – ноги утомляются, хочется и посидеть, а мы стоим, смиряемся, терпим. Уже и ум ничего не воспринимает, ничего не слышим, и домой хочется уйти, а все равно стоим, перебарываем себя. Вот перебарывание себя – это и есть смирение.

Или домой пришла – посуды гора, не хочется мыть, а надо смириться, взять и помыть. Кто-то обидел – хочется обидеться, а надо потерпеть, сразу забыть, простить, как ни в чем не бывало. Человек тебе пять минут назад в лицо плюнул, а ты должен к нему как к родному брату, совершенно забыв, что он сделал. А некоторые до того обнаглели, что годами с кем-то не разговаривают, не здороваются; бывает, даже подходят, спрашивают: вот она со мной не здоровается, и я тоже не здороваюсь; как мне, батюшка, поступить? Чего тут спрашивать? В Евангелии все написано: "Блаженны нищие духом". О тебя ноги вытирают? Так ты должна эту тряпку выжать в ведро и воду вместо чая с лимоном выпить.

Мы по нашим грехам не заслуживаем того, что имеем по милости Божией. У нас и квартиры есть, и холодильники, и магазины, и еда, и одежда, и даже деньги лишние – все есть, а нам все мало, мы еще жалуемся: ко мне плохо относятся, меня дочь поносит. Дочь твоя? Что ты вырастила, то теперь и ешь. А то хотят так: ничего не делать, детей не воспитывать, а потом еще чтоб дети ангелами были. Хорошо, что не в тюрьме пока, слава Богу!

Почему у нас всякие скорби, распри, недовольства, обиды? От недостатка смирения, от того, что мы считаем себя хорошими, достойными. Господь по милости Своей дает нам жить, а мы неблагодарны, настаиваем на своем, хотим себе получше. А за что? Мы же палец о палец не ударяем для того, чтобы этого достичь. Поэтому надо нам обязательно учиться хотя бы смирению. Если мы хотим быть детьми Отца Небесного, надо нам слушать, что Господь Иисус Христос говорит. И кто примет эти слова в себя – значит, тот от Бога. А кто не примет, тот от дьявола – и тогда ходи в храм, не ходи, все равно в геенну попадешь, раз ты сын дьявола.

Господь говорит: нельзя "служить двум господам". Нельзя и Богу служить, и дьяволу. Поэтому если мы Богу молимся, в храм ходим, Святых Таин причащаемся, Священное Писание читаем, но заповеди Божии не исполняем, то наше хождение в храм, наша молитва являются хулой на Бога. Иудеи – те по-честному так и говорили Иисусу Христу: Ты самарянин, в Тебе бес. А мы нет, мы просто тихо не делаем того, что Он нам заповедал. Но у нас точно такая же вражда против Христа, только еще более подлая – такое равнодушие.

Христос, чтобы нас заповедям научить, чтобы ввести нас в Царство Небесное, Кровь Свою драгоценную пролил, напитал ею Крест и землю, чтобы только нас спасти от греха, а нам по-прежнему все хи-хи да ха-ха, да всякая греховная муть в голове, и даже нет никакой попытки от нее освободиться. Господь говорит: "Блаженны алчущие и жаждущие правды", а мы этой праведности совсем и не хотим – желаем только в своем болоте пребывать, в каких-то своих мечтаниях, в своих обидах, в своей суеде.

Вот так посмотреть на нашу жизнь, из чего она состоит? Сплошное тщеславие, суета, поиски похвалы, человекоугодие, стремление кому-то понравиться, стремление как-то получше выглядеть, из себя важное изобразить. Многие из нас настолько себя потеряли, что и не знают, кто они есть. Потому что дома человек один, на работе другой, в храме третий, на улице четвертый, а кто на самом деле – уже неизвестно; сплошная ложь, сплошные гнилые доски. Сверху покрасили, вроде бы крепкая доска, гвоздем ковырни – там одна труха. Поэтому Господь так однажды и сказал: вы как гробы покрашенные. Так все вроде чистенько, а внутри полно всякой нечистоты.

И если мы хотим быть детьми Отца Небесного, хотим подлинно возжаждать Царства Небесного, надо нам увидеть грех в себе, то есть покаяться. А когда мы увидим свой грех, тогда не будем обижаться, если кто-то нам в лицо плюет, или об нас ноги вытирает, или нами пренебрегает, уничижает, куда-то загоняет, что-то у нас отнимает, потому что так с грешниками и надо поступать. Поэтому будем довольны, будем проявлять радость, потому что Господь сказал: "Блаженны вы, когда будут поносить вас".

Надо нам учиться у Евангелия, учиться тем заповедям Божиим, которые Он нам дал, потому что эти заповеди спасительны. Вот взять, допустим, человека, который достиг

смирения. Он действительно блажен, ему действительно ничего не надо, он воистину обладает Богом, он всем доволен. У человека, который считает себя первым грешником, вообще нет никаких скорбей, потому что он во всем видит промысел Божий, он во всем с Богом согласен. Солнышко светит – слава Тебе, Господи, какая красота; буря, дождь, все залило водой – опять слава Богу, потому что это ведь Господь устраивает, ну а что Господь делает – все благо. Крыша над головой хорошая – очень хорошо; протекает крыша – опять слава Богу, значит, на то Божья воля есть; заболело ли что – слава Богу, это мне за мои грехи, лучше мне здесь пострадать, чем там. И вот так во всем.

Нам надо входить в это чувство, в это понятие: за все слава Богу. И если мы будем возрастать в смирении, то будем возрастать сразу и в благодати Божией. Почему Господь первой эту заповедь поставил? Потому что, если ты все имение свое отдашь нищим, если ты будешь наизусть знать Священное Писание, иметь непрестанную молитву, чудеса творить, если ты будешь вообще самый замечательный из всех человек, но у тебя не будет смирения, в Царство Божие ты не войдешь. А если и молитвы у тебя не будет, и денег, чтоб нищим раздать, если ты будешь гугнивый, неграмотный, слово вымолвить не сможешь, если ты Священное Писание не будешь знать, если ты будешь жить на Сахалине, где ни одного храма нет, и причаститься тебе будет негде, – но если будет у тебя смирение и вера во Иисуса Христа, ты достигнешь Царствия Божия. Вот что такое смирение.

Смирение – это красота, это одеяние Божества, это первая заповедь блаженства. Поэтому надо нам хотя бы эту заповедь усвоить. Конечно, когда ее усвоим, тогда и остальная жизнь по-другому пойдет, и молитва будет налаживаться. А то многие читают молитву – мысли рассеиваются. Что ж тут удивительного? Видали, ангела нашли, хочет нерассеянно молиться. Да величайшие угодники Божии и то иногда от молитвы отвлекались. А ты кто, грешный человек? Смирись и читай, бубни как можешь. А то: у меня это не получается, то не получается.

Люди десятилетия в пустыне проводили, в посте, в молитве, отдавали все имение нищим, брали какого-нибудь больного, чтобы за ним ухаживать, или сироту из приюта, чтобы воспитать его ради Царствия Божия: "Вот, Господи, для Тебя потружусь ради Царствия Божия". Какие-то подвиги несли – а тут ничего не делает и хочет еще, чтоб молитва у него была. Да для этого какой нужно пост держать, как нужно вообще жить – внимательнейшей, нерассеянной жизнью. Недаром многие подвижники окно келии иконой загораживали, чтобы не отвлекаться, потому что то птичка запела, то небушко проглянуло, то листочек какой-то закачался, то бабочка пролетела – это все отвлекает. Вот какое было желание достичь молитвы, не говоря уж о поклонах, о бдениях и так далее. А у нас что? Как живет, так и живем.

Или некоторые говорят: я вот причастился, а не чувствую прямо, что я на небе. А кто ты есть, чтобы ты чувствовал? Ты ж грешный, скверный, грязный, блудный человек – как же ты можешь чувствовать? Если иногда Господь по Своей неизреченной милости, потому что Он всех нас любит, и даст тебе почувствовать какую-то кроху, так залейся слезами и месяц стой на коленях, Бога благодари за то, что тебе Господь даровал.

Нам необходима поденная работа, мы должны ежедневно трудиться, уничижая, смиряя себя. Вот когда Господь увидит наш труд, тогда Царствия Божия и достигнем. Вот что такое смирение. Да возьми любую заповедь Божию – о ней можно говорить целую неделю, и она неисчерпаема, потому что каждая заповедь дана для спасения, а спасение – это очень трудное дело.

Поэтому если захотим Царствия Небесного, захотим стать детьми Отца Небесного и сродниками всем святым и достичь вечной жизни, будем вникать умом и сердцем в заповеди Божии и исполнять их в жизни своей. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
2 июня 1986 года*

**Всенощное Бдение под святых Равноапостольных Константина и
Елену**

Сегодня мы празднуем память двух замечательных святых – римского императора Константина и его матери императрицы Елены. Константина называют Великим, поскольку он как государственный муж сотворил воистину великие дела. Этот святой жил в начале четвертого века. Отец его был язычником, а мать тайной христианкой.

Огромная Римская империя простиралась от Британских островов до Средиземноморья и занимала всю Европу, часть Азии и Африки. В то время она разделилась на области, каждая со своим правителем, которые между собой воевали. Отец Константина правил Британией и Галлией (современная Франция), и сын наследовал ему: как только отец умер, войска избрали его императором. Империя держалась на силе оружия, и воины, естественно, играли в ней самую большую роль. Императора выбирал не народ, а войска, поэтому власть не всегда переходила по наследству. Если наследник оказывался неугоден воинам – был трусом или человеком злым, жестоким, неблагородным или жадным, – то ему отказывали в правлении, часто даже просто убивали и выбирали из своей среды более достойного, как они считали, человека.

В области, где царствовал Константин, отношение к христианству было мягкое, преследований никаких не совершалось. В другой части империи быть христианином значило рисковать жизнью. И в такой междоусобице промысел Божий уготовал Константину особую роль – победить всех противников христианства. Перед решающей битвой со своим противником он помолился Богу, чтобы Господь открыл ему Свою волю и укрепил его на борьбу. И на небе явился крест и надпись: "Сим победиши". Тогда император велел на всех знаменах вышить и на всех доспехах начертать изображения креста и пошел в битву. Он разбил наголову своего врага и стал императором всей Римской империи, объединил ее под свое начало.

Перед этим он издал Миланский эдикт, дающий христианству равные права со всеми другими религиями. Раньше римские законы предписывали хватать христиан, заставлять их отречься от веры и, если они не отрекались, применять пытки, а тех, кто оставался верен Христу, умерщвлять любым способом: можно было распять их на кресте, отдать на съедение зверям или рыбам-муренам, утопить, содрать кожу – как сочтет нужным правитель той области, в чьи руки они попали. А Константин дал христианам хотя и не полную пока свободу, но прекратил гонения, и сразу Церковь стала бурно расти, новые и новые люди обращались ко Христу.

Когда Константин стал полновластным хозяином империи, сердце его все больше склонялось к христианству, и он вступил в чин оглашенных, то есть людей, еще не принявших святое крещение, а пока обучающихся вере. В этом чине равноапостольный Константин Великий пробыл почти до конца жизни. Он крестился только за несколько месяцев до смерти, потому что считал себя недостойным этого великого дара Божия – святого крещения.

Император жил и действовал очень мудро. Он был председателем на церковных соборах, умирителем Церкви, построил очень много храмов, его мать Елена по его просьбе в Иерусалиме нашла Крест Господень. Он был человеком образованным, весьма начитанным, хорошо знал Священное Писание, глубоко вник в православное учение, упражнялся и в молитве, и в посте. Его царствование для христиан было весьма и весьма благоприятно, поэтому его называют равноапостольным. Апостол – это тот, кто проповедует Христа и призывает в Церковь множество людей. Апостолы Христовы просветили всю вселенную. Святая равноапостольная Нина была просветительницей Грузии, равноапостольные Кирилл и Мефодий просветили славян, Николай Японский – Японию, митрополит Московский Иннокентий – всю Сибирь, Аляску, Камчатку. А Константин, хотя и не ходил с проповедью, но обратил сотни тысяч людей своим примером. Он разрушил множество языческих храмов, многие превратил в православные. И то, что император уверовал во Христа, произвело такое колоссальное впечатление на его подданных, что вся империя стала обращаться ко Христу, сотни и сотни тысяч, миллионы людей пришли к Церкви, и Церковь из гонимой стала торжествующей. В этом его огромная роль; он совершил целый поворот, конечно, по особому избранию Божию.

Жизнь каждого святого для нас чем-то поучительна, поэтому святая Церковь святых и прославляет, чтобы мы, взирая на них, учились. Чему нам можно поучиться у Константина,

ведь нам царский венец и скипетр, как говорится, не угрожают? Хотя кто знает, всякое случается, бывают такие на свете чудеса: играет какой-то мальчишка в футбол, проходит лет пятьдесят, смотришь – он уже царь. Не знал даже, не думал, не гадал, а так оказалось. В чем же достоинство Константина Великого как христианина? В том, что он очень внимательно относился к воле Божией и не шел против нее, а поступал именно по ней. Как ему Господь указал, так он и действовал.

Каждый человек создан Богом с определенной целью. У любого, где бы он ни родился, в Японии, Австралии, России, Палестине, свое предназначение. До каждого человека у Бога своя нужда, каждый и в этой земной жизни, и в жизни небесной должен занять определенное, только ему уготованное место. Все люди разные, у них разные привязанности, разные способности, нет двух одинаковых людей, даже у близнецов и то разница наблюдается. И каждому дана своя жизнь: определенное место рождения, национальность, язык, способности. И каждого Господь ведет в Царствие Небесное.

Константин получил величайший и страшный дар. Люди все по природе своей властолюбивы. Вот дай человеку маленькую власть – билетер в кинотеатре, и все, он уже эту власть будет использовать на четыреста процентов. А уж когда человек из грязи да в князи – вообще страшное дело. Есть даже современная поговорка: хочешь поссориться с приятелем – сделай его себе начальником. Действительно, как только человек стал начальником, вдруг он меняется, хотя, казалось бы, что, собственно, произошло? Человек встал на какую-то другую ступень общественной лестницы и думает, что он что-то уже из себя представляет, хотя два дня назад он был никем; забывает о том, что не место красит человека, а человек место, что главное – соответствовать своему предназначению, тогда все будет хорошо и гармонично. Властолюбие свойственно нашей падшей природе, это родная дочь гордости, поэтому в молитве Ефрема Сирина мы и просим: любоначала, Господи, избави.

Но Константин искал не того, чтобы упрочить свое "я", свою власть, а стремился к миру в империи и к тому, чтобы его подданные воцерковлялись, чтобы они возлюбили Христа. Господь поставил его на этот подсвечник – быть императором. Он был первым человеком в поднебесной, и, несмотря на это, голова у него не закружилась, он относился к этому как к своему служению. Любая власть от Бога, даже того же билетера в кинотеатре, тем более от Бога царская власть. И Богу было угодно, чтобы Константин победил. А не было бы на это воли Божией, и он бы проиграл битву: никакие войска, никакое военное искусство, никакая храбрость не помогли бы. Никогда ничего не получится, если не будет благоволения Божия. Тому масса примеров. Возьмем Александра Невского: народу у него в десять раз меньше, вооружение в двадцать раз хуже, а он взял и разбил немецких рыцарей, потому что с ним был Бог. И так всегда: с кем Бог, тот и побеждает. Вот и с Константином был Бог. Поэтому он так и относился к своей власти: не я ее захватил, не моя это власть, не для того мне дана, чтоб меня возвеличить, а дана мне власть Богом, чтобы я с ее помощью прославил Бога. И он внимательно всю свою жизнь посвятил прославлению Бога, используя то, что ему дано. Вот этому мы можем у него поучиться.

Мы живем в эпоху, про которую духовные люди говорили, что настанет время, когда отнимется подвиг от людей. Что имеется в виду? Например, в третьем веке среди христиан был распространен подвиг мученичества, люди его даже искали. Бывало так: человек входит в языческий храм, подходит к идолу, сокрушает его и говорит: "Я христианин", и тут же язычники на него набрасываются и терзают на части. То есть церковные люди желали умереть за Христа. Или, например, подвиг монашества. «Монос» – значит "один". Человек уходит в пустыню, в какое-нибудь уединенное место, чтобы молиться Богу. Чтобы не есть, не пить, не спать, а трудиться для Бога, свою душу воспитывать. Монахи совершали множество коленопреклонений, вкушали через день, а некоторые и раз в неделю, пили воды недосыта, все время в молитве пребывали, собирались вместе только для того, чтобы причаститься, носили одну одежду, в которой их и хоронили, не искали себе ни славы, ни почестей, а если были какие деньги, они их раздавали.

Храм Великомученика Димитрия Солунского. С о. Александром Линде, о. Виктором Шаповальниковым и о. Валентином Асмусом

Или сегодня мы празднуем еще память благородного князя Константина, потомка князя Владимира. Он попросил себе в удел Муром, чтобы обратить ко Христу язычников, которыми этот город был наполнен. Специально подвиг совершил ради того, чтобы людей обратить к Богу. Или Иннокентий Московский всю Сибирь прошел, многие тысячи километров, чтобы только просветить инородцев: якутов, камчадалов, чукчей. Сотни храмов построил, все ноги себе истоптал, на множество языков, которые специально выучил, перевел Священное Писание и богослужение. Какой труд взял не ради себя, а ради других!

Был и такой подвиг распространен: подбирали какого-нибудь калеку на дороге безногого или слепого. Тогда войны были страшные и рубились-то на мечах, на копьях, поэтому кто без руки, кто без ноги, кто без глаза, у кого вообще пол-лица разворочено – каких только не было увечных. Вот берут калеку, раны ему моют, обхаживают, и так всю жизнь, пока не похоронят. Одного похоронят, другого берут.

Вот ради Христа какие подвиги совершали. Наша же эпоха характерна духовной расслабленностью, человек не может нести какой-то сверхъестественный подвиг: молитву непрестанную или пост, не говоря уж о мученичестве. Чуть немножко дверью прижмут – и все, отречется от всего. Какое там исповедничество! так и трясется, как бы кто не узнал, что он в церковь ходит. А что тебе будет за то, что узнают? Да ничего – не убьют, не зарежут, даже тринадцатой зарплаты не лишат. А все равно боится, потому что время такое.

Поэтому у Константина Великого нам надо поучиться жить там, где Господь нас родил, поставил; делать то дело, которое нам вручено Богом, никуда не бежать, не стремиться к суетному, не искать земного. И если в данный момент, в конце восьмидесятых годов двадцатого столетия, мы сможем жизнь, которая нам дана Богом, которая перед нами лежит, прожить, как теперь говорят, просто по-человечески, без всяких выдающихся подвигов, ходя в храм, выполняя закон церковный, стараясь исполнять заповеди Божии, ничего на себя великого не беря, а просто оставаясь христианами и не боясь этого звания своего христианского, не отрекаясь от Христа и не смотря на весь окружающий мир, который живет по другим совсем законам, и будем утверждать свое христианство в своей семье, в своих детях, в своем образе жизни, во всем – то противостояние этому миру, который весь уже изблудился, испился,

извратился, превратился во что-то страшное, только стояние на этом камне уже вменится в огромный подвиг, это будет стояние во Христе: они пусть что хотят, а мы будем стоять твердо.

Константин ничего не искал, он только делал то, на что поставил его Бог, – и вот мы его прославляем как Великого. И каждый из нас может сейчас достичь Царствия Божия очень просто, для этого не надо ничего изобретать. Многие выдумывают: кто в горы уедет куда-нибудь на Кавказ и там пропадет; кто поклоны начинает бить тысячами и вместо того, чтобы пользу получать, душе повредит; кто еще какой-нибудь на себя подвиг возьмет, а потом начинает жалеть, потому что не справился с тем, что наложил на себя. Сейчас время внешнего подвига прошло, совершать его в наше время невозможно, не нужно и бессмысленно, потому что у нас не хватит на это духовных сил. Все силы наши должны уходить на то, чтобы, живя в полностью безбожном и оторгнутом от Церкви мире, оставаться христианином, человеком церковным и являть свою церковность миру.

Допустим, какой-то завод работает, план выполняет, премии зарабатывает, авралы там у них бывают или, наоборот, не подвезли чего, сидят, делать нечего, курят, гонца в магазин посылают, чтобы после обеда выпить, – такая жизнь идет. И вот среди этих пятисот человек появился один христианин, который не пьет, ни над кем не подсмеивается, честно трудится, не опаздывает на работу, не халтурит, не ругается с начальством, который послушен, не ищет своего, не лезет вперед, не старается из-под носа у кого-то квартиру вырвать. И оказывается, что его молчаливое присутствие очень много значит для этих людей, оно наполняет их сердце стыдом, не всех, но хотя бы некоторых, и это колоссальное дело, это дело апостольское, хотя он ни слова не говорит. И так всегда бывает. А если человек начинает кипеть, кого-то агитировать, куда-то тащить, то из этого получается только беда.

Поэтому каждому из нас надо научиться у Константина Великого исполнять свое служение, делать то дело, на которое поставлен Богом в данный момент. Где бы ты ни был, что бы ты ни делал, надо всегда оставаться христианином. "Да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего Иже на небесех". Чтобы все знали: вот это действительно христианин. У него детки – вот это детки. Мои – банда, а вот эти да, видно, что человек верующий. Или семья: у всех скандалы, драки, попойки, вызовы милиции, чего только нет, а у них смотришь, никогда ни шума, ни ругани, тишина, покой, порядок. Зайдешь к ним – всегда красота, всегда вежливы, всегда здороваются.

Сейчас о человеке, который место уступил в автобусе, или милиционере, который кого-то схватил, кого-то спас, уже в газетах пишут. Хотя что тут особенного? Работа такая. А нет, пишут, потому что обычно человек ни во что не вмешивается и ему дела никакого нет до других, а тут вот один нашелся, который кого-то защитил. И это воистину подвиг. Любой человек на любом месте сейчас, в наше время, совершая то, что от него жизнью требуется, будет поставлен перед Богом очень высоко. Потому что весь мир этот безбожный настолько давит, что выдержать его давление и остаться христианином очень трудно.

И если мы устоим, если не поддадимся духу времени, если мы будем все равно жить по закону Церкви, по которому жили наши предки, равноапостольные Константин и Елена, все святые, апостолы, по тому закону, который Христос на землю принес, – то, даже не совершая коленопреклонений или особых каких-то подвигов ради Христа, мы внидем в Царствие Божие. Только надо стараться не малодушничать, а, взявшись за этот плуг, идти до конца. И те искушения, которые неизбежны на нашем пути, надо пережить, надо помнить, что ничего сверх нашей силы с нами не будет, а что нам Господь даст, то и надо потерпеть. Поэтому не надо ловчить, не надо стараться пролезть в какую-то узкую щель – никуда мы не увернемся от благого промысла Божия.

Это не значит, что нужно на лбу написать: "Я христианин" – и по улице Горького пройти. Лезть на рожон никогда не похвально. И Церковь несмотря на то, что были такие люди, которые искали мученичества, никогда не призывала к этому. Наоборот: ты живи. Если Господь призовет тебя к мученичеству, если ты готов к нему – хорошо, прими страдания ради Христа. Если мученичество для тебя слишком тяжело – тогда исповедничество: в тюрьме посидишь в кандалах. Если суждено тебе Богом пострадать – ну что ж, потерпишь побои, оплевание; если суждено тебе имения своего лишиться – лишишься. Потому что Господь управляет всем, и все, что надо для нашей души, с нами случится.

Но не надо думать, что наша судьба как-то предначертана заранее. Нет, она зависит от того, как мы себя ведем, развивается ли наша жизнь по воле Божией. Вот открываешь глаза – и первая мысль у тебя должна быть: а какова воля Божия? Есть ли воля Божия, чтобы мне еще полчаса полежать, или есть воля Божия встать? Вопросы свою совесть. Совесть скажет: вставай. Ну что ж, встал. Слава Тебе, Господи! Можно какие-то дела броситься сразу делать, а можно помолиться. Вроде бы какая разница, позже помолиться или раньше? А ты вопросы свою совесть: Господи, вразуми, что лучше вперед? Господь скажет: помолись.

Помолился, правило прочел, дела сделал необходимые, пора на работу. Теперь воля Божия какова? Угодно ли Богу, если я опоздаю на работу? Опять вопросы свою совесть. Она скажет: нет, не угодно. Почему? Какое отношение к духовной жизни имеет моя работа? Вот сижу там с бумажками или с какими-то железками. Но если ты опоздаешь на работу, значит, кто-то будет нервничать; кто-то будет злорадствовать, что тебя накажут; кто-то будет страдать от тебя, потому что ты будешь бежать и кого-то толкнешь, и так далее. Сколько можно из этого опоздания вреда натворить окружающим, не говоря уж о вреде себе. Потому что, когда ты бежишь сломя голову на работу, вряд ли ты о Боге вспоминаешь, а потом, когда прибежишь – пока очухаешься, к работе пока еще приступишь. Вот такая простая вещь: на работу не опоздать, – и то как это важно. А если прийти вовремя или даже еще пораньше – какая будет в этом красота! Потому что, приходя пораньше, мы, может быть, и другого подвигнем так делать.

Даже в таких мелочах мы можем Богу угождать или, наоборот, не угождать Богу, а угождать себе. И если мы будем в своей жизни, самой обыденной, к мытью посуды, к штопанью носков, к стоянию в очереди в прачечной относиться внимательно, то увидим бездну возможностей для спасения нашей души. Вот стоишь в очереди, жарко, душно, кто-то вперед лезет, кто-то препирается, кто-то начинает ругаться, что долго записывают, долго взвешивают или еще что-то. А ты стой и смирись. Как хорошо – вот тебе и подвиг христианский, не надо терпеть разбойников, не надо тысячи поклонов. Представь себе, что на твоём месте стоит, допустим, преподобный Сергей Радонежский с авоськой. Как бы он себя повел? Вот и ты так же делай. Глядишь, пока в очереди ждешь, получишь колоссальную духовную пользу, которую не заработаешь никакими поклонами, никакими кафизмами, если они совершаются формально.

То есть спасение у нас вокруг. Сейчас не спасется только глупец, потому что все настолько перекорежено, все настолько вверх ногами, все устроено так, чтобы человека только раздосадовать, раздражить, разозлить. И если мы будем сдерживать свой гнев, умерять свои похоти, желания, аппетиты, искать смирения, то для нас откроется огромное поле деятельности. И хотя бы один день в неделю проживя как настоящие христиане, мы достигнем очень многого. А потом ко дню будем еще день прибавлять, еще день, пока не придем в меру совершенного возраста Христова.

В житиях рассказывается про одного кожевника, на которого Господь указал Антонию Великому, что этот человек ближе его к Богу. Тогда Антоний пришел к нему и стал спрашивать: "Чем ты Богу угождаешь?" А он говорит: "Я угождаю? Да я самый первый грешник. Все в церковь идут, а мне некогда, мне приходится вот эти подметки прибивать. Вся душа моя стремится туда, а меня Господь не допускает". И вот Господь сказал: "Антоний, он выше тебя". А ведь тот двадцать лет в пещере провел; раз в неделю только пищу вкушал; будучи неграмотным, наизусть знал Священное Писание; мертвых воскрешал. А кожевник оказался выше его, потому что, прибывая подметки, он достиг глубочайшей веры Богу и глубочайшего смирения, которых Антоний в то время еще не достиг.

Поэтому жизнь и спасение наше рядом, в каждой встрече с человеком, в каждом деле, в нашей обыденной жизни. И каждый из нас должен не стремиться к чему-то внешнему, а стремиться использовать то, что дает ему Бог. Вот этому мы можем и поучиться у Константина Великого, память которого ныне празднуем. Аминь.

Крестовоздвиженский храм,

2 июня 1986 года, вечер

**Вторник седмицы 5-й по Пасхе. Празднование Владимирской иконы
Божией Матери**

Господь сказал: "Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его". Эти слова нам хорошо известны, они из Евангелия, которое мы читаем на все Богородичные праздники. Второе сегодняшнее Евангелие, от Иоанна, начинается так: "Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек".

Что значит не увидеть смерти вовек? Это и есть приобрести блаженство. А приобрести его можно, только приняв слово Божие и сохранив его. Слово «смерть» имеется в нашем лексиконе, но так как мы люди по своему составу плотские, то воспринимаем смерть как прекращение биологического существования. Поскольку заботы о плоти занимают основную часть нашей жизни, сил и помыслов, то смерть для нас означает только смерть телесную. Однако помимо чисто биологических понятий есть еще и духовные.

Что такое жизнь? На этот вопрос не может ответить ни один ученый. Что это за сила, которая заставляет росток подниматься от земли, или клетки – размножаться, или ребенка из маленького делает большим, или растит дерево? Как устраивается, что биологический объект – цветок ли, животное, человек – берет из окружающей среды какие-то элементы, преобразует их с помощью некоей силы и эта сила дает ему жизнь и развитие? А когда эта сила иссякает, то организм перестает существовать. То дерево тянуло соки из земли – а теперь не тянет; человек ел, был у него аппетит хороший – а теперь, к примеру, перестает есть и умирает. Так же и в духовном плане: душа тоже имеет возможность жить и имеет возможность умереть. Душа может пребывать и в состоянии, которое подобно биологическому анабиозу. Вот, например, некоторые насекомые способны засохнуть и пролежать так десятки лет, но как только попадают в среду, удобную для жизни, то тут же восстанавливают свои функции и начинают ползать. Так и душа человека может заснуть и быть как бы мертвой, а потом ожить и начать жизнь духовную. Об этой смерти и говорил Господь: "Кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек".

Что же такое жизнь и смерть с точки зрения Священного Писания, с "точки зрения" Отца, Который пребывает на небесах и на нас на всех смотрит? Жизнь – это есть общение с Богом, смерть – это нарушение общения с Богом. Бог вечен, поэтому общение с Богом называется вечной жизнью, а нарушение этого общения называется вечной смертью. Все мы знаем, что умрем. Уже маленькие дети начиная примерно с трех лет обычно этим вопросом задаются. Но потом постепенно, с погружением человека в грех, этот вопрос как-то уходит от него на десятый план. А ведь наша биологическая смерть есть только указание, напоминание нам о том, что существует еще смерть духовная, – для того, чтобы нас как-то встряхнуть, ужаснуть, заставить задуматься об этом, может быть, самом главном вопросе бытия.

Если после смерти тела существование человека прекратится, тогда наша жизнь теряет всякий смысл. И действительно бывает, что многие последовательные атеисты пускают себе пулю в лоб: чего мучиться, спрашивается, зачем страдать, зачем чего-то добиваться, когда все бессмысленно? Будь ты хоть Александром Македонским, все равно тебе умереть придется. Но откровение Божие и наше внутреннее ощущение дает нам знание о том, что с биологической смертью жизнь не кончается. А раз она не кончается, значит, нам нужно быть готовыми к тому, что нас ждет за гробом. И Господь, чтобы нас подготовить к этому вечному бытию, сошел на землю и основал Церковь.

В Церкви соединены два плана бытия, жизнь земная и жизнь небесная – одна накладывается на другую. Входя в Церковь, это собрание святых, собрание людей, уверовавших во Христа, человек с самого момента святого крещения начинает жить жизнью вечной – той, которая продолжается после смерти его тела. Церковь – это Богочеловеческий организм, она принадлежит двум мирам, состоит из людей и напоена Духом Святым. Поэтому, когда мы становимся частью Церкви, частью Тела Христова, в нас по благодати, по благовому дару Духа Святаго, начинается вечная жизнь – в каждом в своей полноте.

Но как же узнать, являемся ли мы членами этого Божественного организма, живем ли мы в этом Теле, началась ли в нас Божественная жизнь, началось это блаженство бессмертия или же мы, хотя и в храм ходим, и вроде бы крещенные, но в нас продолжается смерть? Это видно по тому, как мы живем. Каждый из нас, рожденный от грешных родителей, является человеком грешным. В нас живет ветхий, греховный человек. Этому ветхому, то есть старому, греховному

человеку присущи всякие страсти, греховные помыслы, желания, стремления. Но с тех пор, как мы уверовали во Христа Спасителя, в нас начал жить и другой человек, новый. У него тоже есть стремления: стремление к небу, стремление к молитве, стремление к храму, доброе дело сделать, освободиться от греха.

И вот в нас борются два человека. Ветхий, который тянет нас в грязь, который тянет нас к смерти, потому что все ветхое должно умереть; это ветхое – греховно, оно влечет нас в бездну, влечет от Бога. А новое, наоборот, устремляется к Богу. И куда наша воля склоняется? Либо к попечению о теле (то тут у меня болит, там у меня закололо, покушать хочу, себе чего-то купить, достать, настоять на своем – все для своего тела, для своего покоя душевного, для своего благополучного бытия на земле) – или, наоборот, в нас стремление нести свой крест, стремление к благодати Божией, к подвигу христианскому, к самоотречению.

И если это стремление победит и наша воля будет направлена на добро, то тогда ветхий человек будет отмирать, а новый возрастать до тех пор, пока мы не преобразимся. Наша земная жизнь и дана нам для преобразования, чтобы мы из ветхих, завистливых, блудных, жадных, сварливых, любящих свое мясо превратились в ангелов небесных, которые пренебрегали бы собой ради пользы и блага ближнего, ради того, чтобы Богу послужить. Чтобы мы прославляли своей жизнью не себя, не искали бы своего, а искали бы Бога, богатели бы в Бога. Вот цель существования Церкви на земле и нашего приобщения к ней.

Кто-то скажет: ну вот я в церковь хожу, посты соблюдаю, Святых Христовых Таин причащаюсь, Евангелие уже несколько раз прочитал – значит, у меня есть это стремление к небесному, значит, я Бога познал. Нет, это еще не много значит, это есть только внешний признак, который не всегда совпадает с истиной. Вот, к примеру, лежит человек, на щеках у него румянец, мы думаем, он спит. Подходим – а он, оказывается, мертв. Поэтому внешний признак не всегда соответствует внутреннему содержанию. Как у фарисеев – внешняя жизнь очень праведная: двухдневный пост, постоянное хождение в храм, соблюдение всех предписаний закона, постоянная молитва, творение милостыни, знание скрупулезное, дотошное Священного Писания, знание истории своего народа, знание всех обрядов, всех законов: где стоять, как молиться, чего делать. А когда приходит к ним Сам Сын Божий, они говорят: в Тебе бес.

Перед ними светлая душа Христа, а в их душе чернота, которую они воспринимают как свет, поэтому свет Христов кажется им тьмой. Почему часто люди, отвергшиеся, ненавидящие Христа, называют христиан мракобесами? Именно в силу этого. Каждый человек про себя считает, что он хорош, чист, что он на правильном пути, а это есть глубочайшее заблуждение. Когда кто-то начинает о себе думать неплохо, когда считает, что он прав, что он что-то там понимает, что-то усвоил, где-то в чем-то продвинулся, – это свидетельство того, что он отступил от Бога, потому что истинное боговедение всегда показывает человеку всю глубину его падения. А когда человек не видит этого, когда он стремится кого-то учить, кому-то доказывать свое, уверен в своей правоте – это первый признак отступления от Бога.

То же самое случилось и с фарисеями: перед ними Сын Божий, Который пришел за них Кровь пролить, а они берут камни, чтобы в Него кидать. Какое безумие! А ведь люди верующие, люди постящиеся, знающие Священное Писание. Все формальные признаки соблюдены: вроде бы и в церковь ходят, и молятся – а на самом деле на Бога ненавидят, Бога хотят убить – и убивают в себе Его.

Почему Иоанн Богослов предлагает нашему вниманию этот диалог с иудеями? Потому что нам это очень полезно знать, то же самое и к нам относится. Да, мы ходим в храм, да, мы причащаемся, да, многие из нас каждый день Священное Писание читают и молятся. Хорошо ли это? Это прекрасно, без этого нельзя спастись, но этого недостаточно. Нужно то, что ты читаешь в слове Божиим, принимать и в своей жизни исправлять. Если этого не происходит, то, значит, мы являемся распинателями Христа, мы являемся лицемерами, фарисеями, и горе нам. Горе нам, если мы слово Божие не воспринимаем как тот путь, по которому нам нужно идти каждый день.

Если мы кого-нибудь не простили, если мы ищем своего, желаем, чтобы нас ублажали, стремимся удовлетворить собственное тщеславие, если мы ищем мирского, плотского, ищем ветхого в нашей жизни, то, значит, в нашем сердце произошло отторжение Христа. Потому что,

как апостол говорит Филиппийцам, послание к которым мы сегодня читали: "В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе". А если мы ищем своего, если мы ищем какой-то своей справедливости, своей правды, хотим пользы себе, хотим себя прославлять, себя ублажать, хотим создать себе какой-то комфорт душевный и телесный, то это нельзя сделать иным способом, только как отвергнувшись от Христа.

Что же нам, отчаиваться, если есть у нас в сердце зависть, блуд, нечистота, осуждение, клевета, обида, раздражение, недоверие, сварливость, гнев, сребролюбие? Нет, надо с этим бороться. Вот я пришел домой, а там кто-то начинает меня ругать. Справедливо или несправедливо, но он на меня кричит и раздражается. Я, как человек грешный, естественно, тоже закипаю, но поскольку я недавно в храме был и слышал, что гневаться – это смертный грех, я изо всех сил стараюсь от этого гнева удержаться, начинаю молиться Богу: Господи, прости меня, сохрани, удержи; если я не могу сердце свое удержать, то хотя бы удержи мой язык и глаза, чтобы они молнии не метали, и чтоб я не говорил ему в ответ, и чтоб не оправдывался, а принял то, что он ругается, чтобы его этим усмирить.

И если мы все силы своей души направим на то, чтобы удержаться, Господь, видя, что хотя мы подвластны греху, но тем не менее стараемся изо всех сил это победить, тут же пошлет нам благодать Божию, и она укрепит нас, и мы увидим, что гнева у нас нет. Но в силу того, что грех-то нам сладок: мы хотим насладиться мстью, настоять на своем, хотим другого поставить на место, заставить его думать так, как мы, мы обязательно ищем своего, – и начинается распря, которая все равно ни к чему хорошему не приведет, потому что на самом деле никому ничего доказать нельзя. Недаром есть такая поговорка: хоть кол на голове теши. Это воистину так. Пока человеческого сердца не коснется благодать Божия и по благодати он не усвоит истину, все бесполезно.

Вот фарисеи уж какими были умными, образованными, грамотными, благочестивыми – и все равно как об стену горох. А простые мужики-рыбаки, хотя и были невежды в законе, даже не знали, что в субботу нельзя колоски растирать и кушать, – они приняли Христа Спасителя, потому что сердцем они были ближе к Богу. Поэтому если мы хотим быть христианами, жить небесной жизнью, если мы желаем избавиться от вечной смерти, то нам нужен самый главный упор делать на внутреннюю жизнь, стараться изменить свое внутреннее естество, вступить на борьбу с грехом, стараться возненавидеть действующий в себе грех и всегда, когда мы видим его проявление, его немедленно истреблять обращением к Богу. И Господь, видя, что мы этого желаем, нам будет помогать. В противном случае бессмысленна наша так называемая псевдодуховная жизнь, потому что подлинная духовная жизнь связана именно с этим преобразованием, именно с этим внутренним соединением с Богом. Вот это и есть знание Бога, это есть видение Бога, потому что тот, кто видит Бога, тот творит волю Божию. А кто не видит Бога, тот Божию волю не творит.

Потому-то многие читают Священное Писание, но ничего не понимают. "Отче наш" каждый день читают, а не видят, что там есть такие слова: "Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим". Не видят, что надо всех за все прощать, а иначе тебе Господь не простит твои грехи. Чем мы можем оправдаться на Страшном суде перед Богом, чем можем заглаживать миллиарды грехов, которые совершаем? Да ничем, мы можем надеяться только на прощение. А прощение наше зависит только от качества нашей души. Сам умеешь прощать? сам умеешь терпеть? сам умеешь отречься от своего? желаешь душу свою погубить ради Евангелия? Если есть это в тебе, тогда достигнешь; если нет, то не достигнешь. Господь скажет: а помнишь, ты вот тому-то не простил? Все, Царствие Небесное для тебя закрыто, иди в муку вечную, потому что ты злодей, тебе Господь прощал миллиарды грехов, ты жил и всем пользовался на земле, ел, пил, хохотал, телевизор смотрел и еще всяческими радостями наслаждался – а сам не мог простить человеку даже малость.

Вот почему мы читаем и не понимаем. Нам мешает понимать грех. Это наш единственный враг. Поэтому для чего мы исповедуемся постоянно? какая цель? Не просто назвать грехи – надо увидеть весь ужас этого греха, в котором мы каемся. А некоторые даже имеют дерзость оправдывать себя на исповеди, вместо того чтобы каяться. Это совершенно полная бессмыслица: стоим на суде Божию, перед крестом и Евангелием и начинаем вместо покаяния сами себя оправдывать, как будто Спаситель нам не нужен. Вместо того чтобы сказать: да,

Господи, я вот это натворил, прости, прости, больше не буду, постараюсь, лучше мне умереть, – нет, начинает человек свою волю искать, оправдывать себя, какие-то обстоятельства придумывать, как будто Бог не знает всех обстоятельств, не знает всех наших оправданий.

Поэтому нам нужно стараться учиться покаянию, для того чтобы душу постоянно очищать. Вот увидел в себе грех, осознал: я вот в этом грешен. Ну и положи труд – год, два, двадцать лет, чтобы этот грех в себе изжить, истребить. Самому человеку это невозможно, но только постоянной молитвой, постоянным себя окаиванием, постоянным вопрошением помощи Божией. Вот знаю, такой-то грех есть на душе. Утром встал – первый помысл об этом: Господи, сохрани меня в этот день от этого греха, помоги мне, не дай мне забыться, дай мне внимание, чтоб не было у меня забвения, чтоб грех мой всегда передо мной стоял. Вот как в псалме сказано: "Грех мой предо мною есть выну" – всегда передо мной, чтобы я на секунду даже не отвлекся, потому что я могу согрешить. Но мы немощны, иногда отвлекаемся и опять согрешаем. Тогда опять покаяться: прости, Господи, вот снова мое окаянство. Осудить себя.

И Господь увидит, что мы трудимся над этим, а не так благодушно ко греху относимся: ну ладно, подумаешь, Бог простит. Мы часто считаем, что прощение Божие какое-то юридическое. Нет, это только у людей так бывает – подошел: прости – ну тот простил. Нет, прощение Божие в нашем сердце находится. Стал ты новым – значит, Бог тебя простил, остался грешником – значит, Бог тебя не простил. Прощение Божие – это когда Господь посылает в сердце Свою благодать, которая очищает тебя от греха. Бог простил – значит, Бог поселился в твоём сердце. Царствие Небесное, вечная жизнь – это пребывание Бога в сердце человека. А если этого нет, значит, ты грешный, и никакого Царствия Божия ты не знаешь и не ведаешь, а пока еще пребываешь на пути к нему. Если дойдешь – слава Богу, если не дойдешь – пеняй на себя, потому что Бог сделал все, чтобы нас спасти.

Вот видите, как все просто, но трудно для исполнения. И если бы не помогающий Бог, никто бы не спасся. Поэтому от нас требуется только постоянное желание, которое движется любовью к Богу. Если есть у нас любовь к Богу, то мы пренебрежем всем: и любовью к нам людей, и тщеславием, и поисками своего, потому что большей драгоценности, чем Бог в сердце, на земле нет ничего: царство, золото, власть, здоровье – все это ничто по сравнению с Богом. Лучше болеть, остаться нищим, жить под забором, дома не иметь, но быть с Богом, чем быть в царских палатах, богатым, сытым и Бога не иметь, потому что царство, власть, здоровье – все это временное, а обладание Богом вечно.

Поэтому Господь и говорит: кто слова Мои соблюдает, исполняет Мои заповеди, тот смерти не увидит вовек. Это значит, он всегда будет с Богом общаться. И общение наше с Богом начинается в Церкви. Церковь – это есть начало вечной жизни. Поэтому если мы станем членами Церкви, живя здесь, на земле, то станем и членами Небесного Царствия, которое пребывает во век. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
3 июня 1986 года*

Память святых отцов Первого Вселенского Собора

Сегодня память отцов Первого Вселенского Собора и в евангельском чтении повествуется о молитве, которую вознес Господь наш Иисус Христос Отцу Небесному. Так как мы по призванию являемся учениками Христа, нам очень важно вникнуть в то, о чем молился Господь перед Своей крестной смертью и перед восшествием на небо, когда Он завершал Свое дело на земле. А молился Он о тех, которых Ему дал Отец, то есть о Своих учениках: Я не о всем мире молюсь, а молюсь только о них, которых Ты Мне дал, потому что они познали вечную жизнь. Дальше Господь говорит: "Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа".

Жизнь вечная – это знание Бога, и апостолы познали Бога через Иисуса Христа. Они исповедовали Его Сыном Божиим и тем самым объявили, что видят во Христе проявление жизни Отца Небесного. Почему Господь молился не о всем мире? Он же пришел весь мир спасти, каждого человека, где бы он ни жил. Недаром Господь сказал, что последний день этому миру придет только тогда, когда Евангелие будет проповедано по всей земле, чтобы

каждый народ, маленький или большой, с богатой историей или с бедной, примитивный или цивилизованный, слышал слово Божие; чтобы не осталось такого уголка на земле, куда бы ни проникло слово Евангелия.

Мы сейчас как раз в это время и живем, когда практически нет такого языка на земле, на который бы не было переведено Священное Писание. Везде слышен глагол Христов, но не все отзываются на него. Чтобы лучше понять, почему это происходит, можно привести такой образ: лежит на земле арфа с расстроенными струнами, и если рядом играть на настроенной арфе, то ослабленные струны первой арфы никак не звенят. Но если настроить каждую ее струну в унисон с настроенной струной и снова заиграть, то настроенные струны начнут отзываться и вибрировать, они начнут звучать, хотя мы их пальцем не треем. В физике такое явление называется резонансом. Нечто подобное происходит и в духовной жизни.

Почему мы считаем дерево красивым? Почему цвет неба и россыпь звезд на небе считаем красивыми? Почему море красиво? Нас создал один и тот же Творец, поэтому между нами и морем, деревом, звездами существует гармония, на которую наша душа отзывается. Но помимо этой внешней существует еще гармония внутренняя, духовная, и Господь к этой гармонии нашей души также взывает. Человек существо разумное – этим он отличается от животного, которое не имеет разума, не имеет слова. Человек существо словесное, и его разумная, совершенная, бессмертная душа несет отпечаток Божественного разума. Поэтому Господь Отец Небесный обращается к нам через Божественное Слово, посылает вторую Ипостась Пресвятой Троицы, Сына Божия, Который возвещает истину.

Если струны души не ослабли, если душа окончательно не расслаблена грехом, то она начинает отзываться на эти слова истины, которую человек слышит в Евангелии. Сначала, может быть, не на все слова; некоторые звуки этой божественной музыки человеку кажутся непонятными. А всякая пошлятина, которая из приемника льется или телевизора, часто ему более понятна, потому что душа в грязи земной – и тут пошлая грязь, а вот когда говорят: люби врага своего – ему кажется это чуждым, незнакомым, неприятным даже. То есть для какой музыки в данный момент настроены струны души человека, на ту она и отзывается.

Раз мы все попали в храм, значит, каким-то образом наша душа в своем развитии пришла к тому, что для нее забрезжил свет веры Христовой, значит, какие-то ее струны зазвенели в ответ на слово Божие. Но нам нужно всю свою душу привести в такое состояние, чтобы музыка, которая звучит на небесах, звучала и в нас, причем обязательно в унисон. Вот тогда и будет у нас единая с Богом жизнь, когда каждое слово Божие будет отзываться в нашей душе. Именно каждое, а не какое-то выборочное, потому что часто мы принимаем слово Божие в свою меру: это я принимаю, это не принимаю, мимо этого я прохожу, даже не замечая, а против этого протестую.

В силу своей греховности, в силу поврежденности той духовной арфы, которая существует в нашей душе, мы не можем воспринять все слово Евангелия в полноте. Но если мы хотим достичь вечной жизни, если мы хотим преодолеть зло, преодолеть грех, который живет в нас, и навеки соединиться с Отцом Небесным через Христа, а следовательно, и через Церковь, которая есть Тело Христово, то мы можем это сделать только одним образом: надо душу свою настраивать, нужно струны ее подтягивать до такого тона, чтобы они звучали небесным звуком.

Это работа очень трудная, очень внимательная, кропотливая: надо все в себе перестроить, переквасить, изменить, совершенно по-другому относиться к своей душе, к своим жестам, к поведению, к словам, к улыбкам, к одежде, к друзьям, к книгам – ко всему. То есть всю жизнь перестроить на небесный лад, потому что иначе мы Бога не познаем, иначе у нас будет только знание о Боге: да, вот был Сын Божий, вот Он приходил на землю, вот Он нечто говорил. Мы даже некоторые слова можем запомнить наизусть, но они не станут нашей жизнью, потому что мы будем жить по-прежнему мирским представлением: вот такая-то часть человечества считает нечто хорошим, и мы будем так же считать независимо от того, считает ли это хорошим Христос. А надо именно все представления человеческие отбросить и заменить их совершенно новыми представлениями. Так же, как «до» очень сильно отличается от «соль», так и здесь. Струны нужно дотянуть до такого состояния, чтобы все мирское ушло, и тогда начнется жизнь духовная.

Именно для этого нам наша земная жизнь и дана, а мы, к сожалению, наоборот, стараемся

жить по-земному, стараемся играть на своей душе вот эти мирские, греховные песни. Поэтому мы вроде и в храм ходим, а все-таки нас тянет ко греху. Потому что наша душа развращена миром, в котором мы живем. У нас окружающей жизнью привит вкус ко греху, нам хочется греховного. Вместо того чтобы с ужасом отстраняться от этого, наша душа склоняется ко греху, потому что мы ничего другого не знаем. Мы не знаем Бога, мы не слышим заповедей Его, мы не чувствуем их небесную красоту.

Человек может озвереть настолько, что ему все равно: он и реку изгадит; нужно ему какую-то канаву прорыть – он все перевернет, сад вырубит – ему ничего не жалко. Кто-то мешает – готов убить, подсадить; ребенок не нужен – сдать его в ясли, зачем он нужен, в субботу и в воскресенье помучаешься с ним – и хватит; а то и вообще в утробе его зарезать, чтобы не пищал. Недавно мне случай рассказали: папаша двух детей из окна выбросил – слава Богу, живы остались. Вот мирской человек как поступает, когда его душа захватывается грехом.

Поэтому нам нужно свою жизнь перестраивать. Как настраивают арфу? По камертону настраивают "ля", а от «ля» уже все остальные струны. Наш камертон – это Священное Писание. Беру какую-нибудь заповедь: "Блаженны нищие духом" – не слышу, не понимаю, что это такое, не чувствую, мое сердце не отзывается; ладно, тогда возьму другую "ноту": "Блаженны милостивые". Что такое милость, понимаешь? Ну вот и настраивайся на нее, старайся быть милосердным. Настроишь эту струну, а от нее уже можно настроить и другую – поймешь, что такое "Блаженны нищие духом", что такое "Блаженны изгнанные за правду" и "Блаженны вы, когда будут поносить вас".

Все стремятся, чтобы их любили, уважали, на доску почета вешали, а тут: блаженны, когда вас поносят – ничего себе! Как это можно понять? Не понимаешь? ладно, делай то, что понимаешь. И когда эта струна твоя натянется, тогда от нее можно отстроить и другие. И вот так всю жизнь, потому что этих струн – заповедей Божиих – очень много, но все они говорят об одном: о любви, о гармонии, о красоте. Некоторые удивляются: нет в моем сердце любви ни к Богу, ни к ближнему, даже к жене своей. Так какое-то чувство есть, а вот подлинной любви, жертвенности нет, чтобы желать действительно отречься от себя и послужить другому, потому что любовь – это совокупность всех совершенств.

Когда все струны настроены, тогда по ним провел – и звучит божественная музыка. Но когда одна струна так, другая этак, третья вообще висит, четвертая оторвалась – какая тут будет музыка? о какой любви речь вести? А Царство Небесное – это Царство любви, Царство совершенства, правды и красоты. Поэтому только тот человек, который жизнь потратил, чтобы настроить этот божественный инструмент – душу свою бессмертную, вложенную в нас Богом, – только тот человек и входит в Царство Небесное. Он вступает в божественный оркестр, звучащий на небесах; он становится участником Божественной жизни, начинает видеть Творца, дирижера этой музыки, которая звучит к нам с небес и которую мы не чувствуем, не слышим по грехам нашим.

В нас звучит гром, шум, гам, какофония какая-то. Мы сами и люди вокруг нас играют на тех инструментах, которыми является их собственная душа, – а это консервные банки и ржавые тазы, поэтому ни одного благородного звука оттуда не доносится. И чтобы для Царства Небесного душу свою подготовить, нужно довести ее до Божественного совершенства. Господь нас призывает: "Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный" – вот какого совершенства мы должны в Церкви достичь, вот для чего нас крестили. Для этого мы собираемся каждое воскресенье на молитву, для этого мы причащаемся Святых Христовых Таин, для этого мы каемся в грехах на исповеди.

Что такое исповедь? Вот в Евангелии написано то-то и то-то, а я позавчера сделал то-то и то-то – несоответствие: здесь "ля", а там "до". Значит, надо это «до» дотянуть до "ля", тогда будет соответствие. Всю свою жизнь надо настроить так, чтобы она звучала в унисон с заповедью Божией: какая заповедь Божия – таков и мой поступок, какое требование Христово ко мне – такая и моя мысль, такое и мое слово. А у нас постоянный разнобой: Бог требует от нас одного, а мы живем совершенно по-другому и потом удивляемся: у меня здесь болит, у меня там стонет, это у меня рухнуло, жизнь пришла в упадок, я ничего не понимаю, у меня с молитвой ничего не получается и так далее. Но это только естественно, потому что мы живем

по закону греха. Нашей жизнью руководит не Господь, а совершенно другой дирижер, имя его – сатана. Мы его больше слушаемся, чем Христа Спасителя.

Представим себе на сцене два оркестра и два дирижера. Можно ли одновременно играть и в этом оркестре, и в том? Нет, невозможно, обязательно будешь играть какофонию. Поэтому, чтобы свою душу усовершенствовать, нужно от мира отделиться совсем, чтобы ничто мирское нами не владело. Это не значит куда-то в пустыню уйти. Нет, надо войти в клеть своего сердца, надо, чтобы там, в сердце, была тишина, мир, покой, невозмутимость – невозмутимость не такая, как у человека равнодушного, а духовная. Надо преодолеть в себе страсти, потому что те волны, которые раскачивают ладью нашей жизни, исходят из сердца. Все, что нас волнует: зависть, например, или еще какие-то грехи, – это же из нашего сердца идет. Все наши волнения в жизни отчего происходят? От гордости, от осуждения, от всяких грехов, которыми полно наше сердце. И если мы будем над сердцем трудиться, то нам в этом поможет Сам Господь, потому что мы станем Его учениками.

Чтобы изучить музыку, нужно обязательно ее слушать, иначе невозможно. Чтобы познать, что такое Царство Небесное, чтобы узнать Бога, нужно обязательно заповеди Божии исполнять. Вот некоторые говорят: а я Бога не вижу, не чувствую. Почему? Потому что живут в грехе. Начни исполнять какую-то одну заповедь – и приблизишься к Богу. А если две? А если три? А если сто заповедей начнешь исполнять? И так все ближе и ближе к Богу. Человек же, наоборот, слушает только сатану: сатана ему внушает какие-то желания, соблазны, и он так и поступает и попадает в беду, в еще большую бездну грехов.

Поэтому если мы хотим быть учениками Христовыми, хотим, чтобы наше хождение в церковь было не бесполезным делом, как часто это случается, а чтобы каждый приход в храм был шагом вперед навстречу к Богу, тогда наша жизнь будет не напрасна. Каждый прожитый день должен быть шагом к Богу. Надо его так прожить, чтобы в тех заповедях, которые мы осознали, обязательно устоять. Именно устоять в заповеди, не пасть. А у нас постоянные падения: нас раздражают – мы раздражаемся, нас обижают – мы обижаемся, нас ругают – и мы в ответ тоже ругаемся, у нас что-то пропало – мы жалуемся. И так во всем: мы и ленимся, и гордимся, и тщеславимся, и завидуем, и клеветаем, и болтаем, и объедаемся, и просто жизнь проводим впустую, праздно, без толку; наша душа погибает для Царствия Небесного. Поэтому надо нам всю жизнь пересмотреть.

Вот об этом-то Господь и молился: "Не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне". Потому что мы же не сами уверовали, не своими силами, нам просто веру дали как дар. Кому-то не дали, потому что он еще пока не готов, а тебе дали, так надо развивать, выращивать этот драгоценный росток, для того чтобы он пророс в Царство Небесное. Чтобы выросло дерево и принесло плоды христианских добродетелей и птицы небесные укрывались в нем. А у нас этого, к сожалению, пока не происходит. Но время еще есть, и, если мы потрудимся, обязательно наш труд принесет плоды – вот эти драгоценные плоды, которые мы будем вкушать в Царствии Небесном. Как Господь говорит в Своей молитве: "чтобы радость была совершенна".

Совершенную радость человек получает только тогда, когда он обладает Богом, когда он соединяется с Богом навеки. Даже когда мы приобщаемся к творению Божию – вот берем яблоко и съедаем, и во рту приятно, – мы даже от яблока радость получаем, потому что это плод Божий, творение Божие. Или глядим на небо, на звезды, на птицу – и это радость доставляет: какая красота! На котенка смотришь – и то как приятно его Господь создал, до чего красиво, до чего же благородно, как он интересен, этот котенок.

Но это все творение, а сколь паче радость доставит нам созерцание Самого Творца! Насколько Он прекрасен, насколько Он совершен, насколько Он всеблажен – и это нам дается даром. Этот дар дан нам в крещении, только нужно еще уметь его взять, надо для этого потрудиться. И от того, насколько мы его вырастим, зависит то, внидем ли мы в Царство Божие, познаем ли Бога через Сына Божия или останемся вне.

Все зависит от нас. Поэтому по милости Божией будем стараться время зря не проводить, а пребывать в постоянном духовном труде, чтобы ни день, ни час, ни месяц у нас зря не пропадали. Аминь.

Крестовоздвиженский храм,

15 июня 1986 года

Всенощное бдение под Смоленскую икону Божией Матери

Сегодняшнее воскресенье совпало с празднованием Смоленской иконы Божией Матери. Этой иконой благословили в дорогу дочь византийского императора, выданную замуж за киевского князя, поэтому ее еще называют «Одигитрия» (по-гречески "Путеводительница"). И вот она стала нашей Путеводительницей ко спасению.

Матери Божией отведена таинственная роль в деле нашего спасения. Еще в Кане Галилейской, когда не хватило вина, Она, обратившись ко Иисусу, сказала: "Вина не имеют". И Господь, хотя скорбел о том, что Ему сейчас придется совершить первое чудо – а это будет первый шаг на Голгофу, – все-таки претворил воду в вино для того, чтобы людей порадовать. Хотя подумаешь, вина не хватило, ничего страшного, можно еще докупить, а можно и просто чайку попить. Но Господь это сотворил, и с тех пор известно, что молитвы Матери Божией имеют такую чудодейственную, помогающую силу. Церковь из духовного опыта знает об этом.

Собственно, весь духовный опыт основан на молитве. Отними молитву – и не будет никакой духовной жизни, потому что мы люди грешные и Бога не видим непосредственно, так, как видел Его Адам. Мы Бога не слышим, потому что наши чувства огрубели. Мы можем с Ним общаться только через веру и через молитву. Но многие, ходя в храм по сорок, по пятьдесят лет кряду, даже и не знают, что такое молитва. Поэтому очень часто можно слышать, как человек просит дать ему списать какую-то сильную молитву. Некоторые даже носят на себе, в кармане или на поясе, написанную молитву – думают, что сами слова их от чего-то там оградят и сохранят. Это говорит о том, что человек не понимает сути молитвы, не понимает, что сила ее зависит не от слов.

Молитва есть живое обращение живого человека к живому Богу, для нее необходима вера. Человек неверующий молиться не может, он может только прочесть текст. Необходимое условие молитвы – поставление себя перед Богом или тем святым, к которому обращаешься. Но сделать это может только тот, кто несомненно верует в присутствие Бога в мире. И для этого не нужно каких-то внешних условий: едучи в поезде или скача на лошади, сидя дома, моя посуду, занимаясь с детьми, делая работу в саду, человек всегда мысленно в одну секунду может поставить себя перед Богом, то есть вспомнить о Нем. Вспомнить, что где бы он ни был, что бы ни делал, о чем бы ни думал, Господь знает, где он, знает, кто он такой и что он в этот момент думает, и хочет его спасти. Когда человеку такая мысль придет на ум, он ощущает трепет души. И поставив себя перед Богом, человек может к Нему обратиться. Зная, что Бог вездесущий, зная, что Бог всемогущ, зная, что Богу даже прежде, чем мы что-то произнесем или подумаем, уже известно, что мы произнесем или подумаем, – мы можем к Нему обратиться на любом языке: греческом, латинском, английском, японском, китайском, любом из десятков африканских языков. И каждый, кто прибегает к Богу, всегда из своего опыта знает, что Бог его слышит.

В силу нашей греховности мы к Богу обращаемся прежде всего с просьбой, с мольбой, поэтому это обращение и получило название молитвы. У человека на душе смута, ему тяжело, страшно, и он взывает к Богу. Проходит полдня – и он видит, что этот ужас исчез, его уже нет в душе. Это результат молитвы – человек просил помочь, и Господь по милости Своей очень незаметно, очень потихоньку помог, исцелил человека по его просьбе. Обычно люди обращаются к Богу в какой-то беде (часто именно с этого начинается религиозная жизнь). Человек помолился – все уладилось, слава Богу, и он опять забыл о Боге до следующей беды. Но этот опыт в его памяти остался, поэтому в случае беды он обычно знает, куда прибегать, и всегда оказывается в храме. И даже если у него слов нет никаких, то он может свечу поставить – это тоже выражение его молитвы; или просто на колени бухнуться – повергнуться в прах перед Богом, изобразить молитву своим телом; или осенить себя крестным знаменем. Вот кто-то даже очень далекий от Бога пришел в храм и вдруг начинает креститься. Он сам не осознает, что за действие он производит, но у него есть желание – этим он выражает свое согласие с Богом, выражает свое почтение Ему, выражает свою приверженность Богу, пока еще только жестом.

И так он раз к Богу обратится – Господь помогает; второй, третий, сотый раз, двухсотый, тысячный – Господь все помогает и помогает. Тогда ему становится стыдно: что же это, Бог мне все дает по первой просьбе, а я что? И совесть его начинает как-то шевелиться, он начинает чувствовать, что что-то в его жизни не так. Этот момент нравственного переворота есть начало покаяния: человек осознает, что Бог добр, Бог милостив, Бог готов его простить, принять, но он-то этого не достоин, он живет грязно, противно и мерзко. И ему делается стыдно, что Бог его спасает, вытягивает из всяких ям помойных, а он продолжает купаться в этом болоте.

Это начало возрождения – человек вступает на путь покаяния, путь исправления; начинается труд освобождения его души от греха. И тут-то возникают трудности в молитве. Многие удивляются: как же так? когда я был еще почти неверующий и в церковь не ходил, Господь мне сразу помогал, а теперь, когда я в церковь хожу и прошу, Господь часто меня вроде и не слышит, и у меня какая-то сухость на молитве и рассеянность, и я ничего не чувствую. Дело в том, что раньше человек молился во всяких отчаянных ситуациях – отчаянная ситуация понимала его до мозга костей и он из глубин своего существа взывал к Богу. Молитва его всегда была искренна и шла от сердца. А Господь не может не услышать такую молитву и не может человека не пожалеть, потому что сказано: "Всякий, кто призовет имя Господне, спасется". А теперь тот порох, на котором он работал, исчезает и начинается труд – молитвенный христианский подвиг, в котором помогает Матерь Божия Одигитрия, Путеводительница нашего спасения.

К сожалению, молимся мы рассеянны. Когда мы открываем молитвослов и начинаем читать молитвы, то, завершив чтение, понимаем, что из сотен слов, которые произнесли мысленно или вслух, от силы два или полтора десятка дошли до нашего ума. Это, конечно, не молитва. Любая без исключения молитва всегда исполняется, а если она не исполняется, следовательно, это не молитва. Если мы просим у Бога, и Господь нам не дает, значит, мы, собственно, и не молились, это была только попытка молитвы.

Кто-то спросит: как же так? ведь Господь вездесущий, Он же видит, что мы читаем. Да, Господь видит, что мы читаем, но Он не видит, что мы молимся, потому что каждое слово молитвы должно пройти через наше сердце, каждое слово должно быть нашим словом, оно должно идти из глубины души и сочетаться с нашим желанием. Когда мы просим чего-то у Бога, то должны не на словах этого просить, а воистину этого желать. Если же человек в течение тридцати или сорока лет молится: дай мне смирения, кротости, послушания, терпения, благоразумия, – а наутро Господь посылает какую-то ситуацию, где его смирение и должно проявиться, но человек вместо смирения проявляет, наоборот, гордость – значит, то, что он говорит вечером на молитве, есть самообман, лицемерие, пустое сотрясение воздуха. Потому что каждая молитва должна быть совершенно искренна, искренна в полноте.

Любой грешник, как бы глубоко он ни пал, в какие дебри греха ни залез, в любой момент, если захочет, может начать молиться Богу, начать трудиться над своей душой и встать на этот путь, по которому Богородица его проведет ко спасению. Спасению от греха, спасению от мук совести, если она еще осталась, потому что некоторые люди свою совесть сжигают так, как можно выжечь глаз. Если у человека катаракта или близорукость, это можно исправить очками или хирургической операцией. Но если взять и выжечь глаз каленым железом, то с ним уже ничего не сделаешь. Вот так и совесть: ее можно загнать в угол, ею можно не пользоваться, она может спать – но в таком случае она еще способна пробудиться. А если человек сжег совесть совсем, то он становится живым воплощением демонских сил, он творит зло и во зле ищет оправдание и цель своей жизни. Это говорит о том, что безнаказанно грешить нельзя, каждое греховное слово, каждая греховная мысль, я уже не говорю о деле, сквернит и поганит нашу бессмертную душу. Поэтому так долог и труден путь восхождения, когда мы все-таки к Богу обратимся и нам станет совестно тех дел, которые мы совершаем тайно от всех.

О наших греховных делах и мыслях не знает никто, даже самые близкие люди, мы и сами часто не отдаем себе отчет в той грязи, которая копошится в нашем сердце и в нашей душе. Но Бог-то это видит, и как же Ему должно быть тошно на нас смотреть за все наши мерзкие делишки. И вот когда мы воистину поставим себя перед Богом, мы все эти делишки увидим, потому что перед глазами Божиими ничто не сокрыто. И если мы ужаснемся нашей жизни, то с этого момента может начаться наше обновление, потому что как бы человек ни пал глубоко, он

всегда может выйти на светлую дорогу. И многие святые в начале своего жизненного пути были величайшими грешниками, но потом, очистившись, вззошли на небесную высоту.

Господь только того и хочет, чтобы нас очистить. Поэтому Он разными путями приводит нас в храм, разными путями соединяет с Церковью, но здесь нас тоже ждут всякие искушения. Сатана так устраивает, чтобы мы спасения не получили, чтобы нас кто-то от Церкви отторгнул, кто-то неправильно что-нибудь сказал, кто-то на какой-то грех толкнул, то есть постоянно идет борьба за нашу душу, до самой смерти. И наше спасение от всех врагов – молитва. Каждый христианин, если он пожелает, всегда может удержаться от любого греха. Как бы ни был велик соблазн, как бы ни было велико желание греха, достаточно крещеному человеку, даже если он в церкви не был уже десять лет, поставить себя перед Богом и сказать: "Господи, вот Ты видишь, мой ум, мое сердце, все мое существо тянется ко греху, но я верую в Тебя, я знаю, что Тебе этот грех приносит боль, он Тебе мерзок, и я не соглашаюсь с этим грехом. Если есть на то Твоя святая воля, помоги мне избавиться от него". И он увидит, как все демонское ополчение исчезнет, и по милости Божией оградит себя от греха.

Мы должны знать, что человек грешит не потому, что его мама добру не научила, или он без отца рос, или в дурную компанию попал, или соблазн очень велик, или еще по какой-то причине – нет, это всего лишь среда, в которой грех растет. Естественно, у благочестивых родителей домашняя среда более благоприятна для воспитания хорошего дитя, чем у родителей, живущих, допустим, блудно или в пьянстве. Но произволение на грех всегда совершается в сердце человека самостоятельно, и никогда не бывает, чтобы кто-то сделал грех и не знал, что это грешно. И поэтому когда даже маленький человек пяти-шести лет, подражая взрослым, хочет закурить, причем его никогда еще за это не ругали и папа и мама у него курят, – он всегда первый раз закуривает тайком. Потому что он через совесть свою знает, что это нехорошо – Господь, как сказано в Священном Писании, каждому желает спастись и прийти в познание истины.

Однако часто не только ребенок, но и взрослый не может осознать всю бездну греха. Например, многие женщины не сознают, что аборт есть тягчайшее преступление перед Богом, перед собственной семьей, мужем, ребенком – да перед всей вселенной, – но каждая понимает, что это грех. Только человек, полностью потерявший человеческое лицо, может спокойно младенцев убивать. И такие случаи бывали, человек может дойти и до такого состояния. Но чтобы не чувствовать, что это грешно – так же, как и блудить, и пьяным под забором валяться, – человек не может. Почему муж, напившись пьяным, не хочет идти домой, даже если жена не будет его ругать? Он чувствует, что поступил нехорошо, он образ Божий втоптал в грязь, превратился если не полностью в свинью, то хотя бы наполовину.

И так с любым грехом. Мы всегда знаем, хорошо ли мы подумали или плохо; хорошо ли мы сделали или плохо – всегда это чувствуем через совесть. Но у совести есть одно свойство: она мучит, а мы не любим, чтобы у нас душа страдала, так же, как не любим, чтобы страдало тело; мы хотим жить не страдая. Поэтому каждый человек, где бы он ни жил, какого бы цвета кожа у него ни была, не любит, когда его мучит совесть. И все люди пытаются от мук совести избавиться. Христиане делают так: они борются с грехом и побеждают его в себе, чтобы не испытывать мук совести. Не будет человек грешить – тогда совесть его будет чиста и он сможет спокойно в глаза глядеть своим детям, своей жене, друзьям, своим сотрудникам по работе и вообще всем. Я ни у кого не украл, никого не обидел, не осудил, никогда ничего о другом плохого не сказал и даже не подумал, совесть моя ясна.

Но этот путь очень тяжелый. Попробуй себя пересиль, попробуй не чеши там, где чешется, или не поболтай, когда хочется, или не купи себе то, что у нее уже есть и что тебе из всех сил хочется, даже еще получше и подороже, чтобы она ахнула. Это же надо нравственное усилие делать, поэтому большинство идет по другому пути. Человек избавляется от мук совести тем, что уговаривает себя, начинает совесть свою баюкать: ну подумаешь, аборт, все делают, ну чего нищету разводить, лучше уж пусть не родится, чем потом будет болеть. Этот второй путь есть путь сожжения своей совести, постепенно, час от часа, грех от греха. Ни один ребенок не рождается убийцей – значит, пока убийцей стал, сколько грехов нужно нанизать. И рассмотрев биографию любого преступника, мы видим, что всегда начиналось с малого: сначала он научился материться, потом начал покуривать, потом, уже подростком, попивать,

потом всякие мерзости блудные делать, потом, когда душа уже развратилась, постепенно, постепенно дошел и до более страшных грехов, потом еще до более страшных. Очень многому нужно научиться, прежде чем поднять руку на человека, чтобы его убить.

И постепенно грех совершенно душит совесть, так что человек может даже знать наизусть Священное Писание, знать много молитв, но совесть сжечь в себе настолько, что уже не будет чувствовать греха. Он может даже и веру потерять – на вид-то будет верующий, изображать из себя что-то, но в душе веры никакой не останется. Вера – это стояние человека перед живым Богом. А как же ты можешь грешить и перед Богом стоять? Этого не выдержит никто. Поэтому-то люди, которые любят грех, живут грехом, наслаждаются им, и придумали для себя отговорку, что никакого Бога нет. Ведь раз Бога нет, тогда все можно. Дал по голове, закопал в листики и ушел. Никто же не видит, и никто не знает. Взял сумочку, там две с половиной сотни – ну и хорошо, погуляли. То есть человек, когда нет у него Бога, действительно способен на все. Он может и храм разрушить, в котором молились люди на протяжении сотен лет. Он может родину свою продать. Он может жене изменить, может бросить жену с семьей детьми.

Для чего люди придумали, что нет загробной жизни? На протяжении тысяч лет все твердо знали, что она есть. Нет, говорят, оттуда никто не возвращался. На самом деле возвращаются, десятки, сотни тысяч людей, – об этом просто надо в книжке прочитать. Но нет, все отрицают. Для чего отрицают? Для чего говорят: я в душе верую, а в церковь ходить не буду? Или что поститься необязательно? Почему человек постоянно себя уговаривает? Чтоб ему свободно грешить, чтоб ему убаюкивать свою совесть, потому что совесть жжет, как огонь.

И вот перед нами два пути. Есть трудный путь: избавления от греха, отрыва греха с мясом, с кровью сердца; пусть вся душа стремится ко греху, но не делать его – и тогда будет ясная совесть. Это предлагает нам Христос, Он для того и на землю пришел, чтобы нас спасти от греха. Поэтому мы Его так и называем: Спаситель. И каждому из нас, кто обратится ко Христу с молитвой: "Господи, избави меня от греха" – и действительно захочет избавиться не на словах (потому что многие только лицемерно: "Господи, помилуй", а сами палец о палец не ударяют), – Господь поможет. И до нас жили сотни тысяч святых людей, которые этим путем прошли, и сейчас среди нас живут.

Престольный праздник в храме Димитрия Солунского

И второй путь: жить как все, купаться в грехе, наслаждаться им. Но эта жизнь, к сожалению, временная. Как бы и каким грехом ты ни наслаждался, скоро твоё здоровье придет в упадок, ты умрешь, тебя закопают, черви съедят твоё тело, а душа твоя пойдет в ад, в муку вечную, потому что только тот, кто, живя здесь, на земле, увидел Бога, будет видеть его и там. Кто научился общаться с Богом здесь, тот будет продолжать общаться и там.

В чем же состоит мука вечная? В том, что человек, живший грехом, там, за гробом, грехом насладиться уже не может, потому что, во-первых, его душа с телом разлучена, а

во-вторых, там нет никаких греховных радостей: ни блуда, ни пьянства, ни сладострастия, ни осуждения – ничего, чем можно насытить свою душу. Каждый грешник душу насыщает грехом. Вот блудник наблудится и на время спокоен. А после смерти блуд будет продолжать раздражать его на части, на клочки, но как поблудить-то? Тела даже нет. Или привыкший вкусно и много есть. Каждый день он только и думает, что он купит, да что приготовит, да как на тарелочки разложит, как угостит. И вот такой человек умирает. Открывает глаза – а он уже в другом мире. А там нет ни рынка, ни распределителя, нет ни знакомых, ни колбаски какой-то особенной, вкусенькой – ничего там такого нет. Чем ему жить? И вот начинается страдание от неудовлетворенной похоти. И это страдание вечно, потому что там не будет никогда никакой замены греху. В этом-то и состоит мука вечная. И совершенно очевидно, что это не Бог человека наказывает, а человек наказывает себя сам. Он сам себя растлил, сам и пожинает: то, что сеял в свою душу, то и жнет.

Поэтому если мы веруем в Бога, то должны воспитывать в себе страх Божий. Мы должны чаще ставить себя перед Богом. И это стояние, собственно, и есть молитва. А когда нет стояния перед Богом, то это не молитва, а просто бормотание или вычитывание. В силу нашей греховности мы не можем долго стоять перед Богом, но пусть это будет в нашей жизни хотя бы иногда, краткий миг. Потом этот миг будет увеличиваться – до тех пор, пока мы не достигнем непрестанной молитвы. Непрестанная молитва – это вовсе не значит непрестанно что-то про себя говорить. Непрестанная молитва есть память о Боге, память о том, что каждую секунду Господь на тебя смотрит, читает каждую твою мысль, смотрит за каждым твоим поступком и слышит каждое твое слово.

Когда человек живет в таком состоянии, он не может согрешить, ему страшно, ему стыдно оскорбить Того, Кто за него пролил Свою Кровь. Он держит совесть свою натянутой, как струна, и отгоняет от себя всякие искушения. Потому что дьявол постоянно человека осаждает мыслями: то одна мысль пришла, то другая. И можно их смаковать, рассматривать, упиваться ими, а можно с гневом отвергать: "Господи, помоги мне; Господи, спаси меня; Господи, отгони от меня эту пакость" – и быть в постоянной борьбе. Вот с этой-то борьбы и начинается непрестанная молитва и духовная жизнь.

У одного монаха спросили: "Отче, кто тебя научил непрестанной молитве?" Он говорит: "Бесы". Постоянное искушение и постоянное отражение. Постоянно дьявол хочет соблазнить человека на грех, и человек постоянно обращается к Богу: "Господи, спаси меня от греха, я не хочу его, мой ум возмущается; хотя мое сердце склонно ко греху, я хочу им усладиться, но вера моя и мой ум отвергают это. Господи, помоги". И так непрестанно день, месяц, год, десять лет, двадцать и всю жизнь – до тех пор, пока душа не исполнится Духом Святым; и тогда дьявол не сможет приступить к человеку.

А то многие удивляются, что у них рассеянная молитва или помыслы их осаждают. Преподобный Антоний Великий, основатель монашества, прежде чем очистить свою голову от помыслов, двадцать лет в пещере провел, никого не видел и непрестанно Богу молился. Это Антоний Великий! Сколько же нам нужно потрудиться, чтобы достичь ну хоть какой-то чистоты? Поэтому этот труд мы должны начинать, пока у нас еще есть на это силы, чем раньше, тем лучше, пока есть у нас какая-то энергия телесная и душевная, пока у нас есть желание. К несчастью, многие люди приходят к Богу в таком состоянии, что помочь им уже трудно. Вот как к врачу, бывает, человек приходит – эх, говорит, на полтора бы годика раньше, можно было бы спасти, а теперь все, теперь только поддерживать можно, продлевать жизнь, но не вылечить. Так и в духовной жизни. Можно настолько растлить себя, что и спасти уже нельзя, потому что каждый грех разлагает наш ум, разлагает сердце, разлагает совесть, разлагает все наше существо. Поэтому надо нам спешить, не откладывать на завтра, а начинать прямо сейчас этот духовный труд для того, чтобы нам успеть и не быть окраденными. Недаром Господь говорит: "Там будет плач и скрежет зубов". Там – как мы выражаемся, на том свете – люди будут действительно плакать и скрежетать зубами в бессильной злобе, потому что не смогут насытиться грехом.

И чтобы нам не согрешать, нам нужно познать Бога, познать молитву, познать предстояние перед Богом. Тогда мы будем всегда с Богом – и здесь, и там. И нам будет неважно, где мы, в Африке или в тундре, выгнали нас с работы или повысили в должности,

болит у нас нога или нет. Для нас будет только важно, перед Богом ли мы и чисты ли мы перед Ним. Вот это будет нашей основной заботой. Вот это есть цель и смысл христианской жизни: непрестанное общение с Богом. А его можно достигнуть только в чистоте, потому что блаженны только "чистые сердцем, ибо они Бога узрят".

Поэтому по молитвам Пресвятой Богородицы будем стараться свое сердце от всякого греха очищать – не только жизнь свою от поступков греховных, не только язык свой от слов греховных, но и саму душу свою, сердце, мысли свои от греха. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
9 августа 1986 года, вечер*

Неделя 7-я по Пятидесятнице

"Когда Иисус шел... за Ним следовали двое слепых и кричали: помилуй нас, Иисус, Сын Давидов!" Такая картина в то время могла наблюдаться очень часто, потому что Господа Иисуса Христа окружало бесчисленное множество больных, слепых, убогих – Он так и ходил в толпе болящих. И вот об одном из эпизодов рассказывает нам евангелист Матфей.

"Когда же Он пришел в дом, слепые приступили к Нему. И говорит им Иисус: веруете ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: да, Господи! Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам. И открылись глаза их".

Часто мы свою молитву оцениваем неправильно. Если нам удалось спокойно помолиться, никто нам вроде не мешал, была на душе тишина и мысли особенно не разбегались, то у нас на душе бывает сладкое чувство исполненного долга и нам кажется, что мы помолились хорошо. На самом деле это чаще всего глубокое заблуждение. Собственно, плохой молитвы или хорошей не существует – существует либо молитва, либо не молитва. Молитва может оцениваться только по ее результату: то, что исполняется, и было молитвой, то есть общением с Богом.

Слепые, которые шли за Иисусом Христом, обратились к Богу – и получили просимое. Почему евангелист Матфей из многих эпизодов выбрал именно этот? За тридцать три года, живя на земле, Господь совершил столько чудес, что всему миру не вместить бы об этом книг, если бы они были написаны. Но отдельные чудеса остались в памяти церковной для нашего назидания. Чаще всего мы приходим в храм с какой-то нуждой, и каждый из всех сил хочет, чтобы его прошение исполнилось, некоторые даже плачут. И в этом Евангелии написано, что нам надо делать, чтобы наша молитва исполнилась. Поэтому это евангельское повествование нам надо усвоить назубок, чтобы по возможности следовать ему.

Когда у человека возникает какая-то нужда, он готов куда угодно обращаться, особенно если касается его здоровья. Люди-то все в основном плотские, поэтому за плоть их зацепи – они сразу реагируют. Мать не беспокоится о том, что ребенок Священное Писание не знает, что он не имеет какой-то добродетели, например кротости или милостивого сердца. А коснись тела: нога заболела или рука – тут она беспокоится. Хотя, если подумать, милостивое сердце важнее, чем здоровая нога. А почему мать больше переживает, когда ребенок нос расшиб? Или, например, начинает ребенок капризничать – мать ничего не предпринимает: "Ну, подумаешь, все дети такие". А ведь каприз есть проявление гордыни, своеволия – мерзкого качества души. Но мать не волнуется, а когда ребенок нос расшиб или кто-то ему наподдал во дворе, она готова даже в драку вступить, биться за него, спасать.

Вроде бы нелогично: ребенок вырастет, состарится и умрет, и эта нога умрет, и этот нос умрет, который он расшиб. Что же о нем так уж беспокоиться? Все это исчезнет, а душа его будет жить вечно. Почему же мать заботится не о душе, а только о плоти своего ребенка? Потому что она сама плотская, вся ее забота только о еде, о здоровье, о тепле; все наслаждения исключительно телесные: помягче поспать, повкуснее поесть, покрасивее одеться. Если же мать – духовное существо, то она будет думать: ой, да пусть сын горбатый, пусть слепой, лишь бы только к Богу пришел; пусть он калека будет, пусть его жена бросит, пусть телом пострадает – лишь бы душой спасся. Недаром ведь говорят: горбатого могила исправит. Потому что на том свете, в пакибытии все горбы выпрямляются, у всех слепых очи появляются, у всех глухих – уши. Человек достигает полноты бытия, только когда получает воскресшее тело.

Два евангельских слепых тоже просили о прозрении телесном, потому что слепота – страшная трагедия: лучше без ноги быть, чем без глаз. Слепому жить очень тяжело, это тяжелый крест, очень трудный – света Божия не видеть. Как говорит наука, человек до восьмидесяти процентов всей информации получает через глаза. Поэтому лишиться глаз – это на восемьдесят процентов лишиться внешней жизни. Поэтому люди так обычно и страдают с потерей глаз – ведь они лишаются почти всех удовольствий, которые имеет человек зрячий, общаясь с внешним миром. И вот они просят – и их молитва услышана. Почему? Чтобы это понять, посмотрим, как же они просят. "Иисусе, Сыне Давидов", – обращаются они ко Христу. Назвать кого-то в Галилее и Палестине Сыном Давидовым – это значит совершить целую революцию. Нужно быть человеком очень храбрым, чтобы кого-то исповедовать Сыном Давидовым, потому что это синоним слова «Мессия» – "Спаситель". Но их вера в Христа была так сильна, что они, будучи слепыми, познали: Этот Человек не простой, а Он воистину есть Сын Божий. Именно поэтому Господь их и исцелил. В Израиле было много слепых, потому что много было всяких инфекционных заболеваний, были войны. Очень много было слепых, хромых, а Господь исцелил именно этих.

Они твердо, несомненно веровали, что Господь может их исцелить, и знали, что им надо только упросить – и они просили долго, шли и умоляли до тех пор, пока Господь не счел, что уже пора.

Господь исполнил их желание не с первого раза. Чего Он ждал, почему сразу их не исцелил? Ну чего мучить людей? Ему же достаточно одно слово сказать – а Он увел их в дом, может быть, даже и двери закрыл, хотя об этом не сказано. Дело в том, что Господь не творил чудес напоказ. Он хотел, чтобы об этом прозрении знали только молившиеся. Поэтому Он "строго сказал им: смотрите, чтобы никто не узнал". Потому что всякое пустословие о тех вещах, которые творит Бог с человеком, опустошает душу человека.

Отношения человека и Бога осуществляются через молитву и церковные таинства. Молитва была налицо – и Господь совершил таинство, прикоснулся к их очам. И мы с вами каждый день имеем возможность прикасаться к Телу Христа Спасителя в святом причастии, каждый раз с нами происходит это чудо. Чего же нам не хватает? Почему мы часто просим и не получаем того, о чем просим? Во-первых, потому, что у нас нет несомненной веры в то, что Господь может это сделать. И Господь ждет, пока наше желание получить просимое настолько усилится, что мы поймем: никто на свете, ни один человек нам не поможет, только Он, Господь наш Иисус Христос; только Он наш Спаситель, и только Он хочет нам помочь. Если эта вера заполнит все наше существо и мы не будем ослабевать в молитве, а будем просить, твердо веруя, что Господь это даст, то Господь нашу веру не посрамит. Он нам даст просимое в тот момент, который будет благоприятен и для нас, и для всех окружающих; когда мы созреем для того, чтобы принять дар, о котором просим.

К сожалению, мы часто просим не то, что нам нужно. Самый простой пример: живет семья – папа, мама и дитя. Но они с Богом не имеют никакого общения – Бог Сам по Себе, они сами по себе. А Господь хочет их к Себе привести: дает им всякие блага, таланты, всячески их ублажает – но ничего в них не просыпается, никакого чувства благодарности. Тогда Господь решает их спасти по-другому – и вот заболевает сынок. Родители туда-сюда, туда-сюда и наконец к Богу: Господи, помоги. Но Господь думает: если Я сразу помогу, то они опять полностью не пробудятся. Нет, сын будет болеть до тех пор, пока они все к Богу не придут окончательно. Вот тогда Я его исцелю – если увижу, что он будет Мне служить, а не себе: не будет карьеру делать, достигать каких-то почестей, денег, что-то свое строить здесь на земле. Исцелю, когда увижу, что болезнь уже не нужна, когда он будет постоянно к Богу устремляться, а мирские стремления будут присутствовать постольку поскольку, уйдут на второй план.

Люди часто просят: исцели, исцели, – а Господь не дает исцеление, Ему другое нужно. Потому что всякая болезнь – от Бога, Господь специально ее попустил, чтобы человека немножко расшевелить. Гром не грянет – мужик не перекрестится. Вот гром и гремит – это Господь облегчает человеку путь к Себе. Человек засуетился, погряз в своей суете, в своих земных делах и думает, что это и есть жизнь, а Господь хочет показать ему другую жизнь – жизнь молитвы, жизнь духовную. И человек сначала молится от ужаса, молится от горя, а

потом уже входит во вкус и начинает молиться от радости, начинает Бога любить, Бога начинает познавать.

Не все, конечно. Бывает, человек два раза в церковь пришел, помолился, видит – никакого толку. Думает: пойду к экстрасенсу; этот не помог – пойду к бабке-колдунье. Церковь рядом, две остановки – нет, едет за тридевять земель, чтобы водичку ему какую-то дали или еще что-то. Уж куда святее вода, чем из церкви: не бабка освящает, а Сам Господь Иисус Христос – но нет, это не годится, надо какую-то особую. А почему особую? Веры нету. Не верит человек, что здесь присутствует Сам Христос – Тот Самый, Который эту землю создал, Который создал всех нас; Который создал и воду, и горы, и птиц, и зверей, солнце, всю вселенную; Который управляет всеми процессами в каждой клеточке нашего организма; Который все про нас знает – все наши грехи, все наши достоинства; у Которого только одно желание – нас спасти от греха.

Но у человека веры нет. Моя молитва, говорит, слабая. Как будто от наших усилий зависит молитва. Нет, от нас в молитве нужна только добросовестность. Сильная молитва не динамометром измеряется: у кого более упругая. Молитвы различаются одним: исполняет Бог просьбу этого человека или не исполняет. А это связано с тем, что один больше верует, а другой меньше. Потому-то и нужно молиться долго, что от молитвы вера укрепляется. Поэтому одному, чтобы у Бога что-то попросить, нужно два раза помолиться, а другому – двадцать лет. Он будет молиться, молиться до тех пор, пока его вера не укрепит. И когда вера уже укрепились, Господь ему и подаст.

Все мы замечали: вот идет пост, и настроение у нас такое духовное, и есть у нас желание молиться. А пост кончился, разговелись – что-то и лень нас обуяла, и сонливость, и тяжесть, и молиться как-то не хочется, и в храм вставать не хочется. Мы расслабились, у нас как бы и вера ослабевает. И часто так бывает: если человеку дать то, что он просит, то он скоро успокаивается и охладевает к духовной жизни. Отчего человек Бога забывает? От благополучия. Когда все у него хорошо, его сердце жиреет. Зачем Богу молиться, когда и так все в порядке? Поесть-попить есть, одежда есть, квартира, машина есть и гараж есть. Зачем Бог нужен? Нужен бензин, нужны деньги на книжке, нужны удовольствия, а Бог, Он совсем получается не нужен. И Бог знает эту нашу порочную сущность, нашу бесстыжесть и неблагодарство.

Ведь и машину, и гараж – это тоже Бог дал. Гараж из кирпичей сложен, а кирпич – из глины. А глину кто создал? Господь. И все металлы, из которых машина сделана, Господь создал. Масло, которым замок смазывают, тоже Господь создал – оно из нефти сделано. Все от Бога, а человек нахально считает, что все само по себе. Поэтому такая беда и получается. Господь знает нашу глубокую неблагодарность, маловерие и себялюбие, поэтому Он иногда нас и ущемляет, и трогает именно за то, что мы любим. Пристрастился человек к своему здоровью, к своей плоти – Господь за нее и трогает. Потому что человек любит себя и начинает себя спасать, начинает к Богу обращаться и хоть в такой форме, но обретает связь с Богом. Хотя, конечно, человек в идеале должен просить не чтобы ему прозреть, не чтобы нога исцелела, а должен просить Царствие Небесное, должен просить зрение духовное. Поэтому Господь ждет, пока наши плотские просьбы превратятся в просьбы духовные, когда мы укрепимся духом настолько, что будем нашу жизнь земную вменять ни во что по сравнению с сокровищами духовными.

Поэтому так премудра Его милость к нам! Как из таких любящих свою плоть, почти что животных Господь нас через скорби, болезни возводит на высоту небесную, сначала делает нас человеками, а потом уже и ангелами, которые вообще о плотском не помышляют. Вот такая Его милость, такая забота о нас. И как нам надо эту заботу ценить! Поэтому когда нас коснулась какая-то скорбь, какая-то болезнь, мы должны знать, что это не несчастье. Некоторые говорят: вот несчастье приключилось, беда. Нет, это нас Господь спасает, это Он нас зовет к Себе, это прикосновение к нам руки Божией. Не беда случилась, не несчастье, а наука, вразумление. Раньше говорили: Бог наказал – то есть дал наказ, учит нас, таких бестолковых, чтобы мы не зажирили в своей свинской сытости.

Он нас пробуждает – а мы нет, нам только одно: дай, чтобы все было здорово, чтобы все сыто, чтобы никто нас не трогал, никто ниоткуда нас не выгонял, а все только бы ласкали, берегли, жалели, ублажали, подарки дарили и гладили по головке. Мы все плотские, поэтому Господь нас так и бьет, а иначе нас никак не проймешь. Мы такие непослушные, противные

дети, что никакие уговоры, никакие подарки, никакие ласки на нас не действуют – только ремень. И благодаря этой порке мы все-таки становимся немножко на людей похожи, слава Богу! И надо нам учиться за это Бога благодарить. Вот сегодняшнее Евангелие этому нас и учит.

Мы – люди, неверные Богу, мы неблагодарны. И эти слепые тоже оказались неблагодарными. "Смотрите, чтобы никто не узнал", – сказал Господь. "А они, выйдя, разгласили о Нем по всей земле той". Господь исцелил их, откликнулся на их долгие просьбы – а они Ему отплатили черной неблагодарностью. И так большинство из нас: дай нам скоро просимое – и мы забудем свое страдание, забудем Бога, опять будем жить по-старому. Поэтому мы просим у Бога, а Господь нас как бы не слышит. Пока нас гнетет, пока нас что-то мучит, мы будем вызывать к Богу, а отними это – и забыт Бог опять до следующего раза. Поэтому-то наши скорби и не прекращаются. Говорят: пришла беда – отворяй ворота; одна беда не приходит. Господь уж раз взялся нас спасать, Он будет стараться как любящий Отец, пока не спасет. Поэтому надо не сопротивляться Божию спасению, а принимать то, что Господь посылает, потому что это нам на пользу.

Вот мать хочет маленького ребенка вылечить, в нос закапать или в глаза, лекарство какое дать – а он упирается, противничает, ногами колотит. Или мать говорит: не подходи к воде, у тебя насморк, как бы хуже не было – нет, все равно в воду лезет. Ну что с ним делать? Только взять за вихор и ремня задать как следует. Так же и мы, потому что мы от детей ничем не отличаемся. Господь нам в Священном Писании все рассказал, что можно делать, что нельзя; что нельзя делать ни в коем случае и что нужно делать обязательно. А мы все равно хотим своего, все равно живем по-своему, все равно делаем, что хотим, безобразничаем. Ну как еще нас спасать? Другого способа нет. Поэтому слава Богу, что Господь наш, милостивый Отец, несмотря на то, что мы ведем себя без-образно и Он давно уже должен был от нас отвернуться, а Он все равно нас любит, жалеет и спасает. Аминь.

Крестовоздвиженский храм,

10 августа 1986 года

Всенощное бдение под Преподобие Господне

На каждой всенощной мы возглашаем: "Слава Тебе, показавшему нам свет!" Каждый из нас в свою меру увидел свет Христов и, идя на этот фаворский свет, восходит на гору – приходит в храм, в ту или иную меру соединяется с Церковью, со Христом. Каждый человек, увидевший свет, избран Богом, потому что Господь дает свет только тому, кто может его вместить, пусть в малую меру. И чтобы нам быть истинными учениками Христовыми и узреть славу Божию, нам нужно постоянно восходить на эту гору для того, чтобы свет Господень видеть постоянно.

Свет, увиденный апостолами на горе Фавор, был как бы преддверием того, что они получают позже. Почему Господь дал им это вкусить? Чтобы у них осталась память об этом блаженстве. Потому что только живя этой памятью, человек может двигаться вперед. И с этого блаженства, блаженства общения с Богом, и начинается, собственно, настоящая духовная жизнь.

Живет человек в каком-нибудь городе, большом или маленьком, и знать не знает, ведать не ведает, есть ли Бог, нет ли Бога. Этот вопрос его не занимает, он занят своей семьей, своими заботами, своими печальми, книжки читает, телевизор смотрит, на рыбалку ходит. Заболел – полежал, бюллетень взял, выздоровел; здоров – можно и в кино сходить, и в футбол поиграть и прочее. Но происходят иногда с этим человеком некоторые странные вещи: вдруг из толпы, из подобных ему людей Господь его вырывает, призывает к Себе. Почему? Это тайна, мы иногда об этом можем только догадываться.

И вот в человеке откуда ни возьмись, совершенно незаслуженно им, появляется вера в Бога. Он просыпается утром – и вдруг начинает чувствовать, что он не один, что в мире присутствует Бог. Для него это серьезное внутреннее свидетельство; его никто в этом не убеждал, но вдруг в сердце у него рождается совершенно ясное представление о том, что в мире все устроено не просто и, кроме футбола и программы "Время", есть еще что-то очень и очень

важное. И если человек это легкое прикосновение Божественной благодати, этот пока еще отблеск в душе не убьет, не загасит в своем сердце, а пойдет за этим зовом, то он обязательно придет к свету Божию.

Путь от первого прикосновения благодати Божией к сердцу человека до прихода человека в храм обычно бывает очень долг. Но даже и прийти в храм еще не значит взойти на Фавор и увидеть свет Господень. Это значит только подойти к подошве горы, а дальше должно начаться восхождение. Оно очень трудное, очень тернистое, нужно продираться сквозь множество испытаний, искушений. На этом пути все цепляет человека и тянет назад, потому что, живя своей жизнью, он успел пристраститься ко многим вещам. И эти колючки, встречающиеся на пути, тормозят его шествие, и видение Бога затуманивается. Но если человек, несмотря ни на что, ни на какие препятствия, хранит в себе отблеск Божественного света и начинает взывать к Богу, начинает молиться Ему, обращаться к Нему, веруя, что Господь слышит каждое наше воздыхание и воспринимает каждую нашу мысль, то он получает ответ. И когда человек видит, что помощь, о которой он просил, нисходит к нему, его сердце начинает гореть любовью к Богу.

И пусть это всего лишь вспышка, краткий миг, но этот сладостный миг общения с Богом человек забыть уже никогда не может. Сколько его ни бей, ни мучай, ни прибивай ко кресту, ни сажай в тюрьму, его нельзя убедить в том, что Бога нет. Именно поэтому вера неистребима. Как человека ни воспитывай, как ему ни внушай, как его ни оболванивай, сколько его ни превращай в животное, Господь, если захочет, может коснуться крылом Своей благодати сердца абсолютно любого человека и из любой жизни – самой ужасной, самой пьяной, самой блудной, вороватой, убийственной жизни – вызвать его к свету и показать ему путь. Вот перед тобой путь, и если ты им пойдешь, то все, что есть в твоей жизни греховного, останется позади.

Этот путь молитвы, путь восхождения на гору человек должен проделать сам. Господь может только помогать, может только подвести человека к горе, указать ему тропу, показать, какие на его пути встретятся препятствия. И если мы внимательно читаем Священное Писание, то видим, что там обо всем этом сказано: и о том, какие опасности подстерегают нас, и какие испытания нас ждут, и даже как эти испытания и опасности нужно побеждать.

С восхождением на любую гору кругозор человека увеличивается, и чем дальше он идет в эту духовную гору, тем больше становится его кругозор, тем больше его опытность. И вместе с тем все тоньше и сложнее искушения и испытания, которые ждут его на пути. Но если человек верит свету, который он увидел, он понимает, что, кроме этого света, в жизни мало важного, потому что воистину никакое сокровище в мире не стоит одного мига общения с Богом.

Почему люди прилепляются к деньгам, к удовольствиям, к водке, разврату, еще к каким-то грехам? Почему прилепляются к собственным детям, квартирам, дачным участкам? Да потому, что они живут впотьмах и у них, несчастных, больше ничего нету, они нищие, у них нет света в жизни. У человека же, который познал Бога, появляется это сокровище, евангельская жемчужина, ради которой не жалко продать все свое имение. Конечно, жемчужину эту нельзя купить ни за какие деньги. Какое бы человек ни имел состояние, сколько бы ни имел физического здоровья, ума, сколько бы книг ни прочел – у Бога купить ничего нельзя, а можно только просить и ждать. И если Он захочет Сам, то откроет нам Себя в ту меру, насколько сочтет нужным, насколько пожелает и насколько мы сможем вместить, потому что не каждый человек может вместить свет Божества. Но если у человека есть жажда идти к этому свету, есть жажда истины, то Господь постепенно даст ему, лишь бы он не ленился. Вот как сегодня в иконе мы читали: "Востаните, ленивии". Это Церковь к нам обращается, потому что для каждого человека, где бы он ни был, открыта эта возможность, и нам мешает только наша приверженность к мирскому, к плоти и наша собственная духовная лень, то есть наш грех, который нас расслабляет и не дает нам возможности увидеть истину.

Мы все уже находимся в храме, все подведены к этой горе, все уже сделали кто один, а кто, может быть, и два шага по этому направлению, чтобы узреть Бога. И гора – это наше сердце, которое нужно постоянно очищать, потому что оно обременено всяческим греховным грузом. К чему только мы ни пристрастны! А сердце нужно очистить настолько, чтоб оно прилепилось только к одному Богу. Мы должны постоянно прорываться сквозь пелену грехов, которая окутывает наше сердце, к этим мгновениям (потому что у нас, к сожалению, бывают

только мгновения) чистой молитвы. И цель нашей жизни христианской, собственно, в том и состоит, чтобы эти мгновения учащались, чтобы из этих точек сложилась прямая, потом плоскость, пространство, в котором бы мы жили – жили в сиянии благодати Божией.

Господь говорит: "Царствие Божие внутри вас есть" – потому что от состояния нашего сердца зависит, видим ли мы Бога или нет. Видеть Бога можно только сердцем, а не телесными глазами. Мы должны искать Бога в молитве, прорываться сквозь сонливость, сквозь свою косность, свою лень, рассеянность – туда, на гору, наверх, на Фавор, где нас ждет слава Божия, где нас ждет блаженство, ради которого Господь нас всех создал, и не только нас, а все человечество.

Каждый человек, где бы он ни жил, призван к Божественному блаженству, призван к небесному счастью, но люди сами отворачиваются от него. Господь нам говорит: пойдем на гору Фавор, ты узришь славу Божию, там тебе будет так хорошо, что ты забудешь о всех своих печалях, ты обрешься покоем своей душе. "Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем". А человек не слушается, ему дороже мирская суета. Хорошо еще раз в месяц опомнится: вот, дескать, праздник. Придет, постоит – хоть не на горе Фавор, но рядом, пусть и не понимая, что здесь происходит, но сердцем чувствуя, что здесь присутствует что-то возвышенное, Божественное. Это еще хорошо. А в основном человек этим вообще не интересуется – настолько он погряз в суете своей жизни, которая с точки зрения Божественной, с точки зрения вечной абсолютно лишена всякого смысла. Ведь сколько бы он ни возился здесь, на земле, чем бы ни занимался, это дает только временную радость. Есть хочешь – поел, и вроде хорошо на душе. Потом проголодался, опять есть хочется. И так без конца, и так во всем. Футбол посмотрел – вроде весело, интересно. Второй тайм кончился, а дальше что? Жди, когда четвертьфинал будут играть, и опять сначала. Так же и вино: выпил – вроде весело; протрезвел – голова болит, опять грустно, опять надо выпить. Бессмысленное существование.

А Господь дает вечную радость. Общение с Богом наполняет человека вечной, непоколебимой радостью, которую нельзя заслонить ничем – никакой болью, никакими страданиями, никакими катаклизмами. Она не зависит ни от чего. На нашу внешнюю жизнь влияют всякие обстоятельства: вот мы лишнюю кофточку не одели, стоим на остановке – и нам зябко, нам не хорошо, грустно, мы ругаем автобус, который задерживается. Внешние обстоятельства смущают нашу душу, мы страдаем. А человек, который исполнен благодати Святого Духа, не повреждается от внешних трудностей. В истории Церкви даже был такой случай: одного христианина посадили в ледяной карцер и забыли, так что он на двадцати-тридцатиградусном морозе пробыл четверо суток. По идее он должен был умереть часов через пятнадцать, но когда за ним пришли, он был жив и молился Богу, так что с него капал пот. Он так глубоко ушел в молитву, что Господь окутал его сиянием Своей славы и сохранил от холода в Своем благодатном тепле.

И Макария Оптинского, когда к нему приходили в келию, видели стоящим на воздухе. Потому что он настолько углублялся в молитву, что становился как бестелесный ангел. Люди в ужасе уходили, говорили: что там происходит? А это просто Макарий молился, стоя на воздухе. Или Макарий Египетский уходил в молитву настолько, что на недели забывал о еде. Что там еда? Что там картофель, зеленый лучок, когда человек с Богом пребывает? Это есть истинная пища и истинное питание. Это дает человеку полноту жизни, и это, собственно, и называется жизнью. А все остальное – только временное существование.

И Господь от нас желает, чтобы мы жили именно этой жизнью, потому что, если мы жизнь Божественную познаем здесь, на земле, она во всей полноте откроется и там, на небесах, куда наша душа в скором времени пойдет. То, что мы здесь, на земле, делаем: наряжаемся, пьем, едим, зарабатываем, строим, копим, покупаем, – временно, это все на короткий срок. Вот мы умерли, наша душа пошла к Богу – и все, чем мы здесь жили, начиная от чемпионата мира по шахматам и кончая любимой книжечкой Лермонтова, – все осталось на земле. Что мы будем там делать, чем заниматься? Если мы не познали славы Божией, если мы не соединились с Богом, не увидели Его здесь, живя на земле, то там, на том свете, в другой, вечной жизни мы будем ограждены. Поэтому каждый миг, посвященный суете, – это миг потерянный.

Потому-то апостол Павел еще две тысячи лет назад сказал: "Непрестанно молитесь". Нельзя терять ни секунды: в такси ли ты едешь, разговариваешь ли с кем, картошку ли чистишь

– что бы ты ни делал, всегда можно молиться, всегда можно поставить себя перед Богом, всегда можно следить за своими мыслями, всегда можно испытывать сладость общения с Богом. Господь говорит: первая заповедь, выше всех остальных – возлюби Господа Бога Твоего всем сердцем твоим, всем существом, всею крепостию твоею, всею мыслию твоею. Потому что, когда человек любит кого-то, он желает всегда быть с ним. Вот как Петр – взошел на Фавор, увидел славу Божию и говорит: "Господи! хорошо нам здесь быть", останемся здесь навсегда. Обжора постоянно стремится к еде, пьяница – к выпивке, любящий свою семью – к семье, любящий свою работу пропадает на работе с утра до вечера, а любящий Бога – всегда стремится к Богу.

Человек – существо очень высокое, и поэтому стремление у него тоже должно быть высоко. Много у нас на земле важных занятий: нужно нам для поддержания своего тела и есть, нужно и одеваться, нужно и чад своих воспитывать, – очень много всяких дел, но если эти дела становятся на место Бога, то жизнь наша разрушается, мы начинаем ходить как впотьмах, теряем главный ориентир. А жизнь у нас должна быть выстроена так, что все первое мы должны приносить Богу. Вот завтра, в день Преображения, принесут в храмы начаток плодов для освящения. Это символ того, что вся наша жизнь должна быть освящена благодатию Божиею, что первая мысль всегда должна быть Богу, первая радость должна быть благодарственной молитвой к Богу, первая печаль – просьбой к Богу, то есть к Богу мы должны взывать непрестанно.

Этому надо постоянно учиться, постоянно понуждать себя. И это очень трудно, потому что мы привыкли к рассеянной жизни: это вспомнил, о том помечтал; кого-то увидел, загляделся – и так все время. Если мы за собой последуем, что у нас в голове творится, то ужаснемся: какой-то киш-миш, и разобраться-то ни в чем нельзя – то какая-то гадость, то осуждение, то вообще тупое равнодушие, отсутствие всяких мыслей. А нужно наоборот: нужна глубокая сосредоточенность на молитве, на устремлении к Богу, к свету, к правде, к истине, к вечной жизни. Конечно, трудно человеку рассеянному, греховному, больному собрать себя в такую струнку, но надо. Другого пути, чтобы узреть славу Божию, нет. Поэтому еще раз вспомним слова, которые Церковь сегодня в слух наш произнесла: "Востаните, ленивии, да видим, славу Бога нашего". Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
18 августа 1986 года, вечер*

Пятница седмицы 12-й по Пятидесятнице

Пришли к Господу ученики Иоанна Крестителя и спрашивают: "Почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся? И сказал им Иисус: могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених?" Что такое пост и для чего он нужен? Цель всякого духовного делания только одна – приблизиться к Богу. Для чего мы постимся, для чего молимся, в храм ходим, причащаемся, Священное Писание читаем, пытаемся заповеди Божии исполнять? Зачем нужно больного посетить? Почему нужно сдержаться, когда тебя гнев раздражает? Это есть всего лишь средство к достижению общения с Богом.

Что мешает человеку с Богом общаться? Грех. Грехи у всех разные: у одного сквернословие, у другого гордость, у третьего блудность, у четвертого самомнение, превозношение или страсть к деньгам – у человека много всяких идолов, которые встают стеной и мешают ему Бога видеть. И когда человек предпринимает пост, молитву, то цель его – разрушить этих идолов, чтобы ничто не мешало ему видеть Бога.

Цель поста – это приближение к богообщению. Но как Иоанн Богослов пишет: мы возвещаем о том, "что видели своими очами... что осязали руки наши, о Слове жизни". Какой смысл в посте, когда вот Он – Бог? Его можно руками потрогать, Его можно послушать, можно припасть к Его ногам и поцеловать следы Его ног на земле. Смысл поста исчезает, не нужно уже никакой молитвы, никаких постов – живой Бог рядом с нами. Поэтому с тех пор, как пришел Христос в мир, жертвоприношения в храме стали бессмысленны: живой Бог ходит по земле – а там каких-то волов, овец, птиц сжигают неизвестно зачем; живой Бог находится рядом – а люди ходят мимо Него и Его не замечают.

Пост нужен только как орудие нашего спасения, но для многих он превращается в серию каких-то запретов: мясо не есть, молочка не пить. Многие приходят (иногда раз в году) и говорят: я вот в первую неделю не ела, во вторую ела, а в третью опять не ела. То есть только качество пищи человек различает: это, мол, грех, а это не грех. Нет, смысл поста не в этом. И причащаемся мы натошак не потому, что причастие нужно усваивать, как какое-то лекарство, именно натошак – просто этим литургическим постом мы оказываем честь Святым Тайнам и подчеркиваем, что это пища небесная, что мы не ставим ее вровень со всей остальной пищей. Мы принимаем ее как святыню, чтобы ничто не мешало для нашей души и тела соединиться со Христом.

Цель поста – это приближение к Богу, а если пост становится сам по себе какой-то ценностью, то он превращается в такого же идола, и человек за заботами о том, как бы ему там чего не съесть, забывает о самом главном. Многие, например, допостятся до того, что становятся более раздражительными, более злыми. Какой смысл в этом посте? Человек мяса не ест, а людей ест. Поэтому Евангелие нас учит всегда, в каждом духовном делании не терять его смысла, цели. Вот мы пришли сегодня в храм – и надо задать себе вопрос: зачем я пришел? Кто-то скажет: причаститься. Хорошо, а чего ты собираешься причаститься; ты знаешь, что ты будешь вкушать, ты подумал об этом? Ты вкушаешь Тела и Крови Христа Спасителя – не какой-то там символической, а самой настоящей Крови, которая пролилась на Голгофе, и того самого Тела, в которое вонзались гвозди, того самого Тела, которое сейчас и во веки веков восседает одесную Бога Отца. Ну и поразмысли: к чему ты приступаешь? не страшно ли? Вот чашу выносят, а что в этой чаше?

Или пришли в храм помолиться. Это стало у нас обычным словом: помолился – не помолился, почитал – не почитал. А если задуматься на секунду: что такое молитва? Это же обращение к Богу. К Тому Богу, Который создал всю вселенную, Который управляет всем миром, Которому повинуются все, начиная от галактик и кончая атомами, составляющими наше тело. Мало того: мы обращаемся к Тому Богу, Сына Которого распяли собственными грехами. И нам не стыдно, и не совестно, и страха никакого нет. Все от чего? Потому что мы забываем за средством цель.

Это очень часто бывает. Например, мама кормит ребенка из-под палки. А почему ей кажется, что он должен обязательно творожок съесть? Пища нужна для поддержания жизни – ну что, он умирает от голода, он дистрофик или расслаблен? надо поддерживать в нем угасающую жизнь? Почему обязательно нужно ему впихнуть со слезами, заставить, взять ремень? А просто человек забыл, для чего нужна пища. Что нет никакой нужды в человека впихивать творожок, если он есть не хочет. Это совершеннейшая бессмыслица.

И так во всем. В силу того что наш ум совершенно помрачился от греха, мы сами не понимаем, зачем делаем то или другое. Вот крестят младенцев. Спроси: зачем? Не знают. Все "кщеньные", вот чтобы и он был "кщеньный". А какой толк в этом? Никакого смысла ровным счетом нет, потому что если в церковь его не водить, если его каждую неделю не причащать, если Евангелие над ним не читать, если заповеди Божии не соблюдать, то в этом крещении толку абсолютно никакого нет и лучше его не крестить. Но нам лишь бы покрестить, а там уж авось все устроится. Люди разумные так не подходили. Василий Великий поэтому и крестился в тридцать лет – он книжки читал, в храм ходил, посты соблюдал, в паломничества ездил ко святым местам, долго готовился к тому, чтобы крещение святое принять, а уж потом только крестился. И мама с папой не боялись: ах, как бы прыщики какие не пошли, как бы грыжа не вылезла – то есть подход глубокий, серьезный, настоящий, религиозный. И сегодняшнее Евангелие нас этому и учит, что мы должны каждое действие наше осмысленно совершать.

А то иной встанет в храме на колени и начинает рассматривать: вот мушка какая-то побежала, вот трещинка на полу. Собственно, а зачем ты на колени встал? Ты перед Кем стоишь-то? Просто отдыхаешь, ноги у тебя устали или ты перед Всевышним Богом стоишь? Каждый раз, ходя в храм, надо ставить себя перед Богом; надо думать о том, кто я и Кто Он; перед Кем я стою, как я с Богом разговариваю, как я произношу эти слова? И если у нас до ума будет это доходить, можно с уверенностью сказать, что всякий сон на молитве и всякое рассеяние ума пропадет. А у нас и молитва, и пост, и посещение храма, и причастие превращаются в некую обыденную формальность. Вот Евангелие открыл, главу прочитал и

пошел, а если вечером спросить: ну, что ты сегодня читал? – в лучшем случае, может быть, и вспомнит: Евангелие было о том-то и том-то. Но вошло это Евангелие в душу? Оно твой ум просветило? Ты что-нибудь из него извлек для своей жизни? Тебя в чем-то это слово обличило, изменило твою жизнь? И если этого не произошло, то чтение Евангелия прошло без пользы.

Всю духовную жизнь можно превратить в некую формальность. Фарисеи так и сделали – они разработали очень много предписаний, когда что можно делать, когда нельзя. Были огромные своды правил, в частности, такое: в субботу нельзя через порог переступить. И что они придумали? Брали порог и носили его перед собой целый день, чтобы через него не переступить. Вроде бессмыслица, но нет, человек доволен: исполнил закон. А приблизило ли это его к Богу? Если не приблизило, тогда в этом нет никакого смысла.

Если пост наш, если наша молитва, если наши какие-то дела, которые мы делаем якобы для нашего спасения, нас к Богу не приближают, в них нет никакого смысла и они могут превратиться в идолов и в грех. Поэтому посещение храма для многих будет не во спасение, а в еще большее осуждение. Потому что ты в храм ходишь – а что же ты тогда не изменяешься? что же ты свою жизнь не исправляешь? Ты Евангелие читаешь – а что ж ты по Евангелию не живешь? С того, кто знает Евангелие, спрос гораздо больше. Ты в храме был, слышал – а что же теперь не делаешь? Значит, подвергнешься большему осуждению, потому что тот, кто знает, "биен будет" больше, чем тот, кто не знает. Евангелие, которое мы сегодня читали, учит нас именно этому осмысленному поведению, чтобы наша духовная жизнь не превращалась в формальность. А для этого все нужно доводить до ума, чтобы через ум оно опускалось и в сердце наше, чтобы мы сердцем воспринимали слова Христовы.

Люди разделяются на две категории: одни грешные, а другие святые, которые только и наследуют Царство Небесное. Но Господь хочет, чтобы все родившиеся на земле попали в Царствие Небесное – потому Он и взял на Себя грехи всего человечества. Поэтому каждый грешник, как бы он глубоко ни пал, какими бы он сатанинскими грехами ни грешил, но если он в один прекрасный день опомнится, то может прийти ко Христу. Для этого ему надо войти в Православную Соборную Апостольскую Церковь, которая есть Тело Христово, и через Тело Христово соединиться со Христом. Вот как апостол Иоанн говорил: мы касались Его руками – Тела Христова. Только через Церковь можно соединиться со Христом, а через Него со всею Пресвятою Троицею.

И если мы осознаем свои грехи и раскаемся в них, Господь имеет власть нас простить, Он эти грехи убелит. "Если будут грехи ваши, как багряное, – сказал Он через пророка, – как снег убелю". Он может нас совершенно очистить, и мы станем, как младенцы, чистыми. Но дальше нужно в эту грязь не лезть, нужно хранить чистоту. А если ты опять залез в грязь, надо опять прийти и опять начать все сначала. И каждый день надо начинать сначала. Вот тогда наша жизнь не будет превращаться в бессмыслицу, тогда мы будем иметь поступательное движение вперед, к Царствию Небесному, на гору Фавор, где мы увидим славу Божию.

А так спроси у любого из нас: ну, где твой Бог? И что мы скажем? Нету в нашей жизни Бога, нет. Мы Его не осязаем руками, мы Его не видим, мы Его не чувствуем, наше сердце далеко отстоит от Него. Поэтому мы и испытываем постоянную скорбь, нужду, тесноту, поэтому нас все раздражает. А святые тем и отличаются от нас, грешных, что они не страдают, они пребывают в вечном блаженстве. "Блаженны нищие духом. Блаженны плачущие. Блаженны алчущие и жаждущие правды". И независимо от того, ссылают его, или бросают в клетку с дикими зверями, или его притесняет свекровь, или зять, или начальник на работе, или он болен, – у святого человека эту радость общения с Богом отнять нельзя. Она не зависит ни от чего внешнего, она дается богообщением. У святого всегда на сердце радость, потому что на сердце у него Бог, а все остальное для него – дело десятое. Ему неважно, в тюрьме ли он или в царских палатах, неважно, ботинки у него теплые или он босиком ходит. Для него это не имеет большого значения, поэтому он может легко расстаться с тем, что для обычного человека представляет ценность.

Мы пока этого не достигли, и нам еще предстоит долгий путь разрушения идолов в себе. Эти идолы – наши грехи, которыми мы услаждаемся. Человек создан Богом для того, чтобы он Богом услаждался, а он ищет улады еще в чем-то, кроме Бога, то есть блудит от Бога. Человеку нужно к Богу стремиться, а он занимается блудом – один марки собирает, другой грядки

копает, третий с детишками сюсюкается, четвертый книжечки читает. Каждый наслаждается, как ему нравится, а Бог постольку поскольку: ну, зевая почитал вечером молитвы – и хватит с Тебя, мол. Может, там причащусь еще, облагодетельствую. Некоторые так и в церковь приходят, считают, что здесь им все должны: вот я пришел, и вы мне тут бисером рассыптесь, пожалуйста, вы мне тут прием устройте. А сам стоит и осуждает: это не так, то плохо, вот надо бы так. Это происходит оттого, что человек живет грехом, а когда человек Богом живет, у него таких помыслов и быть-то не может.

Вот поэтому надо нам познавать свое сердце. Познай самого себя, сказано, и познаешь Бога. Почему это так связано? Потому что если мы познаем себя, то увидим в себе грех. А увидев в себе грех, мы не сможем его не возненавидеть и, естественно, вступим с ним в борьбу и будем бороться до тех пор, пока он не отступит. И когда из этого частокола грехов, который заслоняет нам Бога, одно за одним будет падать греховное бревно, тогда мы увидим свет Божий, мы увидим славу Божию, мы увидим Самого Господа, познать Которого мешают наши грехи.

Почему нам грех так сладок и мы все время ищем себе наслаждения, все время находим суррогаты блаженства – кто в чем. Кто выпьет, кто покурит, кто язык почешет, кто просто полежать любит, кто погулять. Почему такая рассеянная жизнь? Потому что мы не знаем настоящего. Вот как в сказке у Андерсена: солдат шел – видит, сундук с медными монетами, и полный ранец набрал. Идет дальше – видит сундук с серебром; он медь высыпал, набрал серебра. Потом видит сундук с золотом – серебро высыпал, набрал золото. Почему нам до сих пор еще хочется чего-то помимо Бога? Да потому, что мы Бога не знаем. Кабы мы узнали, что такое Бог, нам бы не захотелось тех финтифлюшек, из которых наша жизнь состоит; все бы для нас измельчало до бесконечности. Потому что смешно даже представить – прийти к Серафиму Саровскому и сказать: отче, пойдем кино посмотрим. Ну какое кино, когда он Святую Троицу созерцает!

А мы люди грешные, мы не видим Бога, мы не знаем сладости богообщения. Молитва, посещение храма, подготовка к святому причастию, посты – для нас это все каторга. И вот чтобы нам развить в себе любовь к Царствию Небесному, надо стараться к нему пробиваться, увидеть хотя бы лучик его. И если потом даже лучик этот исчезнет, воспоминание о нем будет нас двигать вперед и вперед, до тех пор, пока мы не увидим зарю, а потом восходящее солнце, а потом уже и солнце во всей полноте. Вот это, собственно, и есть цель нашей жизни, это есть цель поста, молитвы, причащения, посещения храма.

Если это движение вперед, к солнцу, ко Христу не идет, то наша жизнь просто не имеет цели. Ну еще проковыряемся лет двадцать-тридцать, а потом нас похоронят. Сожгут или закопают – это уже не так важно, а важно то, что если мы в этой жизни Бога не увидим, то смешно надеяться, что мы увидим Его в той. Потому что только узревший Бога здесь увидит Его и там. Поэтому если мы веруем в Бога, если мы хотим с Ним соединиться, надо этому посвятить всю свою жизнь, все свои силы, а не какие-то крохи, которые мы Богу кидаем: на Тебе, Боже, что нам негоже. Так не годится. "Сами себе, и друг друга (потому что наше спасение не индивидуальное, а соборное), и весь живот наш Христу Богу предадим". – "Тебе, Господи". То есть мы должны Господу именно предать всю свою жизнь.

Если этого не происходит, если мы размениваемся на какую-то чепуху, на какие-то пристрастия греховные, то мы обкрадываем сами себя. Бог не виноват, если мы не достигнем Царствия Небесного. Он сделал все, Он даже Кровь Свою пролил. Что же нам еще надо? Вот Чашу выносят: на, принимай в себя Кровь Христову, чтобы она сожгла в тебе все твои грехи. Не хочешь? Даже смешно, что в храме так мало народу. Да здесь очередь должна стоять отсюда и до метро! Что дают?! Кровь Христову дают: на, пей. Нет, стоит, не хочет. Один не готов: ему, видите ли, лень подготовиться. А другой вообще даже не в курсе дела. Спрашиваешь: в каком году Христос родился? – а он и не знает. У кого ни спроси, никто не знает. Видали? Когда олимпиада какая-то была, это он знает, а когда Христос родился, не знает. То есть человек сам себя обокрал.

Поэтому наше спасение очень близко. Господь все сделал для нашей пользы, нам только осталось этот дар, который нам Бог дал, принять. Больше ничего не требуется – принять и следовать за Христом. Надо только последовательно это выполнять, все время об этом думать,

каждый день. Вот встал утром – и подумай: я проснулся, Господь мне дал день, я сейчас этот день буду жить. И если вечером я умру – а ведь это же очень просто, какой-нибудь сосуд разорвался в голове, в сердце, или в ноге тромб какой-то образовался, или под машину попал – и что со мной будет? куда я пойду? Узнаю ли я Бога в той жизни или этого не произойдет, потому что раз я Бога здесь не увидел, не знаю, где Он, так всю жизнь и прохихикал, так ничего и не понял, все услаждался, да не тем – то и там Его не найду, так и останусь отверженным от Бога.

Поэтому надо себя каждый день так настраивать: проснулся, только глаза продрал – и сразу перекрестился, обратился к Богу, чтобы Господь показал нам свет в этом мире. А Господь постарается, Он предоставит нам массу возможностей. Он каждый день дает нам либо сделать шаг по пути к Царствию Божию, либо, наоборот, отвратиться от него. Каждый грех – это шаг назад, а каждое исполнение заповедей Божиих – это шаг вперед. Вот из таких шажков наша жизнь и состоит. И если мы сегодня девяносто тысяч шагов сделали назад, а девяносто тысяч и один шаг – вперед, мы все-таки продвинулись и, значит, жизнь наша проходит не впустую.

Вот надо нам так и стараться. Тогда мы достигнем неба – Господь нам поможет, видя, что хотя мы и грешные люди, но у нас есть все-таки усердие к Царствию Божию и любовь к Богу. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
12 сентября 1986 года*

Рождество Пресвятой Богородицы

Каждый праздник, вот как и сегодня, храм обычно бывает переполнен. Человек стремится в храм, но поскольку Господь создал нас существами разумными, неплохо бы каждому из нас по пути в храм задавать себе вопрос: а зачем я туда иду? И если мы будем так делать, это принесет нам огромную пользу.

Человек создан Богом, и в его душе Богом заложено много разных чувств – чувство справедливости, чувство любви или гнева. Есть у него и еще одно чувство – религиозное. И любому грешнику, даже если он бесконечно далеко ушел от Бога, все равно это чувство присуще. Но в силу того, что человек отпал от Бога и повредил свою природу, все его чувства искажены и действуют в противоположность тому, как они созданы Богом. Ну, например, естественно в человеке чувство гнева, но оно должно быть направлено на грех, на зло, а у нас чаще всего оно направлено на ближнего. Или, например, чувство любви должно быть обращено на кого-то или на что-то, прежде всего на Бога, а у нас обращено на самих себя.

Так же и религиозное чувство. Оно в нас существует само по себе и часто не направлено к Богу. Вот пришел человек в храм, но почему он так по-хамски себя здесь ведет? А потому, что его восприятие жизни только чувственное и он является рабом своих греховных чувств, которые возбуждает в нем диавол. Вот толкнули меня – мне, значит, надо обязательно: почему вы меня толкаете? То есть до человека дотронулись – и в нем возникает некое чувство, которое диктует его поведение. Понравилось мне что-то – и мне сразу хочется это иметь. Прогневался – значит, надо немедленно сказать что-то злое. И то же самое относится и к религиозному чувству. Это чувство зовет человека в храм, этим чувством он руководствуется, когда иконы лобзает или просто в храме постоит и на душе у него возникает что-то приятное. Многие так и говорят: меня храм успокаивает. И человек начинает думать, что это и есть религиозная жизнь. Ничего подобного, к духовной жизни это отношения никакого не имеет, потому что те же самые чувства человек испытывает, например, и в буддийском храме, где люди поклоняются не Христу, не Пресвятой Троице, а не будем говорить кому.

В чем же тут дело? Причина в том, что человек служит-то не Богу, а самому себе. Поэтому многие десятилетиями ходят в храм, но так ничего, собственно, и не понимают, не понимают, в чем же есть духовная жизнь. Не понимают самого главного, для чего пришел Христос на землю. А почему так? А потому, что ходим в храм бессознательно, не понимая, зачем пришли. Вот в день рождения или именин хочет человек причаститься. Чего причаститься? Зачем причаститься? Почему именно в день рождения, а не позавчера? Живем совершенно бездумно и неосознанно, а человек существо разумное, он так жить не должен. И

вот Господь на землю пришел, чтобы вернуть нам этот разум духовный, чтобы каждое наше слово, дело, мысль были целесообразны.

Нельзя жить, повинаясь чувствам, потому что чувства наши лгут. И не надо думать, что, ублажая свое религиозное чувство, мы тем самым прославляем Бога. Нет, это ничего общего с духовной жизнью не имеет, ничего общего не имеет с Царствием Небесным, ничего общего не имеет с Законом Божиим. И поэтому многие из ходящих в храм, когда окажутся перед судом Божиим, очень удивятся. Как же так? Всю жизнь в храм проходил, а Господь говорит: отойди от Меня, делающий беззаконие. Вот так и фарисеи тоже очень удивились: почему это их вдруг Христос обличал или Иоанн Предтеча, называл порождением ехидниным. Как же так? Посты соблюдаем, в церковь ходим, милостыню даем, Священное Писание знаем наизусть, все правила исполняем, а они такие-сякие на нас говорят: порождения змеи, то есть змееныши.

К сожалению, у человека, ходящего в храм, может произойти страшное омертвление души. Он может дойти до такого тяжелого состояния, как бывает, когда течение болезни переходит в хроническую стадию и спасти человека уже нельзя. Ему уже ничего невозможно ни объяснить, ни внушить, потому что он укоренился во зле. Ну вот ребенок, допустим, с пяти лет начинает врать и врет лет до шестидесяти – значит, пятьдесят пять лет. Представляете, как вранье укоренилось в его сердце. Одно дело отучиться человеку молодому: в одиннадцать лет ребенок перестал врать и следит за собой, старается не обманывать. Тогда он это маленькое деревце лжи из своего сердца выдернет. А если врал пятьдесят пять лет, это уже какое огромное дерево, попробуй его выкорчевать.

И так с каждым грехом, который растет в нашем сердце и все больше и больше укореняется. Многие думают: вот выйду на пенсию, тогда покаюсь, буду в церковь ходить. Да, будешь в церковь ходить, но к Богу не приблизишься ни на шаг, потому что в тебя уже ничего не войдет. Твоя кора стала уже, как у дуба, толстая, ее только пилой пилить, ничем ее не продолбишь.

То, что человек и крестик на себе носит, и все вроде исполняет, не имеет никакого отношения к духовной жизни. Это есть только внешние знаки причастности к чему-то. А Господь принес весть о Царствии Небесном, которое не от мира сего. И Господь хочет, чтобы мы это познали – познали прежде всего свою отверженность от Бога, познали в себе грех и все наше недостоинство. И если мы увидим в себе какой-то грех, увидим конкретно: вот я согрешаю этим и этим, – тогда Господь может нам помочь, если мы пожелаем исправиться от этого греха. Духовная жизнь – это есть исправление своего существа. Духовная жизнь от слова «дух» – когда Дух Божий поселяется в человеке. Если же человек скверен, Дух Божий в нем поселиться не может, хоть он и обвешается крестиками, иконочками, поясками или будет галлонами пить святую воду. Это все как мертвому припарки, потому что сколько на мертвого ни нацепляй, помочь ему уже нельзя.

Должна душа прежде всего ожить, а оживает она только через покаяние. Дух Божий может войти только в чистое место. Поэтому если мы покаянием освобождаем свою душу от греха, то (говорят же: свято место пусто не бывает), когда наша душа становится свята, вместо греха туда приходит благодать Божия. И вот тогда-то и начинается жизнь духовная, тогда в человеке живет Дух Божий, а не просто он расчесывает свое религиозное чувство: схожу в храм, потому что здесь очень приятно, здесь поют, здесь что-то такое рассказывают. Это как хождение в клуб и никакого отношения к небу не имеет. Можно и причаститься в осуждение себе, потому что, имея в душе зло, как причащаться Святых Христовых Таинств? Одно дело, если человек кается в грехе и просит у Бога помощи, чтобы избавиться от этого греха. И когда он причащается, Господь пламенем благодати Своей сжигает то, что человек выдернул из своего сердца. А если человек живет в грехе и не сознает в себе этого греха, а просто тупо наклоняет свою голову, тычется в крест и Евангелие и не собирается ни на миллиметр свою жизнь исправить – то тогда этот огонь попопает его душу.

Представим себе поле, заросшее сорняками, и кое-где растут и хорошие растения, которые посадил Господь. Как уничтожить сорняки? Если возьмем ведро с бензином, подожжем его и плеснем – сгорит и доброе, и злое. А чтобы сгорело только злое, надо его сперва выдернуть и отдельно сжечь. Вот какова роль покаяния: увидеть в себе зло, вступить с ним в борьбу и выдернуть его, и тогда в нас останется только то доброе, что насадил Господь. А причащаться

без покаяния – значит сжигать свою душу и все дальше и дальше впихивать ее в преисподнюю. Поэтому апостол Павел и говорит: "Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает". Поэтому каждый наш приход в храм должен быть для нас шагом в Царствие Небесное, он должен быть для нас шагом навстречу Богу, шагом исправления, шагом видения своих грехов. Вот тогда посещение храма для нас будет не бессмысленным, а каждый приход в храм будет нас освящать, очищать, обоготворять и мы будем каждый раз, исходя отсюда, получать благодать Божию.

Многие люди, выходя из храма в умиротворенном, хорошем настроении, думают, что они получили благодать Божию. Это не так, потому что хорошее настроение можно получить и музыку послушав, и книжечку почитав, но душевное это переживание к духовной жизни часто не имеет никакого отношения. Благодать Божию мы получаем только тогда, когда исправляем в своей душе какой-то грех. Если мы вчера были в чем-то грешны, а сегодня это исправили, то на место этого греха мы получим крупицу благодати Божией. А так как грехов в нас миллиард, то нам нужно получить миллиард крупиц благодати Божией – до тех пор, пока мы не исполнимся духовной жизни.

Но для этого надо жить руководствуясь словом Божиим, а мы живем своими чувствами: нравится – не нравится, хочу – не хочу, люблю – не люблю, равнодушен – гневлив и так далее. Нами властвуют наши чувства, восплаемые от геенны. Мы привыкли им доверять, постоянно анализируем свою псевдодуховную жизнь, основываясь на своих чувствах, забывая, что они искажены грехом. Это все равно, что узнавать время по будильнику, у которого стрелки ходят в обратном порядке. Это безумие и бессмыслица. Поэтому многие и обольщаются и, думая, что они живут духовной жизнью, на деле давно отвергли Бога, давно отвергли Его заповедей, живут сами по себе, по своим похотям, по своим чувствам, по своим представлениям, тем самым доставляя радость сатане, а Христу слезы.

Поэтому нам нужно прежде всего раскрыть свое сердце и ум для принятия Евангелия. Евангелие нужно читать ежедневно, надо проникнуть в эти слова, которые будут нами руководить в жизни. Понимаем мы это сейчас или не понимаем, чувствуем или не чувствуем, но только Евангелие есть истина. И если мы покоримся этой истине, то выйдем на свет Божий, и наши чувства исправятся. В послании апостола к Филиппийцам, которое мы сегодня читали, так и сказано: "В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе". И вот когда мы их исправим, тогда в нас будет настоящая духовная жизнь. Для этого Господь и создал Церковь, для этого наши предки и построили прекрасные храмы, а святые отцы составили прекрасное богослужение. Все для этого, а не для того, чтобы мы поминали живых и умерших, записки читали.

Отпевание о.Всеволода Шпиллера

За здоровье и за упокой молятся не только христиане – и китайцы, у которых веры нет,

тоже молятся за своих усопших родственников. Какая тогда разница между китайцем и православным человеком? И те и те за упокой поминают, и те и те в храм ходят, и те и другие из храма уходят умиротворенные, с таким приятным чувством. Что же, значит, все равно, в какой храм ходить? Многие так и говорят: а какая разница? Бог один. Да, Бог один, но все люди молятся разным богам, и многие молятся ложным богам. Как лисички в лесу бывают настоящие, а бывают ложные; бывают ложные и опять, ложные и белые – все бывает ложное. И духовная жизнь тоже бывает ложная: внешнее-то существует, а внутри прогнило. Как гроб покрашенный: снаружи все хорошо, ситчиком красненьким обит, цветочки лежат, беленьким все покрыто, а что внутри? А внутри мясо гнилое. Вот так и наша духовная жизнь. Вроде человек подготовился, платочек одел, пришел в храм Богу молиться – и тут его кто-то толкнул. И что? Сразу все слетело, уже костюмчик ни при чем, причесочка ни при чем – сразу видно, что там внутри. Снаружи-то вроде все хорошо, приятно и культурно, а внутри что?

Поэтому надо менять нам внутреннее, стараться жизнь свою посвятить этому – душу свою менять. А как менять? На что? Чтобы это понять, надо прежде всего познать этот идеал, познать Христа, и сравнить себя и Христа, и увидеть, в чем разница. И эту разницу надо изменить, чтобы жизнь наша не тупо проходила день за днем, в поисках неизвестно чего, а именно осмысленно. И каждый раз, идя в храм, хорошо бы нам подумать: зачем я иду, что мне там искать? И если мы будем задаваться этим вопросом, тогда Сам Господь нам пошлет ответ: мы идем искать Христа – искать Его, находить. И единственным препятствием к этому поиску в нашей жизни является грех, который заслоняет от нас Христа.

Всякие бывают обстоятельства: и дождь, и снег, и сутолока в храме, и духота, но это не может помешать человеку, если он правильного устройства. Потому что он же пришел не толкаться, не ругаться, он пришел Христа искать. "Научитесь от Мене, – сказал Христос, – яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим". Если кто-то тебе мешает, и тебе тяжело стоять, и ты возмущаешься – ты возмущаешься не потому, что он тебе мешает, а потому, что ты гневливый, грешный человек. Будь на твоём месте Пресвятая Богородица, или Серафим Саровский, или благоверный князь Александр Невский, они бы так, как ты, не поступили. Значит, дело-то не во внешних обстоятельствах, а в тебе самом. Вот тебе и поле деятельности для твоего исправления.

Как нам узнать, в чем мы согрешаем, если нас никто не искушает, если нам никто не досаждаёт? Допустим, есть в человеке раздражительность, но жизнь его так устроена, что никто его не раздражает. Он так всю жизнь и проживет и не узнает, что в нем есть этот грех. Придет на суд Божий, а Господь скажет: Я тебя не возьму в Царствие Небесное, потому что ты раздражительный. Поэтому Господь и попускает нам искушения, то есть испытания, в которых мы можем познать действующий в нас грех и, познав его, победить в себе. А побеждая грех, мы тем самым будем начинать настоящую духовную жизнь. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
21 сентября 1986 года*

Среда седмицы 14-й по Пятидесятнице

Господь сказал Своим ученикам: "Переправимся на ту сторону. И они, отпустив народ, взяли Его с собою, как Он был в лодке; с Ним были и другие лодки. И поднялась великая буря; волны били в лодку, так что она уже наполнялась водою. А Он спал на корме на возглавии. Его будят и говорят Ему: Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем? И, встав, Он запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань. И ветер утих, и сделалась великая тишина".

Однажды Господь нам тоже сказал: давайте переправимся на другую сторону – и каждый из нас поплыл. Каждый человек, родившийся из утробы матери, должен переплыть житейское море. К этому нас понудил Господь, потому что никто не может сказать: это я сам захотел жить – и родился, и теперь живу. Каждый человек именно такого внешнего вида, именно таких способностей, дарований, такого устройства вызван к жизни Богом от определенных Им родителей.

Есть такая поговорка: жизнь пройти – не поле перейти. Поле, даже большое, перейти просто, а вот в жизни бывает очень много всяких волнений, трудностей, скорбей и болезней.

Нечто подобное испытали и ученики Спасителя. Когда Господь проповедовал Евангелие Царства Божия, чтобы народ Его не теснил, Он на лодке немножко отплыл от берега, а люди стояли по бережку, и Он мог спокойно держать к ним речь. А когда Господь отпустил народ, то прилег на корме отдохнуть и уснул. И вот началась великая буря, потому что озеро Галилейское очень большое и, когда поднимается ветер, там бывают высокие волны.

Волны стали перехлестывать через борт, так что лодка уже почти тонула. Ну, конечно, ученики испугались и стали Его будить: "Учитель! неужели Тебе нужды нет, что мы погибаем?" Мы слышим в этих словах прямо укор: как Тебе, дескать, не стыдно, мы погибаем, а Тебе вроде и нужды нет. Как же можно спать? Тут буря такая, а Ты спишь. Господь проснулся и "запретил ветру и сказал морю: умолкни, перестань". И море сразу утихло. Потом, обратившись к апостолам, Он сказал: "Что вы так боязливы? как у вас нет веры?" То есть Господь их в свою очередь укорил.

Каждый из нас вызван к жизни Богом, и Бог каждого ведет по жизни. Но если человек забывает, что он не сам по себе живет, а живет по промыслу Божию, он начинает всего бояться. Когда человек теряет веру в Бога, он живет в постоянном страхе, у него очень много всяких переживаний: как бы ему не остаться голодным, как бы не лишиться пенсии, как бы не простудиться и не заболеть. И Господь вскрывает причину этого страха – она в маловерии. Потому что, удалившись от Бога, человек не чувствует, что и волосы на голове у него все сочтены и ни один из них без воли Божией не выпадет.

Жизнью каждого человека распоряжается Господь. И если тебе надо поболеть по промыслу Божию, то ты поболеешь, как бы ты себя ни берег, сколько бы ни кутался и лекарств ни принимал. Если Господь сказал, что твой час пробил, то, какое бы у тебя крепкое здоровье ни было, ты умрешь. Человек умирает не от того, что он заболел, а потому, что Господь берет его душу. Бывает даже, в день выписки из больницы идет человек за своей картой к старшей медсестре и в этот момент умирает. Ну как же так, его же вылечили, почему он умер? А про другого говорят: он проживет два месяца – а он живет двадцать лет. Как так? Вроде болен, должен умереть – но нет, суд Божий об этом человеке иной.

Наша жизнь в руках Божиих, а все наши страхования навеваются дьяволом, потому что страх изгоняет любовь. Но истинная любовь к Богу изгоняет страх, она делает человека бесстрашным. Когда человек любит Бога всей душою своею, всем телом своим, всем помышлением, всей крепостью, он ничего не боится, потому что чувствует себя находящимся в сильной руке Божией. Чувствует, что Господь его хранит, Господь его любит, Господь его ведет. Если же человек вдруг чего-то ужасается – он сразу начинает тонуть в житейском море. Это неизбежно, потому что, когда человек впускает в свое сердце страх, неверие, это значит, он впускает в сердце дьявола, который вытесняет оттуда благодать Божию.

Сегодняшнее Евангелие говорит как раз об этом. Господь спрашивает: что ж вы так испугались? Я же с вами. Чего бояться, когда с нами Бог? А человек, по своему маловерию, постоянно ужасается, постоянно строит свою жизнь не на Боге, не на том, что он христианин, а на своих житейских предрассудках. Он почему-то считает, что, если будут у него деньги, значит, он будет счастлив; или если будет у него здоровье, значит, он будет жить долго. Или, допустим, жена думает: вот я сейчас с мужем разведусь, и у меня будет покой. Это все глупости, потому что Господь каждому дает крест в зависимости от его души, для того, чтобы человека спасти и привести в Царствие Божие. А человек строит свою жизнь не по заповедям Божиим, а по каким-то собственным причудам и даже не задумывается, а согласно ли это с волей Божией. И оказывается, что часто бывает и не согласно. Поэтому причина всех наших страхов: как бы чего не случилось, как бы чего с нами не вышло, – в маловерии. И поэтому всякий страх – это есть грех, это есть отступление от Бога.

Кто-то спросит: а почему же Господь заложил в нас страх? Ведь это естественное чувство, которое нам свойственно. Для чего оно существует в сердце человека? Действительно, страх должен быть в нашем сердце, но совершенно иного рода – страх Божий. Иметь страх Божий означает бояться нарушить заповедь Божию; означает жить так, чтобы каждую секунду бояться: как бы я чем Бога не обидел, как бы я чем Бога не оскорбил, как бы я чего-нибудь такого не сделал, что Господь от меня отвернется. И свою природную способность к страху нужно направлять именно на это. В остальном же мы должны жить совершенно спокойно, зная,

что без воли Божией с нами ничего не произойдет.

Если что с человеком и случается, это бывает только по двум причинам. Во-первых, как следствие греха. И если человек внимательно подумает, помолится Богу, то увидит, что чаще всего, в девяноста девяти случаях из ста, виноват он сам. Но бывает один случай из ста, когда действительно человек прямо не виноват в том, что с ним произошло, но для развития его души ему необходимо это потерпеть. Потому что Царствие Небесное такого свойства, что туда можно войти только с чистой душой, как в Евангелии говорится: в брачной одежде, то есть обязательно к этому вхождению нужно приготовиться.

Вот, допустим, живет на свете человек малодушный, а Господь хочет, чтобы он свое малодушие преодолел и стал бы мужественным, вместо трусости приобрел бы храброе сердце, потому что для жизни в Царствии Божием именно этого ему не хватает. И чтобы он это мужество в себе воспитывал, Господь постоянно будет ставить его в такие ситуации, где ему нужно мужество проявить. Чтобы оно в его сердце закрепилось, а трусость из его сердца ушла. Чтобы он всю надежду свою учился возлагать на Бога, а не на какие-то свои слабые силы и потуги. Сила Божия совершается в немощи. И когда человек познает собственную немощь, он себя вверяет Богу: Господи, Ты Сам меня управь, Ты Сам меня сохрани, Ты Сам меня спаси.

Только избави нас Бог согрешать, потому что тогда Господь Свою охраняющую руку от нас уберет и мы будем терпеть наказания за наши прегрешения, то есть будем сами вызывать гнев Божий. Если человек совершает какое-то преступление и его сажают в тюрьму – разве Бог здесь виноват? Нет, конечно, человек виноват сам. Но бывает, что человек не ворует, живет честно, а его оклеветали и посадили в тюрьму ни за что. Хотя, может быть, все-таки в детстве или в юности он что-нибудь и украл, и ему ничего за это не было, и вот сейчас, спустя двадцать лет, Господь желает его спасти и дает потерпеть за то, что он совершил много лет назад. Но даже если человек сидит ни за что, он должен задать себе вопрос: а зачем мне надо обязательно посидеть в тюрьме? И если он поразмыслит, то быстро поймет: как зачем? во-первых, я не ценил то, что у меня была хорошая семья; во-вторых, я недостаточно любил своих детей, недостаточно хорошо их воспитывал и мало уделял им внимания. Я не радовался тому, что у меня хорошая работа и я в добрых отношениях с сотрудниками. У меня было телесное здоровье, а я употреблял его не во славу Божию, а на грехи. И Господь по милости Своей, видя, что я человек вообще-то не плохой, желает меня от этих грехов оградить. Вот Он и избрал такой путь: взял меня, вырвал из одной среды и пересадил в другую, чтобы меня спасти. Пусть я посижу лет пять-десять, но, хоть это и тяжело, и очень болезненно, и скорбно, зато моя душа спасется.

То, что Господь с нами творит, это всегда нужно. То, как Господь нас ведет, это всегда нам необходимо и бывает всегда по двум причинам: либо как следствие нашего греха, либо как помощь Божия для нашего спасения, для улучшения устройства нашей души. Поэтому и в том, и в другом случае надо принимать с радостью то, что Господь нам посылает, а всякий страх изгонять. Что самое страшное может с нами случиться? Чего больше всего боится человек? Смерти. Но ведь боимся мы или не боимся, рано или поздно, а мы все равно умрем. Тогда чего бояться? И так ли уж важно, как мы оставшиеся пятнадцать-двадцать лет проведем: в двухкомнатной ли квартире или в трехкомнатной? в холодной ли, в теплой ли? в Сибири ли или в Ленинграде? Неужели стоит из-за этого копыя ломать, всю жизнь свою коверкать? Гораздо важнее, как мы умрем. С чем мы к Богу придем – вот что важно.

И хотя, может быть, умом мы все это понимаем, но сердце наше слабое, вера наша еще слабее, и грехов у нас столько, что мы Бога-то и не чувствуем. Поэтому когда на нас накатывается какое-то жизненное испытание, нам кажется, что все рушится. Очень часто у нас бывают такие панические состояния, когда мы думаем, что все пропало. Что тогда делать? А надо делать то, что сделали ученики Христовы. Им казалось, что Бог спит и они погибают, – и нам тоже иногда кажется, что Бог заснул, что Бог нас не слышит, что Бог далеко. А Господь рядом, и Он все прекрасно знает, и Он все прекрасно видит, нам только нужно к Нему воззвать: Господи, мы погибаем! Воззвать именно от всей души, из глубины, а не просто так, на авось: приду, молебен закажу Казанской, Владимирской, Скорбящей закажу и Взысканию погибших, всем четверем – может, поможет. Но все равно, даже и так Господь видит, что человек к Нему как-то обращается, хоть в такой форме, и Он готов ему помочь.

Если у нас будут тяжелые жизненные обстоятельства: какая-то у нас будет нужда, или болезнь, или трудности, или скорбь, – и на нас нападет ужас, мы должны знать, что это состояние души возникает от навета дьявола. Причина его – маловерие, а избавление от этого – в молитве: Господи, помоги, помоги! И Господь, конечно, со скорбью посмотрит на нас, что мы такие маловерные, но все-таки поможет. Вот как бывает: мама с ребеночком пошла в магазин, а чтобы его не толкали по очередям, говорит: постой здесь, я сейчас приду. Только она отошла, а он начинает кричать: мама, мама. Она говорит: ну что ты? я же сказала, сейчас приду. Нет, он все равно кричит – он как бы не верит родной матери, не верит, что она рядом. Вот так и мы поступаем по своей глупости, по своему недоверию к Богу. Мы сами лживы, поэтому нам кажется, что и Бог такой же. Но Бог-то совсем не такой, Бог верен во всем, и Его слово незыблемо. И раз Господь сказал в Евангелии, так оно и есть. И если мы, такие маловерные, но все-таки обращаемся к Богу, то Он, как мать, услышав крик своего дитя, бежит ему на помощь – хотя дитяти не помощь нужна, а ему нужно наподдать, чтобы не орал попусту, – так и Господь придет, утешит и утишит ту бурю, которая на нас накатывает.

Поэтому молиться нам нужно не о том, чтобы спастись от всяких жизненных обстоятельств, от болезней, от каких-то трудностей, а молиться нам нужно только об одном: чтобы Господь даровал нам в укрепление благодать Святого Духа. Но в силу того, что мы люди немощные, грешные, то о благодати Божией мы как-то и не вспоминаем, она нам как бы даже и неинтересна. Мы люди плотские, нам бы здесь устроиться, чтобы ничего не болело, чтобы денежки водились, чтобы все было хорошо, чтобы никто с нами не ссорился, чтобы мы со всеми жили в мире, и так вот все у нас бы текло благополучно, и здоровыми бы нам помереть. Вот такая у нас задача, и об этом мы у Бога все время и просим. А Господь хочет нам даровать Царствие Небесное. Поэтому хотя, конечно, Он и помогает нам, когда мы молимся о здравии или когда кто-то на нас нападает, но цель Его пришествия на землю не такова. Он пришел, чтобы сделать нас сынами Царства. И Господь хотел бы, чтобы мы просили только об одном: о Царствии Небесном. Он так и сказал: "Ищите прежде Царства Божия... и это все приложится вам".

Поэтому то, что будет с нами, надо просто потерпеть – значит, так Богу угодно, значит, это полезно для нашей души. И очень бы неплохо нам свое сознание перестроить именно на духовный лад, чтобы нам стремиться к духовному, стремиться к Царствию Небесному, а все трудности житейские мужественно, терпеливо преодолевать. Как говорят в народе: Господь терпел, и нам велел. А мы все ноем, мы все жалуемся, все нам не так, мы только своим здоровьем интересуемся, как будто собрались здесь, на земле, тысячу лет жить. Прямо так всех беспокоит, что с их мясом происходит, какие процессы: там кольнуло, здесь кольнуло – и уже перепугались. Трудно, конечно, болезнь переносить, но что делать? Не надо грешить. Кабы мы не жили в грехе, так и не болели бы. Кабы мы в Адаме не согрешили, мы вообще были бы бессмертны, смерть бы не понадобилась. Но смерть, как предел, для того и существует, чтобы прекратить наши беззакония.

Поэтому это все милость Божия – и болезни, и тяжелые обстоятельства. А если уж нам неволею, то надо не стараться уваливать, потому что уваливать некуда. Вот плывем мы по этому житейскому морю – куда тут прыгнешь? Кругом волны: направо прыгнешь – волна, налево – волна. Куда нам деваться? Только к Богу: Господи, помоги, Господи, утиши, Господи, Ты меня вразуми, Господи, Ты придай мне терпения. Все наше спасение – в Боге. И для этого Господь и посылает нам всякие испытания, чтобы нас немножко к Себе обратить. Потому что будь у нас все спокойно, все хорошо, все сытно – Бог уже окажется совсем не нужен. Вот во Франции, говорят, тысячи храмов закрываются, и не то что насильно – нет, просто в них перестают ходить, они никому не нужны. Ну зачем человеку Бог, когда деньги есть, две машины есть, двухэтажный дом есть, три жены есть – что еще нужно? И так все хорошо, здоровье отличное, а если что-то заболело, есть прекрасная больница.

Поэтому когда Господь любит человека, Он ему посылает испытания, чтобы возбудить в нем покаяние, чтобы человек как-то немножко встряхнулся, подумал: может быть, я чем-то согрешил, может, я в чем неправ. Если у нас случаются какие-то скорби, это значит, что Господь нас любит, Он, значит, нас зовет к Себе, Он хочет, чтобы мы Ему помолились. Потому что когда у нас все хорошо, мы и молимся с трудом. Откроем молитвослов и зеваем: "Святой

Боже, Святой Крепкий", – а сами о чем-то думаем. А когда у нас что-то болит, или кто-то в тюрьму попал, или когда дочка запила – тут уж молитва совсем другая пошла. Тут уж и молимся со слезами, тут готовы и поклоны класть, и к каким-то знаменитым батюшкам съездить или в монастырь, думаем, куда бы что подать, где бы что заказать – совершенно другая жизнь. Почему? Господь тронул за живое.

Мы сами ничего не делаем, поэтому не надо обижаться, когда Господь нас как бы заставляет немножко помолиться. Наоборот, надо радоваться, потому что иначе нас не заставить. Нас немножко, чуть-чуть в Царствие Небесное надо подталкивать. И Господь так и делает. Поэтому будем благодарить Бога за Его бесчисленные милости, будем радоваться, когда на нас падают какие-то испытания. А если уж нам неважно, если мы такие маловерные и не можем потерпеть то, что с нами приключается, то мы всегда можем Богу помолиться: Господи, нет сил уже терпеть, помоги. И Господь Сам управит. Господь увидит, что действительно изнывает человек, тяжело ему, и Он поможет – если не совсем, то хотя бы облегчит.

Поэтому всегда надо стараться жить так, чтобы всю свою жизнь Богу вверить. И Господь нашего упования не посрамит. Аминь.

Крестовоздвиженский храм,

24 сентября 1986 года

Память Преподобного Сергия Радонежского

Сегодня мы прославляем преподобного Сергия Радонежского, великого во святых, поэтому читалось Евангелие о заповедях блаженства. Господь призывает нас к высокому совершенству. Он говорит: "Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный". И сегодняшнее Евангелие показывает, в чем это заключается – "блаженны нищие духом", блаженны алчущие и жаждущие правды, блаженны те, кто плачет о своих грехах. Когда человек идет по этим ступеням блаженства, он достигает совершенства.

"Блаженны нищие духом". Обычно средний человек считает, что он хороший или уж, во всяком случае, лучше многих. Но тот, кто находится в таком чувстве, не может достичь духовной жизни. Ее основа есть нищета духовная. Человек должен сознавать себя не только хуже всех остальных людей, а хуже всякой твари. И не потому, что он что-то себе придумает или поддастся самовнушению. Нет, это сознание приходит, когда у него открывается духовное зрение.

Действительно, возьмем любого человека и сравним его с насекомым. Ну конечно, насекомое не делает таких грехов, как человек. Оно поступает точно по тем заповедям, которые дал ему Бог: питается тем, что ему Бог предназначал; ест столько, сколько ему надо; размножается так, как это ему заповедано Богом. Вся его жизнь может быть поставлена в пример. Человек гораздо хуже насекомого: какие безобразия он совершает, как он извращает свою природу, как губит себя, уродует. То есть чтобы подняться хотя бы до уровня насекомого, нам нужно пройти очень сложный путь духовного развития. А ведь насекомые Царствия Божия не наследуют. И многие люди – действительно хорошие, которые не делают никому никакого зла, а даже иногда делают кому-то какое-то добро (детям своим, племянникам, подруге на работе), – они тоже не наследуют Царствия Божия, потому что это удел только святых.

Святость – это значит, что пришла к человеку благодать Божия. Свят ведь один Бог. Значит, если человек имеет в себе свет Божий, то он свят. А как почувствовать в своем сердце благодать Божию? В чем проявляется то, что человек начинает жить духовной жизнью? Апостол Павел говорит: "Плод духовный есть любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание". То есть когда человек стремится к духовной жизни, она приносит вот такие плоды. А если этого нет, то и никакой духовной жизни нет.

Дальше апостол говорит: "Те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями". В нашей плоти гнездятся всякие страсти: зависть, чревоугодие, тщеславие, сребролюбие. И тот, кто Христов, то есть святой, он свою плоть распинает. Господь Сам дал нам этот образ. Он добровольно, взяв на Себя наши грехи, распял Свою плоть на Кресте, тем показав, как и нам нужно свою плоть распинать. Мало ли что ты хочешь? Мало ли что ты считаешь нужным? А надо делать так, как Бог велит. И все свои греховные желания надо

именно распинать – тогда ты будешь Христов.

"Если мы живем духом, то по духу и поступать должны". Если человек духовный, то он и поступает духовно – живет по Евангелию, по заповедям Божиим, то есть подчиняется Богу, Который есть Дух. А если человек в чем-то противоречит Богу, то он не живет духовной жизнью.

"Не будем тщеславиться, друг друга раздражать, друг другу завидовать". Если человек раздражается, пребывает в гневе, если у него есть зависть, тщеславие, значит, в нем нет духовной жизни. А если у него есть тщеславие, зависть, раздражение, но он находится в постоянной борьбе с этими проявлениями своей души, то, значит, в нем есть духовная жизнь. Дух Божий противится духу греха, духу бесов – и человек своим духом старается уничтожить в себе грех. Человек, который постоянно противится живущему в нем греху, является соратником Божиим. Христос пришел победить грех – поэтому каждый, кто непрестанно борется с грехом, является Христовым учеником, воином Христовым.

К сожалению, у нас, как у людей начинающих, духовная жизнь идет пунктиром: то мы грешники, то мы святые; то мы грешники, то мы святые. Вот встали утром, помолились, взяли за дела. Пока все идет хорошо, памяти о Боге мы не теряем. Но стоит сыну или внуку сделать не по-нашему, и мы тут же закипаем, нам хочется стукнуть, наорать, что часто и происходит. Если мы устоим в искушении, если не совершим никакого зла, хотя оно в нас кипит и мы готовы убить виновного (как нам знакомо такое чувство!), если мы все-таки будем поступать в духе кротости, то мы исполним закон Христов. Как апостол Павел нас призывает: "Братья! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости". А если мы поддадимся нашим греховным чувствам, то, значит, мы дадим волю дьяволу, который в нас сидит. Мы опять падём, и весь день наш пойдет насмарку, потому что только "претерпевый до конца, той спасен будет". Спасен от греха.

Когда человек гневливый на протяжении дня, недели, месяца, года, десятилетия, всей своей жизни не дает вырваться из своих уст слову гнева, то этот гнев в нем исчезает. Страсть уходит, он эту страсть душит. Вот как огонь можно водой заливать, а можно накрыть одеялом – и тогда без кислорода все сразу погаснет. Так и любую страсть: если ей не давать волю, то она постепенно будет заглушаться, заглушаться, а потом погаснет совсем. Но к сожалению, мы страсть то глушим, а то снова даем ей волю, снова это одеяло снимаем, и она разгорается с новой силой, и опять все сначала.

А Господь говорит: "В чем застану, в том и сужду". Когда мы будем умирать, в чем нас Господь застанет, в какой части этого пунктира – в грехе ли или в святости? Это зависит не от случайности. В процессе жизни человек возрастает либо в грехе, либо в благодати. Третьего не дано; не бывает, чтобы он задержался на каком-то уровне и так и остался. Человек либо трудится, возвращает в себе добродетели упорным трудом и через падения, искушения, какие-то духовные трудности все-таки увеличивает в себе добро. Либо наоборот: его духовная жизнь все ослабевает, ослабевает. Допустим, он начинает молиться Богу и борется с посторонними мыслями, с рассеянностью, напрягает свой ум. Проходит год, напряжение слабеет, человек привыкает рассеянно молиться, а потом уже просто отчитывает молитвы. Прочитал – и все, и дело с концом; а в голове-то ничего не осталось. Спрашивается: что ж, жизнь прошла, а у тебя все мимо?

Поэтому в каждой добродетели нужно обязательно упражняться, тогда Господь, придя, застанет нас в тот момент, когда мы пребываем в бодрости. Господь так и говорит: добрый раб не знает, когда придет хозяин дома, он всегда бодрствует, а ленивый раб спит. Сколько трудов кладем мы, чтобы квартиру прибрать, что-то приготовить, вообще устроить свою земную жизнь, а о жизни небесной совсем не помышляем, все проходит как-то мимо. А надо и это, конечно, делать, но и того не оставлять. Потому что жизнь духовная, жизнь небесная – это гораздо важнее, ведь здесь мы живем краткий миг, а там будем жить вечно.

Вот как далее апостол Павел говорит: "Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную". Человек, который не вкусил благодати Божией, будь он трижды хорош, будь он самый симпатичный и милый на земле, никогда в Царствие Божие не войдет. В Царство Божие входили и убийцы, и прелюбодеи, и разбойники, и князья, и нищие – разные

люди совершенно, из разных состояний души, но они все были святы. Какие только преступления некоторые из них не совершали! А когда очнулись и начали новую жизнь, они смогли в себе грех победить и приобрели благодать Божию.

Святой – это не значит безгрешный. Святой – это тот, кто непрестанно находится в борьбе с грехом. Иногда, по милости Божией, грех совершенно отступает от человека, но это бывает с избранныками Божиими, у которых уж очень большая решимость и очень большая любовь к Богу. А для нас, обычных людей, эта борьба против греха должна быть уделом всей нашей жизни, начиная от младых ногтей и кончая смертным одром. Иначе, хотя мы, возможно, никого не убили, никого не ограбили, но Царствия Божия мы не увидим, потому что ничего не делаем для того, чтобы его увидеть. Оно нам как бы не нужно, мы все пытаемся здесь свою жизнь организовать. Но даже если мы здесь все прекрасно устроим, помирять нам все равно придется, и это наше прекрасно организованное устройство придется здесь оставлять. А жизнь духовная имеет вечное продолжение. Поэтому в грехе жить невыгодно и глупо.

"Кто почитает себя чем-нибудь, будучи ничто, тот обольщает сам себя". Это опять о смирении. Если бы Бог устроил все справедливо, взыскивал с нас за каждый грех, то мы ни одного часа не прожили бы на земле. По нашим грехам ничего хорошего мы просто не заслуживаем. И если мы еще живем, и солнышко светит, и мы хлеб можем в магазинах купить – это чудо и неизреченная милость Божия. Просто удивительно, как земля еще рождает хлеб, потому что, когда землю пашут, ее не молитвой и слезами поливают, а матом. Мы сами хлеб не сеем, не жнем, а едим – разве это не чудо? Мы не ткем, обувь не шьем, а обуты и одеты – разве это не чудо? Нам все дано, хотя мы этого совершенно не заслужили, не создали, не заработали. Кто-то, тети и дяди, нам это делают, а мы еще разбираем: ага, это плохо, это нехорошо. Плохо тебе – сшей, сотк%и сам. Мы все получаем даром: и жизнь свою мы даром получили, и веру. По грехам своим мы недостойны даже в телогрейке ходить и в резиновых сапогах, а каждый из нас квартиру имеет, одежду, обувь, еду. Будучи нравственно гораздо хуже насекомых, мы тем не менее живем в шикарных условиях, да еще нам мало: видите ли, у нас здесь дует, видите ли, воды нет, лифт не работает.

А почему мы всем недовольны? Потому что по глупости своей, по неразумию, в ослепленности гордостью считаем, что заслуживаем лучшей участи. Поэтому мы постоянно требуем – от детей, от внуков, от начальников на работе, от жизненных обстоятельств. Мы все время в недовольстве, раздражении. Поэтому, если мы хотим вступить на путь святости, на путь приобретения благодати Божией, нам нужно прежде всего искать смирения. Нужно считать себя недостойным не только Царствия Небесного, а недостойным и в храм ходить, и молитвенник раскрывать, и вообще среди людей жить. А если мы не приобретем смирения, то наша жизнь окажется бесполезна. Если у нас вместо смирения будут гордость и тщеславие, то любая добродетель наша пойдет нам во вред. Хоть ты облагодетельствуй все человечество, пусть миллионы людей будут у тебя в долгу – но что толку. "Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?" Смирение есть та основа духовной жизни, без которой невозможно спасение.

Как же смирение ищется? Прежде всего через терпение. Надо терпеть свое раздражение, свое недовольство и постоянно напоминать себе о том, что ты хуже всех. А чтобы увидеть себя таким, надо просить у Бога: Господи, открой мне мои грехи. И когда Господь покажет тебе твои грехи, ты уже не будешь других осуждать, не будешь ни на кого раздражаться. Потому что как можно раздражаться на человека, если ты хуже его? Ты будешь просто не вправе раздражаться, и у тебя действительно раздражение уйдет. Смирение есть лекарство от многих и многих страстей и грехов. Поэтому нам нужно стараться его приобретать.

Мы, будучи злыми по своей натуре, должны стараться делать добро. И, как апостол Павел нас призывает, "делая добро, да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем". То есть надо доводить дело до конца. Вот представим себе человека, который подобрал калеку, шестьдесят пять лет его мыл, одевал, кормил, а потом сказал: нет, Господи, больше не могу, я его отдам куда-нибудь или отнесу на улицу, туда, где его взял. Получит этот человек награду? Нет, не получит, и все эти шестьдесят пять лет пропадут даром. Потому что если мы рубашку постирали, а воротник остался грязным, разве кто-нибудь скажет, что эта рубашка чистая? Нет, конечно. Или висела люстра двести лет, потом упала и разбилась вдребезги – все, это уже не

люстра. Если человек всю свою сознательную жизнь был свят, а потом пал, то, чтобы вернуть себе потерянное, ему нужно начинать все сначала. Поэтому каждое духовное делание надо обязательно доводить до конца. Очень важно до конца сохранять эту верность Богу и, когда делаем добро, не унывать. А чтобы не унывать – опять нужно смирение. Нужно все время считать себя хуже всех и достойным худшей участи.

Тогда и все остальное можно наращивать потихонечку: стараться молиться, почаще в храм ходить, почаще Евангелие читать. Если представляется случай сделать кому-то добро, ни в коем случае эту возможность не упускать, а с радостью ее использовать. Обычно у тех, кто только начинает в церковь ходить, возникает вопрос: с чего начать? Один книжку дал, другой сказал Богородичное правило читать. Съездил в Лавру – там велели поклоны делать, триста штук. И человек обычно в растерянности. В Евангелии, которое мы сегодня читали, Господь говорит: нельзя наливать новое вино в мехи старые. Потому что вино молодое будет бурлить, бродить, и старые мехи прорвутся. Нам более понятна другая притча, которую тут же Господь сказал: к ветхой одежде ставят такую же ветхую заплатку, потому что если мы к ветхой одежде пришьем заплатку из новой ткани, то новая ткань раздерет ветхую одежду, и будет дырка еще больше. Эта притча учит, что не надо брать на себя то, что нам не по силам. Прежде чем в нас вольется новое вино благодати Божией, нужно свою душу подготовить подвигом, чтобы избавиться от страстей, от ветхости своей. Поэтому духовный труд должен быть постепенным. Есть такое старое монашеское правило: если ты увидишь, что молодой монах из всех сил стремится на небо, возьми его за ноги и стяни на землю. Потому что если человек, не умея летать, залетит слишком высоко, он может оттуда упасть и разбиться вдребезги.

Шествие в духовной жизни должно быть постепенным, от простого к сложному, и никогда не надо на себя брать больше, чем мы можем сделать. А то многие на себя наберут-наберут, а потом бросают все и ничего не могут уже сделать. Вот то, что понял, то, что усвоил, то, что попробовал, – то и делай. Если годик прошел и твое делание стало тебе привычным и легким, можешь немножечко прибавить. И так во всем: и в посте, и в молитве, и в чтении Писания, и в делании добрых дел. Во всем нужна мера, а мы по нашей гордости, по тщеславию, по неразумию, глупости всё стремимся куда-то. Вот Псалтирь по кругу читают – и я буду. Мне четки подарили – значит, я буду по четкам молиться. Я читаю одну главу из Евангелия, узнал, что кто-то по пять читает – значит, и я буду так читать. Кто-то куда-то съездил – и я туда поеду. И в результате человек не приобретает ничего.

Дерево не может расти с макушки, а от корня, постепенно. Сначала зелененький росточек, потом обрастает корой, потом долго-долго растет, пока плодов не будет. Вот сколько дуб растет, пока на нем желуди появятся. Так и человек-христианин. Не надо нам удивляться тому, что у нас молитва рассеянная, что у нас ничего не получается, что мы скользим и падаем. Многие говорят: вот уже сколько времени прошло, а я все ни с места. Что ж тут странного? Мы только начинаем, мы еще ничего не поняли, ничего не создали. Этот процесс должен быть поступательным. Если произойдет иначе, то будет обязательно надлом, и вино прольется – молодое вино благодати Божией раздерет нашу греховную, ветхую плоть.

Поэтому святые отцы говорили: если кто начинает богословствовать или стремится к чистой молитве, не освободив свое сердце от страстей, – это путь к безумию. Не то что молитва Иисусова приводит к сумасшествию – нет, она не может привести к сумасшествию, – но неправильный образ жизни. Допустим, человек ежедневно читает "Отче наш": "И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим". И тут же он на кого-то обижается и не прощает ему. Только что Богу говорил: прости мне мои грехи, как я прощаю, – а сам не простил. Значит, он ставит себя в такие условия, что Бог его не прощает. А что это значит? Это значит, что тот грех, который он совершил, останется на нем. И человек очень быстро под грузом грехов падает и потом удивляется: в чем тут дело? А дело в том, что он вроде молится, Богу угождает, а в действительности живет не так, как Бог заповедал.

Поэтому если мы ходим в храм, причащаемся Святых Христовых Таин, но жизнь наша не меняется, мы продолжаем жить в своих грехах, не боремся с ними, то мы готовим себе страшную участь. Потому что тот, кто не знает и не делает, тот биен будет, а тот, кто знает и не делает, биен будет больше. С нас, с верующих, спрос гораздо больше, потому что мы знаем, читаем, слушаем. Поэтому нужно стараться, чтобы это поступательное движение к святости, к

благодати Божией у нас обязательно было, чтобы у нас в душе постоянно был духовный труд. Вот тогда каждый – не как преподобный Сергей, а хоть в свою меру – достигнет благодати и сможет достичь Царствия Небесного. В Царствии Небесном обителей много, у каждого своя: у Сергия одна, у Серафима другая, у Матери Божией еще выше обитель. И у нас пусть где-то с краешку, пусть самая последняя, но все-таки будет там, потому что между Царствием Небесным и преисподней огромная пропасть, которую никто не может перейти. Поэтому лучше быть последними, но там, в Царстве.

И вот если мы окажемся верны Богу, если несмотря на усталость, на собственное неразумие, слабость душевную мы все-таки будем усердствовать, все-таки будем желать Царствия Небесного, трудиться для него, то Господь по милости Своей нам поможет. Он знает наши немощи лучше нас. Более того, Он всех нас хочет спасти. И для каждого рождающегося на земле человека уже есть обитель на небесах. Только по собственной любви ко греху человек в нее не входит. И Господь тогда ждет, чтобы новый человек на земле появился: может быть, он эту обитель наследует. Все человечество живет только для того, чтобы заполнить обитель, которую создал Господь.

Поэтому каждый, кто потрудится, тот туда входит, а кто ленив на духовное, тот идет в преисподнюю, в геенну. Вот строят дом, материал завозят, распиливают доски, делают полы, крышу, стены – и остались обрезки. Куда их девать? Их распиливают, сушат, а потом в печку, потому что они больше ни на что не годны. И человек, который не стяжал благодати Божией, – он, собственно, ни на что не годен. В нем только один грех да гнилое мясо, и все. Это только в печку, больше никуда. Поэтому не надо удивляться, что существует геенна огненная. Все хорошее, все доброе уже обстругано и пошло в дом, в домостроительство спасения человека. А что гнилое, что не годится, что само себя истребило – то надо порубить, высушить да и сжечь.

Мы не доски, мы не поленья, мы живые существа. И каждый из нас сам может либо занять место в том доме, который ему Господь уготовал, либо сгнить – и тогда уже только в печь. Поэтому каждый из нас сам решает свою судьбу. Вот преподобный Сергей решил свою судьбу – ушел от мира, стал Богу молиться и очистился от грехов. Он стал "добродетелей подвижник", все добродетели, которые только возможны, приобрел. И не только себя спас, но и сотни и сотни людей. Масса его учеников стали святыми, и ученики учеников тоже стали святыми. Он своей святостью наполнил всю Россию. Всю Россию монастырями покрыл, вернул ей духовный стержень. Поэтому Россия смогла от татар освободиться. А не было бы этого, все бы так и сгнило, превратились бы мы в холопов у татар.

Вот так и нам надо, как Сергей. А вокруг нас злоба, распри, ненависть, зависть, какие-то пересуды, осуждение, крики. Почему так? Да потому, что мы в этом котле кипим. А если бы мы сияли благодатью Божией, вокруг нас люди тут же в святых бы превращались, тут же. Потому что невозможно при святом человеке скверное слово произнести, потому что присутствие благодати Божией человека перерождает. Вот недавно мне рассказали: один батюшка пришел навещать жену в больницу. А соседка по палате как-то почувствовала, что он священник. И интересно, как на нее это подействовало. Она тут же пошла к мужу, который лежал в этой же больнице, и они поругались, – и попросила у него прощения. Никто ничего ей не сказал, никто не уговаривал, но сама благодать Божия вошла и вот так благотворно на человека подействовала.

Благодать Божия перерождает человека, она заставляет его делать добро. Поэтому если у нас в семье ссоры, свары, драки, еще какие-то неурядицы – это происходит не от того, что люди все плохие, не слушаются, не понимают, а оттого, что у нас нету благодати Божией, нету этой силы, которая могла бы все переродить. Если вокруг нас в мире, в городе, в подъезде – зло, скандалы, пьянство, это оттого, что мы обессилели, у нас благодати не хватает на самих себя, не то что на детей, на внуков, на племянников. Поэтому нет ничего удивительного, что у нас неверующие дети. Вера – от благодати, а если у нас, как у юродивых дев, елея настолько мало, что себе-то не хватает посветить – живем во тьме, в грехе, в зависти, в злобе, в осуждении, в гневе, в блуде, – то что там говорить о ком-то еще. Какими словами можно кого-то в чем-то убедить? Нет, слова не убеждают, убеждает только благодать. Поэтому как ни говори, какой оратор красноречивый ни будь, это все как об стену горох. Только благодать есть истинное свидетельство. Поэтому цель нашей жизни – стяжание благодати. Вот тогда мы будем святы. А

будем святы – достигнем Царствия Небесного. Аминь.

Крестовоздвиженский храм,

8 октября 1986 года

Пятница 1-й седмицы Великого Поста

Мы совершили сегодняшнее богослужение, и сердца наши умилились, умягчились молитвою ко Господу, потому что все православное богослужение покаянное. Это нужно для того, чтобы нам прийти в чувство – чувство сознания нашего греха перед Богом.

Грех есть всякое противление воле Господней. Каждому из нас Бог хочет Царствия Небесного, каждого хочет спасти, а мы все хотим своего и из-за этого всячески спасению сопротивляемся, идем против рожна. Поэтому в нашей жизни очень многое происходит не так. Нам все чего-то хочется, мы стремимся к чему-то, а оказывается, надо совершенно другое делать. Господь премудро наше спасение старается устроить, Он нас жалеет, любит, и мы должны осознать всю свою неразумность перед Богом, увидеть, сколько мы совершаем грехов оттого, что в нас кипят всякие страсти: и гордость, и зависть, и гнев, и сребролюбие, и чревоугодие, и блудность, и уныние, и любовь к излишним словам.

Но самое главное, в чем извращена наша природа, состоит в том, что мы любим только себя. А Господь дал нам две заповеди, с помощью которых мы можем войти в Царство Небесное: надо научиться любить Бога и ближнего своего, как самого себя. Важно именно как самого себя. Потому что вообще-то мы людей любим. Редко бывает, что человек такой злодей, так всех ненавидит, что желает убить. Нет, обычно каждый добр и к своим детям; или идет по улице, видит, кто-то упал – ну, конечно, подойдет, поднимет; попросят займы – даст. Каждый за собой знает очень много добрых поступков, но этого крайне мало, потому что надо ближнего любить, как самого себя.

Мы многие вещи любим: и поесть, и поспать, и когда нас хвалят; любим книги интересные или интересные передачи по телевизору; может, кто любит в гости ходить или сам угощать. Много мы вещей любим, и людей любим, но себя все-таки больше, вот в чем вся беда. Господь нам заповедал не делать другому того, что не хочешь, чтоб он сделал тебе, а мы часто к другим людям относимся с недостаточной любовью, хуже, чем к самим себе, поэтому о них совершенно не думаем. Ну самый ближайший пример: вот аналой стоит, крест, Евангелие, исповедь идет. Подходит человек благочестивый, верующий, любящий Бога – и забывает обо всем: что за ним стоит толпа из ста человек; что люди нервничают из-за того, что служба задерживается – может, кому домой надо скорей спешить; что батюшке тоже во время службы нужно хоть немножко, хоть пять минут помолиться, а не всю службу у исповеди простоять, он и так бегаёт туда-сюда. Человеку дело только до себя: как, да что, да почему, да зачем – я вчера, нет, не вчера, вы знаете, позавчера, и вот я позавчера поехал, я там это сделал... Совершенно не относящиеся к исповеди вещи. Или начинает раскланиваться: один земной поклон сделает, другой земной поклон сделает, а остальные все ждут.

Почему это происходит? От недостатка любви. Потому что человек думает только о себе: вот я, вот крест и Евангелие, вот мой батюшка, и мне надо от него и совет получить, мне надо ему покаяться. Только я, а все остальные, которые вокруг меня стоят, – это какие-то пни. Иногда эти пни меня задевают; а если стоит и мне мешает, я вот так рукой его отодвину. Часто наблюдаешь страшную картину, как к кресту люди подходят, например. Каждый хочет приложиться губами к изображению распятого Христа Спасителя и при этом отталкивает других. Так этот же самый Христос и сказал: "Люби ближнего, как самого себя"! Но человек, прикладываясь к Его кресту, совершает преступление – нарушает эту любовь. Христос пришел для того, чтобы научить любви, а тут прямо наоборот. Лучше совсем не подходить, чем подходить вот так.

Так же и у Чаши, и так во всем. То есть у нас нет смирения, нет видения другого человека, нет понимания, что ближний – это не просто предмет, одетый в пальто и платок, а живой человек, у него своя душа, своя боль. У него дома скандалы, может быть; или он очень тяжело болен; или у него жизнь так сложилась, что страшно представить – если бы нам такое, мы бы давно бы уже умерли, а вот его Господь хранит по каким-то причинам. Мы не чувствуем, что

вокруг нас живые люди; не просто предметы, которыми можно как-то управлять, а каждый человек – это величайшая драгоценность перед Богом, каждый человек стоит любви. А у нас, в силу нашего помрачения, все обращено на себя: мои дела, мои заботы, как я себя чувствую. У некоторых это чуть дальше распространяется: моя жена, мои дети. А уж дальше это редко кто: там мать или отец – об этом почти никто и не думает, они уже считаются дальними родственниками, не говоря о братьях, сестрах.

Вот такая беда. Это и есть, собственно, грех, который над нами властвует. Это есть то беззаконие, которое распяло Христа. Потому что Христос пришел в мир, чтобы показать людям Свою любовь, научить их любви, а люди из зависти Его распяли. Вот так же стояли, такие же простые мужики, бабы. Их научили, и они кричали: "Распни, распни Его!" – и показывали пальцем. Неделю назад кричали: "Осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне!" – а через неделю: "Распни, распни Его!" Как настроят их, так они и идут. Нету ни рассуждения, ни любви, ни смирения, ни понимания, живут как в чаду каком-то. И так же и мы с вами. Мы все время забываем, для чего Церковь существует на земле – чтобы нам научиться любви, преодолеть рознь мира сего, стать воистину братьями и сестрами во Христе, почувствовать это. А у нас желание весь мир подчинить только себе, использовать только для себя.

И вот человек-грешник, который весь мир вроде поставил на службу себе, – он все и изгадил, потому что не относится к миру как к дару Божию. Стремление только потреблять: мне надо дерево, значит, спилю; мне нужно еще что-то, значит, добуду; а после меня хоть потоп. Абсолютно наплевательское отношение. Отчего это происходит? От недостатка любви и от недостатка понимания, от того, что человек обращен только на себя. И это зло выражается в чем угодно. Вот, например, один человек ругает другого. Ну, допустим, тот даже виноват, но ты-то сам грешник, как же ты можешь другому говорить, что он такой-сякой, когда ты сам такой же такой-сякой и даже еще хуже? А у нас это постоянно, нам только бы свое отношение заявить. Вот в нас кипит – и нам надо обязательно выплеснуть.

Если нам нравится человек, мы готовы его ласкать; если не нравится, мы его отодвигаем. Возникло чувство зависти – значит, завидуем; возникло чувство блудное – значит, услаждаемся; если увидели какую-то вещь и нам хочется ее – значит, мыслим, чтобы нам только ее заполучить. И так во всем, мы живем только чувствами, а они воспаляются от геенны, от ада преисподнейшего, от нашей греховной, падшей природы. А нам надо стараться жить не по чувствам, а по заповедям Божиим. Есть заповедь – и надо ее исполнять; понимаешь не понимаешь, хочешь не хочешь, можешь не можешь – а надо.

И если мы будем заповеди Божии исполнять, то постепенно наша жизнь начнет исправляться, а если не будем исполнять заповеди Божии, то все как один погибнем. Что значит погибнем? Значит, мы, несмотря на нашу веру, в Царство Небесное не войдем, потому что и бесы тоже веруют, но не могут они в Царствие Небесное войти, будучи злыми по своей природе. Нам наша жизнь дана, чтобы мы не просто ее проели, пропили, прожили, а чтобы мы все время копили добро. Как Господь говорит: в Бога надо богатеть. Надо постепенно самого себя из скандалиста, раздражительного, блудного, нахального, жадного, еще всякого человека превратить в существо кроткое, спокойное, смиренное, нераздражительное, любовное, уважающее другого человека, уважающее его бесценную свободу. А мы постоянно посягаем на свободу других людей.

Часто слышишь: батюшка, что бы мне такое сделать, чтобы кого-то из своих домашних в церковь притащить? во что бы то ни стало заставить его креститься, насильно, насесть на него. Но если Сам Господь Иисус Христос его не тащит на аркане, то какую ты имеешь наглость так к человеку относиться? Может быть, он не хочет Царствия Небесного. Как ты можешь заставить, если Бог, величайший Бог, всемогущий Бог не нарушает свободу другого человека? А у нас нет, раз я полтора года назад стала ходить в храм, и он должен. У нас своеволие: наш любимый человек в храм не ходит, и мы от этого терпим скорбь, но вместо того, чтобы с этой скорбью смириться, мы начинаем нудить его, приставать, превращать жизнь его в ад, и он в результате еще дальше отвращается. Вместо того чтобы молиться, чтобы Господь его спас, мы, наоборот, все время зудим, зудим, пока мысль о Боге вообще у него муку не вызовет. У нас даже в делах веры и то этот эгоизм проявляется: только бы добиться своего, причем во что бы то ни стало.

Мы живем среди людей, в городе, где десять миллионов человек, но уже перестали их замечать, для нас это не люди, а предметы. Вот что с нами грех наделал. И в семье у нас рознь, непонимание, злоба, раздражение, потому что мы не имеем ни кротости, ни любви, ни терпения, ни послушания, ни уважения к свободе человека. Нет у нас понимания, как должен жить христианин. Христианин должен быть, как овечка, кроткий. Овечка, она же никогда не рычит, не грызет никого, она только терпит, у нее такая участь. И в то же время мудрость надо иметь. Как Господь сказал: "Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби". Потому что часто жизнь нам такие ребусы предлагает – и как их решить, как поступить, что делать? Вот так сделать вроде нехорошо, и так сделать нехорошо. Сколько же требуется нам рассуждения! Это дар, необходимый для нашей жизни. А еще надо молиться Богу, как апостол Иаков нам заповедал: кто не понимает, как ему быть, пусть просит у Бога: Господи, вразуми меня так поступить в данной ситуации, чтобы было по Твоей заповеди. А у нас только горение: вот я хочу, и мне надо этого добиться.

Некоторые так и делают – к одному батюшке подходит: "Батюшка, благослови". А батюшка говорит: "Нет". Он к другому: "Батюшка, благослови". Опять нет. Он к третьему – ну а третий уж благословит. Господь видит, что человек не вразумляется, не хочет волю Божию исполнить, а ищет обязательно своего, и дает: хочешь свое творить – твори. Попускает ему плыть по тому пути, который он избрал. А потом бах об стену. Как же так, меня же батюшка благословил, а вот что вышло? Да потому что ты искал-то не воли Божией, а искал своего. Все получается наоборот, потому что клещами все вынимается. Нет чтобы трепетно думать: в чем воля Божия? как мне угодить Богу? как мне хорошо поступить, чтобы Господь Иисус Христос не плакал бы, а радовался, глядя на меня?

Постоянно надо ставить себя перед Богом. Так же и на исповеди. Подхожу к исповеди – в чем мне каяться? Некоторые прямо мучаются: ну вот, опять батюшка сейчас будет приставать. Что же ему от меня надо? Накрыл бы скорей, да и дело с концом. А на самом деле ему ничего не надо, ему тоже надо скорей домой и отдыхать, как всем живым людям. А просто Господь хочет, чтобы наше сердце поняло: в чем грешен перед Богом? вот я сейчас приду домой, с чего мне надо начать новую жизнь? Потому что каждая исповедь должна быть таким началом, каждая исповедь должна для нас что-то открыть, какую-то очередную завесу. У нас много завес на глазах – и вот одну из них снять, чтобы свет Божий к нам был еще ближе, чтобы постепенно, потихоньку мы все просвещались, просвещались от исповеди к исповеди. А то как? Сорок лет в храм ходит – и "во всем грешен", вот и вся исповедь. Или думает: что же такое сказать? Вот надумал: двадцать восемь тысяч лет тому назад я... Вспомнил! сразу легче на душе. Хотя этим грехом давно уже человек не мучается, уже давно раскаялся.

Исповедь – это не копание в каких-то грехах, нет, исповедь есть осознание того, что меня мучает в данный момент, чем я Богу не угодил. И это есть начало новой жизни: от чего я завтра решусь отказаться ради Господа. Для этого мы и пост предпринимаем, чтобы нам учиться отказываться. Мы не едим мяса – но есть мясо не грех. Мы не пьем молока – молоко пить тоже не грех. Ничего грешного в этой пище нет, но мы как бы тренируемся, потому что, если научился отказываться от мяса, потом научишься отказываться от осуждения. "Марфа, иди сюда. Вот ты слышала..." – и пошло. А взять да отказаться: "Ты знаешь, прости, голубушка, я очень спешу" – лишь бы в этом не участвовать, не обсасывать: вот эта то сделала, эта то, у той такого цвета нижнее белье, а у этого такого. Отказаться хоть от чего-нибудь, хоть от какого-нибудь греха.

Вот я сейчас приду домой, а зять опять пьяный. Ну хоть один вечер я могу не бурчать, не злобствовать, дочь свою не заводить, чтобы она на него набросилась. Хоть что-нибудь сделать ради Господа. А то: батюшка, рыбку – грех, рыбку – не грех? Как будто в масле или в рыбе Царство Небесное. Все занимаемся совершенно не тем, а нет чтобы духовное какое-то сделать усилие. Некоторые говорят: "Вот, батюшка, редко в церковь хожу". И все, год нет его. На следующий год опять пришел: "Редко в церковь хожу". Ну когда же ты будешь часто ходить? Если ты осознал, что грешен, что в церковь ходишь мало, то исправься, ходи почаще. Ну не можешь каждую неделю, как положено, ходи хоть раз в месяц, и то будет хорошо, уже шаг вперед. А то ни с места: годы идут, ведь каждый день к смерти приближает – и ничего с нами не происходит. А надо, чтобы с каждой исповедью мы делали шагочек маленький вперед,

чтобы что-то доброе в нас все время росло, а злое уменьшалось. Для этого и пост, для этого и покаяние, для этого и исповедь.

Исповедь – это удивительное орудие. Сначала в древней Церкви ее как распространенной практики не было, она началась века с четвертого и укоренилась только веку к шестому, то есть шестьсот лет люди жили без исповеди, да и сейчас живут. Во многих православных странах опять уже практически никакой исповеди нет, у нас в России немножко держится кое-где. Скоро и этого не будет, потому что никому это не надо. Нам лишь бы исполнить свое – вот поговел, причастился, подал, послушал: читают за три рубля или не читают? Не читают? Как же, значит, зря три рубля, что ли, платил? Молитву за три рубля купил, а они не молятся. Как будто молитва – это громко прокричать слово. Нет, молитва – дело сердечное. Можно в рупор имена говорить, но Бог не услышит. Бог слышит, только когда в сердце что-то происходит. А кричать – это все мастаки, а если уж голоса нет, то можно в микрофон, при современной технике никакого труда не составляет.

В Печорах

То есть ищем-то мы все не того, ищем внешнего, а надо стараться искать внутреннего, искать в сердце своем Бога, искать, как приблизиться к Богу. Жизнь очень сложна, очень трудна, но Господь близок, Господь знает, как мы немощны, Господь знает все наши грехи. Он знает нас насквозь, Он бесконечно любит нас, Он за нас пострадал, каждый из нас у Него на счету, потому что нас очень мало осталось. И вот несмотря на то, что мы худые, грешные и такие бестолковые, тем не менее Он любит нас, потому что мы Его последние чадушки. Остальным совершенно никакого дела нет ни до чего. Вообще люди как-то обезумели. Вот сейчас был у одной рабы Божией, у нее сестра родная умерла. "Нет, – говорит, – надо отпевание на понедельник отложить, потому что в воскресенье я на дачу еду". Ну это же совершенно человек больной. Родная сестра умерла – пусть она такая-сякая, но ведь родная. Ну можешь ты поездку на дачу отложить? Нет, надо ехать. Вот такие мы стали черствые люди, и все равно Господь каждого верующего знает, помнит, каждый из нас записан в книге жизни у Бога, и каждого из нас Господь ведет, хочет спасти, помочь, сохранить, оградить, а мы – ни с места.

Если бы мы чуть-чуть шевелились, мы бы достигли величайшей славы на небесах. Многие древние отцы говорили, что последние будут выше первых. Жизнь сейчас такая тяжелая, и сохранить веру и благочестие очень трудно. И Господь это знает. Поэтому

пытающиеся из последних сил угодить Богу превзойдут многих великих святых древности. Но для этого нужно хоть что-то делать – то малое, на что ты способен. Господь не требует от тебя, чтобы ты не ел, не пил, не спал, все имение нищим раздавал. Делай то, что ты должен: если ты жена, будь нормальной женой; если ты отец, будь нормальным отцом; если ты сын, будь нормальным сыном. Если работаешь на работе, будь нормальным работником, не надо очень хорошим, просто нормальным: не воруй, не хами начальнику, будь добросовестен – и уже будешь величайшей славой на небесах обладать. По нашим временам, на фоне полного оскудения духовного это уже будет прекрасно, это будет уже великий сапфир, драгоценность.

Тебе дело поручено Богом – вот и делай. А то к чему-то стремятся, куда-то едут помогать, какой-то тете за тридевять земель – а здесь родная мать, сестра, дети, племянники... Некоторые так добрые дела делают: детей бросила, пошла кому-то там полы мыть. Ну это же просто анекдот, все вверх ногами. Дома Бог знает что творится – нет, добрые дела делает дальним каким-то. Да потому что там легче: бес тщеславия помогает, люди хвалят, благодарят, а здесь не за спасибо надо работать, а именно по долгу. Никто тебе спасибо не скажет за то, что ты посуду вымыл. Или кто-то из родных нахамил, а ты стерпел или прощение попросил первый – что, тебе муж или жена спасибо скажут? Никогда. Никто спасибо не скажет, если ты принял всю вину на себя или если никто не хочет делать из семьи, а ты сделал.

Это и ценно, потому что Бог видит: вот этот человек христианин, он свой долг исполняет, не пеняет на другого: пусть он, пусть он, – а сам делает, не живет за счет других, никого не осуждает, не говорит, что он плохой, он такой-сякой, а берет просто, спокойно и делает. Если будем так жить, все тогда встанет на свои места. И как просто сейчас спастись. Наша жизнь – это сплошное мучение, мука. Но мученичество на самом деле самый простой подвиг. Прими эту муку. Как святые отцы говорили: "Дай кровь, и прими дух". Не дав крови, дух не примешь никогда. Обязательно нужно именно кровь проливать. Духовная жизнь – это ежедневное кровопролитие, и, если нет у нас этого, ничего мы не достигнем. Когда нашу душу поволокут бесы, мы не увидим Царствия Небесного, и не увидим апостола Петра, и никто нам двери не откроет. Мы будем стучать: Господи, ну как же, мы верующие, мы и тогда ходили, и тогда ходили, и вот это делали, а Господь скажет: отойдите, Я не знаю вас. Все, что вы делали – это только себя услаждали.

Надо нам стараться вникнуть умом в эти две великие заповеди: люби Бога и люби ближнего, как самого себя. В этом и весь закон, и все пророки. Будем сейчас молиться Богу, думать о своих грехах, каяться в них, просить у Бога помощи, совета, вразумления и стараться каждый день, каждый час новую жизнь начинать для того, чтобы нам, забывая заднее и простираясь вперед, войти в Царствие Небесное. Аминь.

Крестовоздвиженский храм,

6 марта 1987 года, перед исповедью

Четверг седмицы 8-й по Пятидесятнице

Сегодняшнее евангельское чтение нам хорошо известно, оно часто слышимо в церкви. Господь говорит: "Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною". Дальше Господь поясняет, что это значит: "Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее". И Он приводит в пользу этой мысли такой аргумент: "Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?"

И когда человек действительно задумается, что дороже души, то, естественно, у него бывает желание свою душу спасти. А спасение души зависит от того, кому она верит: либо себе, своим страстям, либо Богу. И в зависимости от этого душа и направляется либо в одну сторону, либо в другую. Мы это все время видим в своей жизни: часто нам хочется совершить нечто, но мы знаем, что это будет поступок нехороший. И вот в нас начинают бороться два желания: с одной стороны, наша страсть нам повелевает сделать то-то или то-то, а с другой стороны, совесть наша говорит: не делай этого, это нехорошо.

Душа человека наполнена всякими страстями. Слово «страсть» происходит от славянского "страдание"; это то, что приносит человеку страдание. Вот, например, жадность.

Жадный человек все время страдает, потому что ему приходится постоянно желать без насыщения, да еще регулярно что-то терять, то с одним предметом расставаться, то с другим. Или блудный страдает от того, что невозможно постоянно удовлетворять свою похоть. Пьяница страдает, потому что выпил, немножко прошло времени – и опять надо выпить; постоянно нужно покупать, доставать, хитрить, ловчить, скрывать, обманывать. Страсть гнева вводит человека в такое состояние, что он места себе не находит, у него буквально искры из глаз сыплются, губы дрожат, он злится, кричит, топает ногами, совершает такие поступки, от которых ему же потом бывает плохо: поругался с домочадцем, тот с ним не разговаривает неделю, и вот он ходит, томится, мучается. Любая греховная страсть заставляет человека страдать.

Страсти находятся в душе, и наша беда заключается в том, что они с душой срослись, стали уже ее свойством, и, чтобы освободиться от них, нам нужно идти против собственной души. Поэтому отвергнуться себя, погубить свою душу значит погубить свои страсти, свои греховные желания. Тогда, освободившись от них, можно идти за Христом, приобретать те добродетели, которые должен насадить в себе человек-христианин вместо греховных привычек, страстей, стремлений, желаний. В этом постоянном отвержении от себя, от своих страстей и выборе всегда заповеди Божией и есть спасение души.

Однако на практике все гораздо сложнее, часто человеку трудно разобраться, как ему поступить, что в данном случае является волей Божией, а что против воли Божией. Например, какая-нибудь женщина занимается важным делом, которое очень нужно людям – допустим, она врач, лечит тысячи больных, огромную совершает работу. А дети ее находятся в яслях, потом в детском саду, потом в школе-интернате на пятидневке. Но когда она приходит на суд Божий, Господь у нее, оказывается, не спрашивает, как она лечила больных, как она к ним относилась, а спрашивает за ее детей. Ей казалось главным то, а на самом деле главное это. Ну что толку, если ты дала здоровье тысячам людей? Все они через несколько лет все равно умрут, а бессмертную душу своих детей ты погубила своим небрежением, потому что не читала им Евангелие, не водила их в храм, не заботилась о том, причащаются они или нет, не научила их молитвам. И теперь твои деточки занимаются там, на земле, неизвестно чем, а виновата ты. Господь говорит, что выше души нет ничего на земле, поэтому "какой выкуп даст человек за душу свою"?

Получается, что самое святое на свете дело может оказаться грехом, причем страшным грехом, и потом человек будет нести за него ответственность. Можно очень много дел делать добрых и хороших и среди этих добрых и хороших дел незаметно погубить свою душу. Как же нам жить, чтобы все наши дела приносили пользу душе? Для этого нужно непрестанно думать о спасении своей души и о том, полезно ли это дело для нее или бесполезно. Теоретически это очень просто определить, а практически каждый из нас будет впадать в миллион заблуждений до тех пор, пока методом проб и ошибок не поймет, что же полезно для души, а что вредно. Общее правило таково: то, что мы делаем против любой своей страсти, полезно для нашей души, а если мы каким-нибудь образом служим своей страсти, то это для нашей души вредно.

Есть и правило святых отцов: из двух добродетелей надо выбирать большую, а из двух зол – меньшее. Вот, например, что лучше, в храм пойти или больного посетить? Как здесь правильно поступить? Как раз в таких вопросах, которые нам жизнь задает, и проявляется, насколько мы преуспели в христианстве, потому что здесь важна рассудительность: нельзя ли отложить посещение больного на завтра? насколько он тяжело болен? зачем идти в храм именно сегодня? и так далее. Только оценив весь комплекс этой проблемы, помолясь Богу, чтоб Господь нас вразумил, мы можем выбрать правильное решение и тогда уже ничтоже сумняшеся поступим так, как Бог вразумил. На каждый вопрос готового ответа нет, поэтому нам нужно постоянно упражняться, постоянно молиться, постоянно книги читать духовные, святых отцов, апостола Павла, который был мудрейший человек.

Вот, например, подходит ко мне человек и просит милостыню. Но одно дело, если у него нет рук или ног или он больной, не в состоянии работать; ему помочь – это моя святая обязанность. Другое дело, когда у человека здоровые руки и ноги и он может работать, но не хочет и пользуется слабостью и неразумием людей. Тогда, давая ему деньги, я не пользу ему приношу, а развращаю его. Так же и не всякое удовлетворение просьбы ребенка есть добро,

чаще всего это бывает зло. Мама должна трезво рассуждать: зачем это ему надо? не прихоть ли это? нужно ли это? Мало ли что захочется! Ни в коем случае нельзя потакать всем желаниям.

Или ближайший пример: батюшка стоит исповедует. Люди подходят, каждый думает только о себе, у каждого свои проблемы, свои желания: вот я решил проблему свою – мне хорошо, и я совершенно не думаю ни о ком, ни о чем. И человеку совершенно неважно, что за ним стоит две сотни человек. Батюшка поэтому поневоле торопится, а у человека возникает чувство, что священник нерадивый, недостаточно выполняет свой долг, хотя, наоборот, он-то как раз и старается каждому внимание уделить, постоянно взвешивает, у кого какая нужда, сколько в данный момент можно каждому времени дать, – то есть ему приходится постоянно учитывать весь комплекс нюансов.

Или как раз сегодня мы у апостола Павла читали, что жена должна слушаться мужа. Но вот муж говорит: дай мне денег, я пойду водку себе куплю. Как же должна поступить жена, давать или не давать? Это неизвестно. В каждом конкретном случае надо решать эту проблему целиком: каков муж? как на нем отразится, если я ему дам и если я ему не дам денег? присутствует ли в этот момент у нас дома кто-то еще? И так далее. Дать деньги на водку – это зло, но иногда не дать – зло еще большее. Поэтому надо поступать не по страсти: хочу давать, не хочу, – а рассуждать, все время думать, все время молиться, все время трезво оценивать ситуацию.

Духовная жизнь есть весьма сложная постоянная работа, а мы из-за своей лени привыкли действовать бездумно и во всем ищем готовые рецепты. Мы привыкли все делать автоматически. В воскресенье работать грех? Да, грех. Но если человек в яму провалился, что же его, не вытащить оттуда? А ведь это работа: надо спуститься, придется перепачкаться. А потом ведь грязный не будешь ходить, надо же и постирать. А стирать грех! И что теперь делать? Пускай он в этой яме протухнет? Подождем до понедельника?

Нам в руководство даны правила – заповеди Божии. Но вот в Писании говорится: "Просящему у тебя дай", а есть такой памятник христианской письменности «Дидахи» – учение двенадцати апостолов, в древности его читали в церкви, как Священное Писание, – и там сказано, что прежде, чем ты подашь милостыню, пусть она вспотеет в твоей руке. Ты должен думать, ты должен решать каждый раз задачу. Если не можешь решить, тогда блаженней, конечно, давать. Если не знаешь, давать или нет, лучше дай, потому что ты этим для своей души пользу, конечно, приобретешь. Но когда ты видишь, что твое даяние явно приносит вред, тогда лучше откажи. Пусть ты будешь не добреньким, пусть о тебе скажут нехорошо – это лучше, чем ты своими руками повредишь душу человека. Надо думать не о себе, не о том, что он про тебя скажет, не о том, как он на тебя посмотрит, не о том, обидится он на тебя или не обидится, потому что наша цель не человекоугодие, а Богоугодие.

Вот как это все трудно, как это сложно, но тем не менее эту проблему с нас Господь никак не снимает. Очень легко набрать себе правил: это можно, это нельзя. И в церкви только и слышишь: батюшка, а это можно? Как будто духовная жизнь – это сплошное «можно» или «нельзя». Нет, духовная жизнь совершенно иное. Духовная жизнь – это постоянная работа души, когда человек определяет, с помощью Божией, ища волю Божию, что ему можно, а что нельзя. Поэтому одному можно есть мясо перед причастием, а другому нельзя; одному можно каждый день причащаться, а другому нельзя. Люди-то разные, и что позволено Юпитеру, то не позволено быку, как говорит латинская пословица. А как же? А вот он? Да, ему можно, а тебе нет. И это надо очень трезво себе представлять. Но у нас нету работы души, нам лень, мы не хотим соображать, мы не хотим молиться, мы думаем только о себе, мы погружены в себя, и мы отыскиваем себе правила, чтобы нам было легче. А жизнь духовная – она очень трудна. И если мы хотим ее иметь, нужно, чтобы совесть наша обнажилась, чтобы она стала чувствительной, чтобы она кровоточила.

Ведь каждая заповедь Божия – это не просто предписание: выполнил инструкцию, и все в порядке. Нет, все эти инструкции фарисеи выполняли в совершенстве, а когда пришел Бог, они Его распяли. Поэтому если мы все оденем платочки, все будем в среду и пятницу мясо не кушать, а в воскресенье в церковь ходить – это очень хорошо, но для Царствия Небесного этого недостаточно. Для Царствия Небесного нужна еще духовная жизнь. Поэтому мы должны постоянно отвергаться себя и, что бы ни делали, должны думать и рассуждать о том, угодно ли

это Богу и не вредит ли ближнему, не огорчает ли это его. И если мы последовательно будем думать не только о себе, а учитывать всю сумму наших человеческих общений, то постепенно наша душа будет приучаться к истинному, правильному устроению, и мы тогда познаем, что такое любовь. Потому что любовь познается в постоянном отвержении себя.

Мы сегодня читали: "Ибо приидет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его". Каковы будут дела – так каждому Господь и воздаст. И если мы душу спасем от страстей и достигнем добродетелей христианских, то Господь нам воздаст по этим добродетелям. А если мы останемся в страстях, то нас никакие предписания не спасут. Аминь.

Крестовоздвиженский храм,

30 июля 1987 года

Пятница седмицы 30-й по Пятидесятнице

Говорят: каков поп, таков и приход. Это очень правильно. Какие родители, такие и дети; яблочко от яблоньки недалеко падает – это все об одном и том же. Одна прихожанка мне сейчас вопрос задала, и я понял, что я очень плохой священник, потому что восемь лет не могу объяснить простых вещей, приходится говорить одно и то же. Когда дети плохо учатся, в этом не они виноваты, что такие бестолковые, а виноват учитель, который не может научить. Попробую еще раз объяснить, что такое грех – может быть, в сотый раз. Видимо, я недостаточно точные слова нахожу, чтобы это объяснить.

Грех – это не проступок, грех – это состояние человеческой души. Греховное состояние души человека выражается в его нехороших поступках, но может в них и не выражаться. То есть состояние души человека может быть как у вора, но он может и не воровать; состояние души может быть как у блудника, но он может не блудить; состояние души может быть как у пьяницы, но он может не пить. Если человек с грехом борется, то он может побеждать его с помощью благодати Божией. Если человек не борется с грехом, идет у него на поводу – тогда он совершает греховные поступки. Но мы никак это в толк не возьмем.

Например, мясо есть Великим постом грех или нет? Большинство считают, что грех. Но чем же свинина, баранина перед нами провинилась, что есть ее грех? Грех не в мясе, не в том, что мы его едим, не в том, что мы оскоромились, потому что в мясе ничего нечистого нет. Если бы мясо было нечистое, тогда мы его и на Пасху не стали бы есть. Так вот, грех заключается не в том, что человек постом мясо ест, а в том, что он не подчиняется Церкви: вся Церковь постится, а он нет. Ну а если человеку врачи прописали парное мясо – у него диабет, и ему ничего больше есть нельзя, – грех это будет или нет? Многие мучаются такими вопросами. Но не в мясе грех-то, а в невозддержании. Если мясо, молоко есть постом грех, почему тогда мать кормит грудного младенца молоком? Пусть покричит сорок дней: выживет так выживет, на Пасху покормлю. Не может же так быть: то, что для одного человека грех, для другого – не грех. Значит, не в еде дело. И правильно, не в еде. Так апостол Павел и пишет: Царствие Божие – это не пища и питье, а радость о Святом Духе.

Или, например, на Пасху делать земные поклоны – грех это или нет? Девяносто девять процентов скажут: грех. А ведь грех не в поклоне. Если человек чувствует себя грешником, кается перед Богом, падает перед Ним на колени и проливает слезы, что ж тут грешного? А в чем грех? В том, что он других соблазняет, вводит их в искушение. Потому что девяносто девять процентов людей смотрят, как он на коленях стоит, и мучаются, и каждому из них хочется его дернуть: ты это не делай, это грех. Иди домой, затворись и делай поклоны: тысячу, две тысячи, три, сколько тебе нравится. Никто тебя не видит, кроме Бога твоего, а у Бога всегда Пасха. Поэтому хочешь – на колени вставай, хочешь – не вставай. А вот то, что ты других соблазняешь... Они же не виноваты, что у них такой поп плохой, не может им объяснить, что такое грех и что не грех, и поэтому соблазняются.

Но с другой стороны, если человеку так уж хочется на колени встать, ну и пусть встанет. На Херувимской надо вставать на колени или не надо? В Херувимской песне ничего особенного по сравнению со "Свете тихий" или "Слава в вышних Богу" нет. Но кому-то хочется на колени встать – ну пусть встанет, что его, убить теперь за это? Что плохого в том, что

человек встал на колени? Непонятно, кого он этим обидел, оскорбил, уж по крайней мере не Бога, потому что церковь – это как раз то место, где люди на колени перед Богом встают. Что тут особенного? Но поскольку человек отличается от других, то он обращает на себя внимание и отвлекает других от молитвы. Все мы молимся Богу, но молимся в основном про себя или участвуем умом в словах молитвы. А если бы каждый увлекся так и начал бы свои просьбы вслух излагать, он мешал бы службе, и обязательно его остановили бы. Но это не значит, что грех в том, что он молился, а грех в том, что он другим мешал. Так же и во всем. Вот ребенка маленького принесли в церковь. Это очень хорошо. А если он другим мешает молиться, это ты уже их вводишь в искушение. Поэтому надо встать таким образом и так со своим ребенком заниматься, чтобы он других не отвлекал или по возможности отвлекал как можно меньше. То есть надо думать все время и о ближних своих.

Вот когда мы нарушаем любовь к Богу и любовь к ближнему, тогда это грех, потому что грех есть противление воле Божией. Бог хочет, чтобы каждый человек был спасен, а уж что он для этого использует: на коленках ли стоит, или молится, или духовные книжки старается читать, или ближнему помогать – все средства хороши. Это совершенно неважно. Многие, например, ходят в храм каждый день. Хорошо это? Хорошо. А если человек ходит в храм и при этом молится – это еще лучше. Потому что можно просто так стоять в храме: стоишь и мучаешься – когда же это все кончится? Молиться – хорошо, и поститься – тоже хорошо. Но вот если человек, допустим, предает, или кляузничает, или клеветает – это уже нехорошо.

Спрашивается, что лучше: в Великую Пятницу пост нарушить или же продавать ближнего оптом и в розницу? Ясно, что пост нарушить лучше. Поэтому нам надо задуматься, что мы часто грешим страшными грехами, жуткими, иудийскими, делаем ближнему зло. Вот одна другой что-то сказала, а та передала: а она про тебя сказала... И чего человек добился? Он их поссорил, началась ссора – а потом не будет мяса есть, молока. Есть такая поговорка: ты лучше мясо ешь, а людей не ешь. Потому что бывает, люди не едят баранину, говядину, свинину постом, а своих собственных жен, детей, свекровей, тестей, тещ едят поедом. Что толку в этой вере? Что толку в вере, когда другим жизнь создают невыносимую, мучительную, так что они уже боятся домой приходить? Что толку в этом посте? Что толку в чтении Писания? Лучше бы в церковь не ходил, лучше бы Богу не молился, был бы хоть неверующим, но спокойным, порядочным человеком. Что толку в вере, когда человек делает противоположное этой вере? Для своих ближних создает ад, дома все время ругань, все время упреки, раздражительный тон, гневливость – какая-то бесовщина.

Да уж лучше ты мясо поешь, ляг спать, успокойся. Это гораздо лучше. А у нас такого понимания нет. Мы не понимаем самого главного, что Господь принес на землю, а какие-то фарисейские установки для нас играют роль. Для чего пост существует? Чтобы человек стал более кротким, более смиренным, более спокойным, более любвеобильным. А если ты от поста звереешь, так уж лучше навари ведро картошки, набухай туда баранины и съешь все – только стань ты поспокойнее, ради Бога. Это будет гораздо лучше, это будет самый лучший пост. Надо же думать прежде всего о том, что духовного мы приобрели постом. Смысл поста не в диете, а именно в том, чтобы стать более кроткими, более смиренными, более любовными – в этом смысл христианской жизни, и к этому и надо стремиться.

Господь хочет, чтобы мы избавились от своих страстей в душе, от грехов, а не чтобы мы стали людьми, которые живут по каким-то внешним правилам. Для Бога важно, какие мы внутри, по существу. Есть люди, которые и в церковь ходят, и на молитву платочек одевают, и квартирка у них освящена, и лампадка есть, и иконочки, и книжечки, и Библия, и молитвослов – ну все есть, что только душе угодно, а глаза завистливые, сердце каменное, язык злой. Ну что толку в этих сокровищах, которые ты дома приобрел? Иконочки есть – хорошо, лампадки – хорошо, Библию имеешь – слава Богу, читаешь ее – еще лучше. Но что толку в этом чтении, если человек остается завистливым, злым, предателем, иудой, сварливым, сплетником, всякое зло про другого передает?

В этом толк только один: ты в аду из-за этого будешь гораздо ниже, чем самый страшный безбожник, который ни в церковь не ходил, ни Богу не молился. Потому что иконки у тебя были, лампадки у тебя были, пост ты соблюдал, в церковь ходил, Библию читал – и ничего в тебя не вошло. Вот какой ты противник Божий, ничто тебя не проняло: ни богослужение, ни

пост, ни слово Божие. Другой человек в Бога не верует и лучше живет, чем иной верующий, и Господь ему снисхождение окажет. Потому что какой с него спрос? В церкви никогда не был, никто его не научил – ни хороший поп, ни плохой слова ему не сказал. Он ничего не знает, Библию никогда в жизни не читал, книжек хороших, где о нравственности говорится, где высмеивается зло – "Евгения Онегина" или Достоевского, Чехова, – не знает; читал только газеты и программу «Время» смотрел. Иногда по совести поступал, иногда против совести. Что с него взять? С него спрос меньше.

Поэтому какой же ты христианин, если в храм ходишь, все внешнее исполняешь, а внутри остаешься самым страшным злодеем – ты злой, раздражительный, властолюбивый, все время кричишь, шумишь, всем только указываешь, всех только все заставляешь, всех под себя подминаешь и хочешь, чтобы все были как ты. Ты один прав, а все кругом дураки и во всем виноваты. Так же нельзя, это же противно духу Евангелия. Уж лучше бы ты в церковь не ходил, сидел бы дома, спокойненько телевизор смотрел, газетку читал, чай попивал и никого бы не обижал – ты был бы ближе к Богу.

То есть надо нам всегда стараться различать, что есть грех по своему существу, а что не грех. Снова повторю: грех не какой-то проступок, а состояние души человека. Поэтому Господь и пришел, чтобы души спасать. И мы тоже приходим в храм для чего? Не чтобы поминать о здравии и за упокой, не чтобы водой кропиться, а чтобы спасать душу. От чего спасать? Вот от этого самого гнусного состояния, которое есть грех. И оттого, что душа наша находится в этом гнусном состоянии, в грехе, от этого и поступки у нас всякие нехорошие, от этого у нас и ссоры, и свары, и обиды какие-то друг на друга, и чего только у нас нет. Но это уже следствие. А лечить нужно не симптомы, а саму болезнь.

И если мы поймем, что такое грех, тогда мы легче от него избавимся. Не знаю, хорошо ли я объясняю или нет, но уж лучше просто не могу. Аминь.

Крестовоздвиженский храм,

1 января 1988 года, перед исповедью

Прощеное воскресенье

Святой апостол Павел в Послании к Римлянам, которое мы сейчас слышали, пишет: "Ночь прошла, а день приблизился". Церковь избрала читать перед Великим постом именно этот отрывок, потому что приблизилось время нашего спасения. Мы с вами находимся в преддверии Великого поста, который может стать ступенью, ведущей нас к нашему Богу и Спасителю. И апостол нам советует: "Итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированию и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти".

Это очень важное правило для нашего благочестия. Каждый человек имеет нужду в пище, питии, одежде, отдыхе, но всякую нужду можно превратить в похоть. Так как человек существо падшее, то под видом необходимого попечения о своей плоти он может предаваться различным похотям: употреблять излишнюю или вредную пищу, выбирать все вкусное, разнообразное. Так же и в одежде: есть у него одежда, а он ищет другую, новенькую, интересненькую, чтобы к себе внимание привлечь и самому потщеславиться. Все можно извратить, и апостол Павел нас от этого предостерегает, говорит: нельзя попечения о плоти превращать в похоти. Устал – ну ляг, отдохни. Но можно ведь и день проваляться, можно и всю неделю лежать, а можно вообще всегда лежать и ничего не делать. Одно дело, если человек действительно устал и нуждается в отдыхе, а другое – когда это превращается в похоть, в разнузданность, в постоянное жаление своей плоти.

"Немощного в вере принимайте без споров о мнениях". Очень важные слова. Если человек немощной в вере – неверующий или недостаточно верующий, – то никогда с ним не спорь, никогда ни в чем не убеждай, не доказывай, потому что иначе бессмысленно растратишь то скудное богатство, которое ты сумел накопить, ходя в храм и читая Священное Писание. Не спорь, потому что это бессмысленно: ты тратишь то, что накопил.

"Иной уверен, что можно есть все, а немощный ест овощи. Кто ест, не унижай того, кто

не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест, потому что Бог принял его". Постисься – хорошо, постись себе на здоровье, а он не постится – и пусть не постится, не твое это дело: ты смотри за собой.

И дальше апостол пишет: "Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он, или падает. И будет восстановлен, ибо силен Бог восстановить его. Иной отличает день от дня, а другой судит о всяком дне равно. Всякий поступай по удостоверению своего ума". Вот какой он дает совет. Не осуждай чужого раба: это же не твой раб, а раб Божий. Смотри за собой, смотри за своими детьми, а не суди всех остальных, потому что они не твои, они Божии, и Господь Сам знает, как каждого управить. И каждый пусть поступает по собственному уму рассуждению.

Вот такие советы апостол Павел нам дает, а святая Церковь эти советы выбирает как поучение перед Великим постом – насколько это важно. Потому что если мы постясь будем осуждать не постящихся, то этим перечеркнем весь наш пост. К сожалению, постоянно только и слышишь: как же так? вот они не постятся, они постом рыбу едят... Какое твое дело? Ты стой перед своим Господом, ты избрал себе путь и иди по нему.

Каждый человек идет своим путем, потому что у каждого своя мера, у каждого своя возможность. И не надо никого осуждать. Сам Господь Иисус Христос в Евангелии, которое сегодня читается, говорит: "Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших". По этому Евангелию сегодняшнее воскресенье называется Прощеным, и перед постом существует обычай просить у всех прощение. Святая Церковь нам напоминает, что мы часто ссоримся, часто негодуем друг на друга, осуждаем, а этого делать христианину ни в коем случае нельзя. А так как раньше, в древности, люди жили жизнью Церкви, то, вынеся из церкви слова этого замечательного Евангелия, они шли и просили прощения у всех, кто им на пути попадался, и у тех, с кем они действительно были в ссоре. Так, наверное, и возник этот обычай. А в монастырях есть этот обычай даже в ежедневной богослужебной практике.

Господь говорит ясно: если ты на кого-то рассердился, если ты на кого-то держишь обиду, то, значит, Господь тебя тоже не простит. Он тебя просто не сможет простить, и не потому, что Он такой злой и каждое лыко ставит в строку. Господь не судит человека, а человек судит себя сам. Если у него сердце злопамятное, не способное прощать, то оно не может вместить в себя благодать Божию. Пока в сердце есть злоба, благодать Божия туда войти не может, и, значит, человек не может очиститься от греха. А очищение от греха – это и есть прощение Божие. Что значит: Господи, прости? Это не означает назвать все свои грехи и идти спокойно, думая, что Бог простил. Нет, Бог простил – это значит, что человек уже изгладил в своей жизни этот грех и даже не вспоминает о нем, нет в нем ничего от этого греха. Но это возможно, только когда благодать Божия придет в сердце человека. Поэтому сердце надо очищать. Если ты на кого-то рассердился, на кого-то понегодовал, обиделся, кто-то тебя раздражил и есть в твоём сердце зло, недоброжелательство к этому человеку, то это зло надо обязательно преодолеть, надо сделать усилие души для того, чтобы простить, иначе так со своими грехами ты и останешься, и умрешь, и никогда в Царство Божие не сможешь войти, потому что наследуешь вечную смерть.

"Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно". Господь опять говорит те же самые слова, что и о милости. Поститься надо перед Богом, мы постимся ради Него, а не ради людей.

Полторы тысячи лет назад был такой случай. Пришли путешествуящие иноки в один монастырь и сели за общую трапезу, а там по случаю гостей приготовили вареные овощи. И один странник сказал: "Вы знаете, мы не вкушаем вареное, мы только сырое едим". Тогда старец его подозвал и говорит: "Лучше бы тебе есть кровавое мясо, чем сказать то, что ты сказал". Потому что он обнажил свой подвиг, а подвиг должен быть в тайне. И тем, что о нем узнали люди, он перечеркнул весь свой пост.

Поэтому то, что мы постимся, и то, как постимся, надо скрывать от людей, чтобы ни одна душа этого не знала и только Господь это видел. Чтобы тот труд, который мы несем, был перед

Богом. Тогда это будет драгоценно, потому что мы совершенно избавимся от тщеславия, которое примешивается к любому нашему доброму делу, когда о нем кто-то знает. Если человек хочет получить награду от Бога, получить благодать Божию, то должен это делать без тщеславия. Всякий подвиг, всякое дело духовное, когда оно творится напоказ, приносит не пользу, а вред. Лучше не поститься совсем, чем выставиться постящимся и перед другими превозноситься: вот, мол, обжоры, а я пошусь – это я не ем, это я не ем, это я не ем. И люди думают: надо же, как он постится, какой молодец! Поэтому Господь нам перед началом поста напоминает, каков должен быть наш пост.

"Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваше, там будет и сердце ваше". Человек, что для тебя главное, Царство Небесное или твоя телесная жизнь? Господь нам советует искать сокровища на небе, искать себе прежде всего духовной пользы в ущерб пользе телесной, материальной. Потому что вот квартиру прибрал, всего туда накопил – потом уехал куда-нибудь отдыхать и мучаешься: а как там, не вломились ли, не ограбили? А если у тебя ничего особого нет, то и голова не болит, спокойно себя чувствуешь, легко. Поэтому Господь учит: не собирай себе сокровищ, не стремись к этому, не думай.

Иногда поговоришь с человеком молодым, и он употребляет в разговоре такие слова: непрерывный стаж, пенсия и прочее. Даже удивляешься: ему двадцать лет, а он уже думает о пенсии. Может быть, жизни-то осталось лет десять, а он размышляет, что будет через сорок лет. Ну не смешно ли это? Конечно, предусмотрительность похвальна, но не до такой же степени. Ведь что наша жизнь? Это пар, поднимающийся от земли, как апостол сказал. Нельзя же всю свою жизнь строить в расчете на пенсию, которой вообще может не быть. Умрешь в пятьдесят девять лет – и все. Или границу пенсии отодвинут, как раз когда ты не ожидаешь. Это совершенно от нас не зависит, и завтра все может вообще перевернуться и встать с головы на ноги, а потом опять на голову. Поэтому как-то об этом думать и строить свою жизнь исходя из этого – совершенно невозможная вещь.

Господь говорит: "Собирайте себе сокровища на небе". Небо это – Царствие Божие, оно находится внутри нас. А какие же сокровища надо собирать? Это Господь говорит о том, чтобы в наше сердце вошли христианские добродетели, чтобы мы стяжали любовь, терпение, воздержание, милосердие, кротость, смирение, милостыню, молитву, благость. Вот что надо нам приобрести. А для этого нужно очень много слез пролить покаянных, нужно постоянно бороться с грехом, постоянно себя осуждать за свою злобу, за свое раздражение, уныние, сребролюбие; выкорчевывать это из души.

Сколько же тут труда! И какое нам нужно еще попечение? Если мы всю жизнь будем носиться по магазинам в поисках чего-то, у нас просто сил не хватит на жизнь духовную. Тем более время сейчас – это все заметили – очень быстро идет. Годы проходят как месяцы, месяцы как недели, недели как дни. Вот прошлый Великий пост, например, я так отчетливо помню, как будто он был буквально месяца два назад, а ведь уже прошел целый год. Как жизнь летит! И как у нас мало времени! А мы все строим планы на эту жизнь.

Иногда странные вещи происходят: человеку шестьдесят лет, а он дачу строит. Ну купи какую-нибудь халупу, обей ее фанерой да живи, хватит и тебе, и детям твоим. Еще будь человек молодой, тогда понятно, а так-то зачем? Зачем так сильно к этому прилепляться? Ведь сколько это стоит нервов, сколько стоит денег! Нет чтоб хотя бы последние годы жизни подумать о душе, «Добролюбие» почитать, Евангелие, в церковь походить, потому что это самое важное дело. Умрем мы и оставим все на земле, а что будет с нашей душой? Надо об этом задуматься.

Вот наступает Великий пост. В это время все православные люди становятся монахами, приобщаются к Небесному Царствию через пост, воздержание, молитву, постоянные духовные упражнения. Стараются отторгнуться от своей обычной жизни, от суеты, от которой не могут оторваться на все время – ну хотя бы на периоды постов. Чтобы вдохнуть свежего воздуха благодатной жизни и постараться короткое время поста провести так, чтобы собрать себе сокровище духовное. Попробовать не раздражаться, попробовать не злиться, повнимательней молитвы читать, поменьше в гости ходить, не болтать попусту языком, не осуждать, не

присваивать себе чужого, не важничать. Пожить монашеской жизнью, отрешиться ото всего мирского, чтобы приобрести пользу для души.

И когда мы войдем во вкус такой жизни, то поймем, что ничего лучшего на свете нет. Как же это хорошо! И часто бывает, что, когда пост идет уже к концу, нам жалко с ним расставаться. А ведь и не надо расставаться, надо всегда стараться жить в таком духовном напряжении. Тогда каждый Великий пост сможет стать для нас новой ступенью, мы будем все ближе и ближе подниматься по этим ступеням к Богу. Потому что пост – это не просто отсутствие колбасы, мяса, молока, сметаны.

Это слишком ничтожно для человека, это слишком просто – взять и что-то не есть. Ведь когда мы едим яйца или сметану или едим гречневую кашу без масла, наша душа от этого не приобретает ничего. Она приобретает не от пищи, а от воздержания. Вот я открываю холодильник, а у меня там недоеденный кусок колбаски, и так хочется ее съесть, но нельзя, пост. Поэтому я делаю над собой усилие и закрываю холодильник. Гречневую кашу или перловую разогреваю на водичке и ем, то есть преодолеваю желание еды – ну, в конце концов, я же не свинья, не осел, неужели для меня пища застилает все на свете? Могу же я это преодолеть – я, человек, высшее разумное существо? А если мне трудно: помоги мне, Господи! – и Господь придет на помощь.

И когда я свое желание преодолеваю, то есть совершаю акт своей воли, – тем самым я свою волю упражняю. А потом это усилие распространяется и на другое. Вот мне лень молиться, а у меня воля-то уже натренирована на гречневой каше – и я все-таки встаю на молитву. Я хочу, как обычно, пробежать глазами побыстрей, ничего не понимая, – но делаю над собой усилие и стараюсь свой ум сосредоточить на тех словах, которые читаю. То есть опять совершаю волевой акт. Так же и с чтением Писания. Или мама сказала: сделай. Обычно у нас как? Не буду; или: пусть он сделает; или: я вчера делал; или: мне надо уроки учить. Хотя уроки – эта так, отговорка. А вот взял человек и совершил над собой усилие, сделал, что его просят. И так, через такие усилия, постепенно в человеке отмирает все греховное. А потом постепенно, постепенно он дойдет уже до того, что, когда бьют его по правой щеке, он делает над собой волевое усилие и подставляет левую. То есть он уже достиг определенного уровня совершенства. Раньше-то он быстро сдачи давал, потом перестал сдачи давать, терпел – сначала стиснув зубы, а потом очень легко и с радостью.

Вот один ребеночек недавно сказал: я не могу с первого раза слушаться, только со второго. А Великим постом взял бы и попробовал с первого раза слушаться, чтобы упражнять свою волю, направлять ее на добро. У любого ребенка, маленького, большого, среднего, спроси: слушаться надо? Он скажет: надо. А почему не может послушаться? Воля расслаблена, и ее надо тренировать. И родители в этом тоже должны участвовать, потому что часто они говорят: ну, он маленький, зачем ему поститься. Наоборот, идет ребеночек по улице, жарко, хочется мороженого – а Петровский пост, нельзя мороженое есть, потому что оно на молоке. Пусть этого молока там чайная ложка, но не в нем дело, а дело в том, что он хочет и себе этого не позволяет. Вот что важно. Важно, что человек совершает волевой акт, отказывается. В другой раз, когда ему предложат рюмку, он, может, и захочет выпить, но скажет: нет. Потому что у него воля направлена на добро. Ребятки в подъезде предлагают: на, закури. А он же знает, что это грех, – и напряжет волю, откажется. Потом скажут: давай ларек ограбим. А он скажет: нет, потому что это грешно. И так от тюрьмы спасется. А кто его спас от тюрьмы? Мама с папой, которые говорили, что в среду и в пятницу нельзя мороженое есть.

Почему теперь молодые люди такие расслабленные, ни на что не способные? Зачастую муж не может семью свою сохранить? От полного расслабления: никто не способен свою волю никак управлять; каждый что хочет, то и делает. Вот живет человек, у него жена, дети, он их любит, но вдруг какая-то юбка прошла – и он не может с собой совладать. Маленький какой-то помысл – и он уже не в состоянии ему противиться. Или сидит человек в автобусе, бабка вошла с сумками, он и рад бы уступить, и знает, что надо, а не может, потому что расслаблена воля. Надо усилие над собой сделать, а человек к этому не привык. С детства он получал все, что хотел. "Бабушка, дай! Мама, дай!" Ему сразу: "На, на, на". А чтобы отказаться, да еще добровольно, об этом он даже никогда и не слышал. И что в результате? Вырастает кусок слизи, который не может никак себя управлять. Его можно на что угодно дурное подбить, что диавол и

делает.

Поэтому сейчас хоть и не сталинские времена, а тюрьмы переполнены здоровыми физически мужиками, которые не могут совладать с собой, не могут от рюмки отказаться, не могут противопоставить себя компании друзей. Потому что в основном сидят не какие-то закоренелые преступники, а так, как говорится, севшие по глупости. Вот ребята пошли – и я с ними, вот и попал. Мне дали – и я дал сдачи, вышла драка, и три года получил. Нет чтобы потерпеть, постараться уладить – он мне сказал! что же я буду молчать? Не можешь промолчать, когда тебе что-то там сказали? Ну и сиди тогда в тюрьме, если ты не можешь потерпеть самую малость.

Поэтому пост – начало воздержания. Немножко себя удержать, хотя бы в самом простом, в пище – и это уже будет первый шаг. Пусть он совсем маленький, десятая часть миллиметра духовного пути – но все-таки этот шаг в сторону добра, потому что мы этим самым свою волю воспитываем. Будем же стараться в этом малом, но при этом всегда помнить, что пища нас не приближает к Царствию Небесному и не удаляет от него. Пост – только средство, костыль, а главное – стяжать благодать Духа Святого, стяжать добродетели христианские, а то зло, которое есть в душе, выкорчевать. Вот такая цель поста. Он прежде всего должен быть духовным. А так как духовное – это довольно трудно, то начинать надо с малого, с телесного. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
21 февраля 1988 года*

Всенощное бдение под Рождество Пресвятой Богородицы

Святая Церковь празднует ныне Рождество Пресвятой Богородицы. Господь из всего Израиля и из всего мира избрал только одну Деву. Ни в прошлых поколениях, ни в последующих Он не увидел больше никого, кто бы смог вместить в себя Духа Божия. Господь призрел на Пресвятую Деву, и дал Ей дар Духа Святого, и воплотился из Нее, и Она стала Царицей неба и земли, потому что была чистейшей, кротчайшей, умнейшей, трудолюбивейшей, послушнейшей из всех. Пресвятая Богородица была самым смиренным человеком за всю историю человечества, а Бог только смиренным дает благодать.

И по благодати, которую получила Матерь Божия, Она не сравнима ни с кем. Только один Человек на земле превосходил Ее – Сам Сын Божий. Но Он был Богочеловек, и Его Божественное смирение непостижимо для человеческого ума: будучи Содетелем всей вселенной, Создателем человечества, Господь принял добровольную смерть от этих же людей, не уклонился от нее. Умер, чтобы спасти людей, совершенно потерявших совесть и человеческий вид. А Матерь Божия следует за Господом по Своему смирению.

Почему у Иоакима и Анны родилась такая дочь? Вот у нас с вами таких дочерей нет, дети наши – это "чума двадцатого века". Родители не в состоянии их ни упредить, ни удержать от зла. Все только жалуются, рыдают, мучаются и не знают, что с ними делать. Самый страшный крест человек несет, терпя от детей, а Иоаким и Анна радовались, глядя на свое дитя. Как и нам этого достичь? С чего начинать?

Начинать нужно загодя. Естественно, что дети рождаются в браке (сейчас, правда, случается и по-другому, но ясно, что добра в этом не бывает). Человек, который избирает не путь монашества, а семейную жизнь, еще до того, как он вступит в брак, до того, как познакомится со своей суженой (или суженым), должен долго-долго просить, вымаливать у Бога, чтобы Господь послал ему супругу кроткую, мирную, трудолюбивую, благочестивую, верующую, любящую Бога, смиренную, не жадную, не спорливую, не злоую, не клеветницу. И супруга нужно выбирать не потому, что он хорошо на гитаре играет, или очень веселый, или бесшабашный, или потому, что просто замуж хочется, а совершенно по другим признакам. Если мы по внешним качествам будем выбирать, то внешнее и получим – а нужно выбирать по христианским добродетелям. В человеке, даже молодом, всегда видны его наклонности: есть ли у него стремление к добру, есть ли любовь к молитве, к храму Божию, есть ли желание творить волю Божию, послушен ли он родителям, какие у него отношения с близкими, имеет ли он друзей и каковы они. Вот на что надо смотреть.

Брак служит не для плотских утех, он задуман Богом для продолжения рода человеческого и для возрастания людей в любви, чтобы они учились смиряться друг перед другом, друг другу служить и друг друга возводить к большей высоте небесной. Поэтому брак – это не борьба за то, кто окажется первым, будет другим распоряжаться и командовать, как это обычно происходит, а, наоборот, брак – это соревнование, кто кому больше послужит и кто принесет другому больше жертв.

Как-то я читал интервью – невестам в загсе задавали вопрос, чего они ждут от замужества. Из десяти девять хотели быть счастливыми и только одна сказала: "Я хочу дать счастье ему". И журналист подумал, что, наверное, только она будет счастлива, потому что хочет давать, а не брать себе. Так оно действительно и случается. Современные семьи потому и рассыпаются, что люди не знают, на чем зиждется брак.

А если супруги хотят, чтобы у них дети были благочестивые, надо в браке проводить жизнь целомудренную, надо постоянно в храм ходить, не читать гадких книг, не смотреть дурных фильмов, потому что это все отражается на будущем дитяти. Современная медицина доказала, что ребенок, находящийся в утробе матери, уже слышит то, что происходит снаружи. А мы это и раньше из Священного Писания знали. Вот сегодня как раз читали: как только Мария приблизилась к Елизавете, Иоанн Предтеча, который был у нее во чреве,зыграл. Он узнал Спасителя, Он, еще не рожденный, уже чувствовал благодать Сына Божия, Который был во чреве у Марии. И Сергей Радонежский трижды вскричал в утробе матери во время Божественной литургии, потому что ощущал благодать Божию. То есть нерожденный ребенок уже все чувствует.

Но еще и до зачатия супруги должны молиться – не о том, чтобы Господь им послал мальчика или девочку, а просить, чтобы будущий ребенок стал человеком добрым, чтобы он Бога любил. Родители рожают дитя не на утеху себе, не для того, чтобы игрушку занять или быть как все. Если они христиане, то должны молиться, чтобы Господь дал им новое чадо Церкви, которое они возрастят для Господа. И когда Господь подаст им чадо, когда понесет во чреве молодая мать, в это время она еще более должна храниться от всего злого, что есть в мире. Уже в древности люди знали, что если мать хочет родить красивого ребенка, то она должна видеть вокруг себя только красивые вещи. И так же с душой. Поэтому какое счастье, если ребенок родился в семье, где нет ни споров, ни криков, где постоянно не гудит телевизор, из которого несет Бог знает что.

К сожалению, нас окружают и уродливые дома, и уродливые улицы, и уродливые людские отношения, а мы впитываем в себя это зло и сами ему служим. Что же удивительного, что наши дети рождаются нравственными уродами? А по данным статистики, восемьдесят процентов новорожденных и физиологически неполноценны. По детской смертности мы на пятьдесят втором месте в мире – значит, отстали от многих стран Африки, где вообще никакой медицины нет. Жизнь детей отягчается и абортами, которые совершили родители, и пьянством, и руганью, и злобой. Когда бедный ребеночек растет в такой атмосфере, может ли он вырасти в добрый плод? Представим, что мы выберем самый хороший сорт яблони и посадим ее в глину, будем вместо навоза кислотой поливать и рвать на ней листья и ломать ветки. Можно ли с нее яблок дожидаться? Да никогда! Она если и вырастет, то кривая, неказистая, будет еле-еле тянуть свое существование. Так же и наши деточки. Когда ребеночек только рождается, разве можно подумать, что он вырастет в чудовище? А кто этому служит, кто для этого трудится? Мы сами.

Женщина спасается чадородием, сказал апостол Павел. Основное послушание женщины в мире – производить на свет чад Церкви. И не просто производить, как кошка или корова. У коровы телята рождаются для того, чтобы их к осени резали, поэтому она ни о чем не заботится – как ее бычок или телочка растут, что они едят? Пока они маленькие, кормит их молоком, а потом уже ей все равно. Но человек не так, он прежде всего должен думать о будущем своих детей, каждый день ломать голову, глядя еще только на колыбель: что будет с моим младенцем, как мне его воспитать, чему учить, какие книжки ему читать? Это самая главная задача, задача высочайшая и помимо того еще очень трудная. А мы в основном детей от себя отпихиваем, стараемся отдать другим: дедушке, бабушке – слава Богу, если есть, а если нет, то в детский сад, да еще и на пятидневку; а кому-то вообще наплевать: я устал, мне некогда. Некоторые предпочитают лучше работать, чем с детьми заниматься. И поэтому естественно получается вот

такой больной плод. В этом никто не виноват, кроме нас самих.

Скажут: что же, и поправить ничего нельзя? Сегодня утром мы в Евангелии читали, что можно: молитвой можно и гору сдвинуть.

Хотя будущее ребенка закладывается еще до его зачатия, а самый главный период жизни дитя – это когда он находится в утробе матери и потом первые четыре года его жизни, и хотя многое уже упущено, но тем не менее мы всегда можем это восполнить. Возьмем пример с той же яблоней. Взять и прекратить поливать ее кислотой и ломать ветки, а начать окучивать, навоз подкладывать, ветки обрезать только негодные, стараться эту яблоньку от непогоды защищать, привить к ней другие сорта – то есть потрудиться очень много. Глядишь, пройдет еще восемь-десять лет, и появятся плоды. Может быть, их будет немного, но хоть сколько-нибудь, и то слава Богу.

Конечно, лучше, чтобы сразу росло, тогда уже на четвертый год яблоки бы получили. Всегда лучше строить сразу, чем потом перестраивать, и чинить гораздо трудней, чем сделать заново, но если мы будем усердно и долго молиться Богу за заблудших наших детей, постоянно, с трепетом и с верой, что Господь наше прошение исполнит, то Господь даст нам это, наша молитва даром не пропадет. Может быть, к старости, может быть, после нашей смерти наши дети опомнятся. Поэтому начинать трудиться никогда не поздно, и чем скорее мы спохватимся, тем лучше.

Многое мы упустили и из-за этого много страдаем и мучаемся, но надо усугублять свою молитву за детей и веровать, что мы молимся – не просто горох в стену кидаем, а Господь слышит нас. А почему же медлит? Потому что мы должны своей молитвой восполнить все то зло, которое причинили своим детям. Господь, чтобы спасти человека, посылает ему скорби, и эти скорби человека воспитывают. И все, что мы свои детям недодали, все бессонные ночи и труды, – это нам гораздо позже вернется, и мы, глядя на духовный распад своих детей, будем трудиться своей душой, будем страдать и восполнять то, что им недостаточно уделили. Поэтому прежде, чем в брак вступить и детей заводить, нужно стать христианами, иначе намучаемся с детьми неизбежно.

Сегодня мы прославляем и чтим святых родителей Матери Божией, и на каждом отпуске всегда поминаем Иоакима и Анну, которые своей чистой жизнью, своей крепкой верой, своим смирением и своим долготерпением принесли добрый плод. Самое главное в воспитании детей – не терпение, а именно долготерпение. Это постоянное терпение родителей над своими детьми рождает в них смирение. А раз есть смирение, значит, привлекается благодать Божия. Раз привлекается благодать Божия, значит, она спасает, потому что очищает человека от греха, возводит его на небесную высоту и он становится чадом Божиим и наследником Царствия Небесного. Вот такой спасительный путь нам Господь предназначал.

У Иоакима и Анны очень долго не было детей, но они не отчаялись, не говорили: ну вот, сколько же можно молиться? И в церковь ходим, и свечи ставим, и баранов приносим резать для жертвы Господу – и ничего. Хотя они уже старые стали, а не возроптали на Бога, твердо веровали, что Господь даст по их прошению: нет за ними никакой вины – значит, надо просто потерпеть, Господь испытывает. И Господь испытывал их веру, и испытал, и они сдали этот экзамен, поэтому и принесли прекрасный плод – Пресвятую Богородицу, от Которой мы все с вами получаем спасение.

Главный смысл нашей жизни на земле – это воспитание детей. Господь сказал нам о любви к ближним – ну кто нам ближе, чем дети наши? Мы их любим не потому, заслуживают они того или нет, а только по природе, потому что премудрый Господь заложил в каждого человека, в каждое животное любовь к своим чадам. И надо, чтобы эта любовь расцветала, потому что только в семье, где есть любовь, можно воспитать христианина. Почему большинство детей выходят из повиновения? Потому что им не хватает любви и они ищут ее на стороне. А если в семье атмосфера любви, то ребенок не бежит из дома, он стремится домой. Рыба ищет где глубже, а человек – где лучше. Каждому – и кошке, и собаке, и слону, и человеку – нравится, чтобы его любили.

Ребенка обмануть нельзя: сколько его по головке ни гладь, он всегда прекрасно чувствует, искренне это или нет. Какой ему учитель нравится? Тот, который любит. А тот, который не любит, даже если он очень умный, деткам не нравится, и предмет его не нравится. Любовь

должна быть, без нее ничего не достигнешь. А чтобы ее приобрести, надо сначала делать дела любви, потом и она появится постепенно-постепенно.

Когда рождается ребенок, обычно родители к этому не готовы, но нужно понуждать себя, а потом, войдя во вкус этого удивительного и высокого ремесла – воспитания детей, – они здесь обретут и самое выдающееся делание на земле, и счастье, и покой, и спасение.

С детьми прихода

В современном мире, который не только веры христианской не имеет, но противоположен ей, безбожен, родители, действительно желающие воспитать своих детей чадами Церкви, благочестивыми людьми, должны усиливать свои потуги. Если в прошлом веке достаточно было младенца приносить в Церковь причащать два или три раза в году, то теперь нужно делать это, если есть возможность, чуть не ежедневно, чтобы как-то противопоставить этому миру. Мы живем в такой тяжелой атмосфере, что должны детям уделять внимание учетверенное по сравнению с тем, какое могли уделять родители сто лет назад, когда и окружение было христианское, и в школах учили закону Божию.

Правда, батюшки разные могли попасться – один благочестивый, преподавал хорошо, деток любил, а другой равнодушный, думал только о том, как бы ему из этой гимназии вырваться на свободу, и предмет свой вел плохо, и не мог детям веру привить. Сейчас вообще закон Божий не преподается, поэтому мы должны сами все знать, сами всему учить и кропотливо над этим трудиться.

А когда ребенок в школу идет, что на него обрушивается? Море гнусности, всякого развращения. Те учебники, которые он читает, налиты ложью, там почти все вранье и все перевернуто. Как семилетнему ребеночку с этим справиться? А ведь вокруг еще дети, которые и дразнятся, и говорят плохие слова, и не слушаются. И он все это видит. Какой же должен быть в нем заряд любви и добра, чтобы он мог противостоять этому злу и сохранить в себе добро: не озлобиться, не озлиться, не разучиться прощать, не выйти из послушания, по-прежнему любить папу с мамой, не стать как все – вместе со всеми воровать, блудными делами заниматься, банки гонять до позднего вечера. Сколько же нужно в это вложить труда, сколько нужно крови пролить над этим ребеночком! Как же это тяжело дается!

Но если этого не сделаешь – прольешь кровь, но позже, когда твой ребеночек начнет пьянствовать, когда по рукам пойдет, не дай Бог, еще в тюрьму сядет. Страдание, которое ты добровольно не приносишь, Господь взыщет с тебя позже. И это гораздо мучительнее, потому что самое мучительное – когда человек бессилен. Почему Господь говорит про геенну огненную: "Там будет плач и скрежет зубов"? Да потому, что поздно, ушла душа из тела, невозможно уже ее спасти.

Так вот, чтобы с нами этого не было, нам нужно стараться трудиться, трудиться, трудиться. А самый главный, основной наш труд – в молитве. Надо все время думать, как

нашим детям помочь, надо все время Бога об этом просить и не терять терпение и веру, потому что если мы их потеряем, то ничего не получим. Только терпение может родить смирение, а Господь откликается на молитву смиренного сердца.

Нам надо хорошенько запомнить, написать и над кроватью повесить: без смирения спасение ни нам, ни нашим детям невозможно. Поэтому будем помнить об этом и, когда отчаяние к нашему сердцу подступает, будем вспоминать великий подвиг смирения и терпения Иоакима и Анны и просить Пресвятую Богородицу за нас и деток наших. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
20 сентября 1988 года, вечер*